Цена отдельного номера в Москве, в провинции и на ст. жел. дор. 5 копеек.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центральн. Ком. и Московск. Ком. В. К. П.(б.).

РЕДАКЦИЯ: Москва, 9, Тверская, 48. Тел. адрес „ПРАВДА“.

ТЕЛЕФОНЫ: Телефонограммы . 4-06-00. Секретариат . 5-54-14. Иностранн. отд. . 2-71-84. По Союзн. Респ. . 3-91-01. Отд. хроники . 5-80-31. Парт. жизнь . 5-87-34. Рабочая жизнь . 4-16-29. Деревня . 4-06-29. Военный отдел . 4-06-27. Почт. ред. . 3-63-69. Рукописи не возвращаются.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва-центр, М. Черкасский пер., д. 3/4. Телеграфный адрес — Издатправда.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: На 12 мес. 10 р. [illegible]

ЦЕНА НА ОБ'ЯВЛЕНИЯ: Строка нонпарели позади текста—2 р., впереди—4 р. 50 к. Сверх тарифа, согласно постан. СНК от 11 апреля и 6 июня 1924 г., взим. 10% налога. При многократном печатании—скидка по соглашению. ОБ'ЯВЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ Главной Конторой Издательства „ПРАВДА“ — Мал. Черкасский пер., 3/4.

С жалобами на недост. газет в Москве звонить 2-90-22 и 2-89-24.

ТЕЛЕФОНЫ: Городск. отдела 2-90-22, 2-89-24. Отдела подписки . . . 3-97-88. Отдела об'явлений . . 2-53-77. Бухгалтерии . . . . . 2-89-28. Отдела распространения 2-27-12.

№ 59 (3591). Суббота, 12 марта 1927 г. ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА № 59 (3591).

Десять лет тому назад народ низверг хищного орла самодержавия, сбросил господство помещиков, опрокинул гнусный царский режим, февральской победой над помещиком проложил дорогу Октябрьской победе над буржуазией.

Вместо тюрьмы народов и кровавого царского застенка возводит рабочий класс могучий оплот социализма.

Своими победами мстит рабочий класс своим вековечным врагам.

Да живет светлая память о мучениках и героях великой борьбы с варварской деспотией царей!

Да живет боевой и творческий дух революции, преобразующий мир!

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Следующий номер „Правды“ выйдет во вторник, 15 марта.

От короны к серпу и молоту.

Десять лет назад произошло величайшей важности событие. Пала династия Романовых. Замертво грохнулась царская Россия, сраженная революцией.

Старый режим был самым подлым, кошмарным и отвратительным из всех, какие только знал мир. Сто пятьдесят миллионов тружеников лежали распластанными у трона. Князья и графы утопали в безумной и праздной роскоши, предавались распутным оргиям, прожигали *миллионы,—а целые губернии ради* них обливались потом, работали от зари до зари, и розгами засекали урядники «непокорных». «Августейшие» садисты чередовали мерзкие танцы с распутинскими богослужениями, а в это время по всей стране неслись стоны затравленных, забитых, униженных. Лучшие люди, самые мужественные и честные, гибли на каторге, задыхались в тюрьмах, мерзли в сибирской тайге, а в это время проклятая банда аферистов, губернаторов, полукрепостников и титулованных мошенников, юродствующих подхалимов, с кокардами, *орденами, эполетами, чинами,* петличками—ликовала, пригоршнями набивала себе карманы. Шайка прокаженных распоряжалась всей страной, а сотни тысяч солдат погибали на империалистической сече. Огромные и лучшие земли принадлежали дворянам-помещикам. На фабриках и заводах по 12 *часов* работали на благо Путиловых и Рябушинских. Беспросветной «кутузкой», кабаком и воровским притоном Чебырячки, страной мракобесов, Кассо и Горемыкиных, Штюрмеров и Марковых, Пуришкевичей и Распутиных, бесправной казармой, увенчанной *замызганной кровью романовской* короной,—вот чем была царская Россия.

Сотни лет господствовал этот режим. Его ненавидели, его проклинали миллионы. Роптали, «бунтовали». Романовская клика выдержала напор крестьянской революции. Она жестоко расправилась с разинцами и пугачевцами, казнила и четвертовала. Не могла сдвинуть царизм и кучка смельчаков-народовольцев. Россия оставалась тюрьмой народов, жандармом Европы, реакционным пугалом всего света.

Но вот задымили фабричные трубы, загудели заводские гудки. Стали быстро расти города. «Чумазый» *стал энергично* стучать своим заступом по стране. Сотни тысяч рабочих скопились в душных кварталах городов. Российский пролетариат хорошо познал царскую муштру, познал и худшие прелести фабричной эксплоатации. Зажатый в клещи рабочий класс России *становился смелым, последовательно* революционным. Под романовским колпаком, придушившим страну, клокотали новые могучие силы. Угрюмо высилась помещичья Бастилия. Но близилась буржуазная революция. Развивался капитализм. Но «демон» революции угрожал уже *и царю и капиталу.* Подрастали легионы могильщиков старого строя. 1905 год едва не прорвал вековые плотины.

Всесветное побоище 1914 — 17 гг. окончательно минировало почву под самодержавием. Прогнивший на *корню* и покрытый струпьями «мясоедовщины», «сухомлиновщины», «распутинщины»,—царизм зашатался, как пьяный. Питерский пролетариат забастовал и вышел на улицы. Городовые-пулеметчики были связаны. Корона тирана упала к ногам революционного народа. Алый стяг взвился над Зимним дворцом.

Но Терещенки, Милюковы, Родзянки, «деятели» протопоповской государственной думы *были наготове. Они сразу потянулись* к власти. Им нужно было «осадить назад» революцию. Им строили глазки гг. Бьюкенены, посланники империалистических держав. Им маячили в глаза «проливы» и Константинополь, нажива, военные прибыли на «самом дешевом» *русском пушечном мясе.* Им нужна *была* «война до победного»! Россию Горемыкиных они хотели превратить в Россию Коноваловых.

Целая армия буржуазных лазутчиков, меньшевиков *и эсеров, паяцов и трусов,* Церетели и Керенских бросалась революцию «успокаивать», т.-е. ее предавать. Они обеляли темные проделки антантовского агента Милюкова. Они стращали, «увещевали», клеймили народ «взбунтовавшимися рабами». Они изо всех сил *старались повернуть рычаги бешено мчавшегося* локомотива, дать «контрпар».

Но было поздно. Стомиллионная масса тронулась. «Долой войну!»—раздавалось в окопах. «Долой помещиков и капиталистов!», «Мира, хлеба, свободы!»—гремело из пролетарских кварталов. «Земли, земли, воли!»—эхом отдавалось из деревень вековая мечта сермяжного люда. Шумело, бушевало из края в край великой равнины, *на фронтах, в мастерских,* в соломенных избах, на улицах, на площадях, на *железных дорогах.* Движение миллионов было возглавлено, организовано партией большевиков, партией с ясным революционным сознанием и железными нервами, партией, руководимой Лениным. Буря грянула с неслыханной силой. Революционный вал достиг величайшей высоты, и в разверзшейся октябрьской пучине сгинул старый строй навеки.

Почти десять лет живет «Россия»—*Союз Советских Социалистических Республик* без «хозяев», то-есть без дворян, без царя, без буржуазии. Она живет, развивается, шагает вперед по ярко освещенному пути. Много трудностей и жертв теперь уже позади. Многое осталось, много еще бедности, недостатков. Десять лет *революционного строительства,* да еще в окружении недругов,—это слишком небольшой срок, чтобы превратить в цветущую страну то, что Романовы и их челядь калечили и уродовали целых триста лет. Но уже распустились побеги новой жизни. Появились рабфаки, рабочие клубы, *крестьянские курорты,* новые люди, рабочие-директора, работницы и крестьянки—делегатки, строятся новые заводы, Волховстрой и Днепрострой. В стране, где гуляла царская нагайка, теперь успешно строится социализм.

В этот день, вспоминая былое, которому мы давным-давно вбили осиновый кол, мы шлем ему проклятье. И мы зовем всех трудящихся советских республик еще крепче *спаяться* в единую семью строителей нашего светлого будущего. Пусть тверже стучит пролетарский молот! Пусть ярче звучит трудовая песня! Пусть дальше идет революция, к новым победам, к новым завоеваниям, к радостным дням нашего полного торжества!

О буржуазной революции в нашей стране.

Февральская революция, это, *прежде всего,*—**свержение царизма.** Февральский переворот—*важнейший исторический рубеж,* за которым навсегда осталось царское самодержавие, существовавшее в нашей стране несколько столетий. Одна романовская монархия господствовала 304 года.

Самодержавие воплощало в себе власть *крепостников-помещиков.* Из них же первым и самым крупным был царь. За сотни лет существования в классовой природе самодержавия, конечно, происходили свои изменения, царская власть прошла через ряд этапов своего развития. Но ее классовая сущность, вплоть до крушения, заключалась в том, что она была представителем крепостнического средневековья. Даже после создания царских органов *«народного представительства»,* в лице государственных дум, монархия в России сохранила в основном свой прежний характер. Правда, промышленный капитализм быстро развивался, столыпинская реформа заметно способствовала росту буржуазии в деревне, а самодержавие *делало некоторые шаги к превращению* в буржуазную монархию,—но этот последний процесс не поспевал за экономическим и социально-политическим развитием страны. Крепостническое дворянство было единственным классом, стоявшим тогда у власти. Буржуазия в лице своего октябристско-кадетского блока стояла, по ее собственному признанию, в положении «оппозиции его величества». 1905 год не внес коренных изменений в социальную *природу самодержавия.* Меньшевистские уверения в том, что после 1905 года самодержавие превратилось в буржуазную власть, были не чем иным, как ренегатским отказом от революции и либеральным подмалевыванием романовской монархии. Действительную роль русской *буржуазии, роль прислужника при крепостническом* режиме, Ленин особенно наглядно раскрыл на разборе одной меньшевистской книги о тогдашних организациях крупного капитала (Ленин, т. XII, часть 1-я).

Февральская революция свергла царизм и, тем самым, **свергла власть крепостников-землевладельцев.** На место старой создалась **новая власть—власть буржуазии.** Это и значит, что **Февральская революция была буржуазной революцией.**

Образовавшееся после переворота временное правительство сразу определилось, как буржуазно-империалистическое. Это *наиболее ярко вскрылось на отношении* новой власти к войне. Начатую царизмом войну временное правительство и не подумало повести к концу. Наоборот, оно поставило себе целью использовать переворот для империалистической политики: «Война до победного конца!». Подчеркиванием *своего полного единства с иностранными «союзниками»* (Англией, Францией и Италией) *временное* правительство полностью вскрыло классовое существо своей политики. Личный состав временного правительства и организации, на которые оно оперлось (государственная дума, городские думы, военно-промышленный комитеты и т. п.), также достаточно *определенно подтверждали,* что *буржуазия* стала господствующей силой в стране, при чем она сохраняла лучшие отношения с помещичьим классом. Не только в составе органов власти (**князь** Львов во главе временного правительства, **помещик** Родзянко во главе думского комитета, генерал Корнилов—*на передовом посту в* армии), но и в основе внутренней политики новой власти (охранение помещичьей земли) буржуазия вела политику блока с дворянами-землевладельцами. Власть перешла к новому классу—к буржуазии, но в новый строй еще крепко вплетались элементы *старого.* Однако, *поскольку* у власти стала буржуазия,—«постольку буржуазная или буржуазно-демократическая революция в России **закончена»** (Ленин). При этом Ленин отвел и такое возражение, что буржуазная революция может закончиться только созданием правительства—демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. После февральского переворота нечего было ждать создания буржуазно-демократической диктатуры—она уже существовала, она уже воплотилась в жизнь. Ленину пришлось лишь указать на Советы, которые, как это признавали и меньшевики и эсеры, были признанными представителями «*революционной демократии» в ту эпоху.* Возникшие рядом с временным правительством Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, как это полностью подтвердил исторический опыт, представили собой в этот период своеобразную форму революционно-демократической диктатуры *пролетариата и крестьянства.*

Февральская революция с самого начала дала **сочетание и переплетение двух правительств:** буржуазного *в лице правительства* Львова—Гучкова—Милюкова и **революционно-демократической диктатуры** пролетариата и крестьянства в лице Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, *добровольно отдавших власть буржуазии.* В этом факте сказались важнейшие особенности *развития нашей революции.* Главные особенности буржуазной революции *в нашей стране по сравнению* с буржуазными революциями в других странах заключались в следующем: в мировой экономике вполне определилось господство империализма—теснейшая связь и огромная зависимость царизма (финансовая и вообще экономическая, *политическая и специально по военным договорам)* от международного финансового капитала; империалистическая война сыграла роль в сторону дальнейшего усиления этой зависимости и подчинения нашей страны империалистической политике «союзников»; внутри страны — исключительно *затянувшееся господство* крепостнического режима, охранявшего *власть помещика;* особые условия развития капитализма в России, не давшие подняться политической роли буржуазии; те же условия, сделавшие наш пролетариат гегемоном в революционно-демократическом движении, однако по крайней мере в самом начале революции еще *недостаточно подготовленным для сплочения* масс под знаменами пролетарской революции; наконец, преобладание крестьянства (мелкой буржуазии) в стране при чрезвычайно тяжелых условиях существования крестьянских масс, притом во многом еще ухудшившихся в результате тяжелой войны.

Все это привело после февральского переворота к тому, что буржуазия (временное *правительство) оказалась с самого* начала полностью на поводу империалистических «союзников» в международных отношениях, а преобладание мелкобуржуазных элементов (крестьян в солдатских шинелях) в советах на определенное время превратило советы в придатки *буржуазной власти внутри страны.* Последнее обстоятельство, т.-е. преобладание в тогдашних советах мелкобуржуазных элементов, целиком еще опутанных *буржуазными предрассудками и буржуазной* идеологией, подносившимися массам под соусом звонких фраз «революционного оборончества», отдало советы того периода под руководство социалистов-соглашателей. Керенские и Черновы, Мартовы и Церетели стали на некоторое время *героями соглашательских советов.* Их усилиями советы превратились в орудия буржуазной власти.

Однако, и тогда буржуазное правительство не было полновластным хозяином в стране.

На ряду с официальной властью, на ряду с временным правительством, в первые *месяцы в качестве ублюдочной, но* все же особой второй государственной власти существовали советы раб. и солдатских депутатов. В течение ряда месяцев, плетясь под руководством *социал-оборонцев* в хвосте буржуазии, но, однако, не сливая своей власти целиком с властью временного правительства, советы фактически представляли собою вторую государственную силу. Поэтому основным своеобразием Февральской революции было существование **двоевластия** в стране.

Хотя первые месяцы после переворота советы под руководством меньшевиков и эсеров шли в хвосте буржуазии, тем не менее *они уже тогда были зародышем новой,* не буржуазной власти, власти типа Парижской Коммуны. Уже 4 апреля в ленинских тезисах в «Правде» это было сказано с полной ясностью. Уже там было раз'яснено и то, как надо понимать, что с переходом власти к новому классу, к *буржуазии—буржуазная и буржуазно-демократическая* революция закончилась. Она закончилась потому, что особенностью тогдашнего момента являлся **переход** от первого буржуазного периода революции к ее новому этапу (пролетарскому). Этот переходный период продолжался недолго, *всего несколько месяцев.* Но это был период исключительно напряженной, политической борьбы. В условиях невиданной до того свободы политической агитации и пропаганды, шла борьба за широкие массы между пролетариатом (большевиками) и буржуазией с ее политическим *охвостьем* из мелкобуржуазных партий. Буржуазия стремилась покончить с двоевластием переходом к прямой *военно-буржуазной* диктатуре (пример: корниловщина). Пролетариат вел борьбу за переход от двоевластия к власти советов, к пролетарской диктатуре.

Для истории революции, а также нашей партии и всего Коминтерна события и развитие политической мысли этого *периода имеют прямо* первостепеннейшее значение. Большевизм под руководством Ленина в этот 8-месячный период от февраля до октября остался верен себе. Он, прежде всего, в лице Ленина, дал точную оценку того, в какой мере старые (1905 г.) большевистские оценки *буржуазно - демократической* революции применимы к новым условиям революционного развития. Те, кто не соглашались с этой оценкой и оставались на «старых» взглядах и, несмотря на совершившуюся уже победу буржуазии, все еще ограничивали свой кругозор перспективами *буржуазной революции,* те скатывались на деле к оборонцам, к буржуазному демократизму, к социал-соглашательскому Интернационалу. В этом смысле путь тов. Каменева от оборонческих статей в мартовских номерах «Правды», затем защита участия большевиков в *Стокгольмской конференции* вместе с социал-империалистами, после—защита участия большевиков в предпарламенте, представлявшем собою орудие буржуазии в переводе революции на рельсы буржуазной демократии,—весь этот путь, до коренной ошибки в октябрьские дни, следует *признать «логичным» и «последовательным».* С другой стороны, партия застраховала себя от ошибки троцкизма, от ошибки теории «перманентной революции», перескакивающей через крестьянство от правительства «без царя» к правительству рабочего класса. Партия твердо сказала, что вместе с победой буржуазии в феврале перед пролетариатом открылись новые задачи, задачи пролетарской революции. Вместе с тем партия признала, что после февральского переворота нельзя сразу перепрыгнуть к пролетарскому восстанию, что такая тактика была бы революционным авантюризмом мелкобуржуазного пошиба.

Поэтому партия дала такую *оценку* политическому положению после победы февраля: революция находится на переходе от буржуазного этапа к пролетарскому, и наша задача—использовать эту переломную эпоху для завоевания большинства в массах. При этом исходным *пунктом работы большевиков тогда является:* оставаясь на непримиримо революционной интернационалистской позиции (против войны, против поддержки временного правительства, за немедленную передачу земли крестьянству, за проведение 8-часового дня), вести терпеливую *раз'яснительную работу* в массах, раз'ясняя буржуазный обман политики временного правительства, не делая никаких уступок популярному в первый период «революционному оборончеству». Пока широкие массы солдат и крестьянства идут за меньшевиками и эсерами, идут за *оборонцами, партия ставит одну* задачу: раз'яснять и снова раз'яснять вред их политики и невозможность на этом пути выйти из войны, разрухи и голода. Партия ставит свой практической целью завоевать советы, вырвать их из-под влияния оборонцев, добиться *решающего влияния большевиков внутри* советов. Всякие попытки к вооруженным выступлениям, к захвату власти до завоевания большинства в массах на сторону партии — большевики решительно осуждают, как вреднейшую авантюру. Так, партия осудила часть руководителей *петербургского комитета,* когда с их стороны неосторожно был дан авантюристический лозунг: «Долой временное правительство!» во время событий 20—21 апреля, когда только начиналось в массах возмущение милюковской политикой разжигания войны. Так, 3 июля партия удерживала *наиболее боевые и нетерпеливые* военные части от вооруженного выступления против временного правительства, а когда выступление части солдат и рабочих началось, то партия сделала все, чтобы придать выступлению мирный характер. Но когда положение в массах изменилось, когда в столицах (Петроград и Москва) советы в своем большинстве *стали большевистскими,* когда из армии и из деревни стал резко подниматься голос протеста против буржуазного правительства,—тогда радикально меняется тактика большевиков. Большевики *открыто* мобилизуют массы на восстание. Тогда Ленин вдохновляет партию и рабочих на *немедленные и решительные* действия. Тогда нашими лозунгами становятся: «Промедление в восстании смерти подобно», «Восстание—искусство», «Смелость, смелость и еще раз смелость!». Тогда большевики идут во главе масс на приступ временного правительства, *захватывая власть в свои руки.*

Так именно было в октябрьские дни 1917 года. **Буржуазная власть в нашей стране** так и **осталась восьмимесячным недоноском.** Октябрьская революция похоронила ее навсегда. Но и **тогда буржуазная революция** у нас **еще не кончилась.** Если *в недрах* буржуазной революции, с первого же дня ее победы, **уже** появился зародыш пролетарской власти — советы,—то, с другой стороны, и после победоносного осуществления лозунга «Вся власть советам», т.-е. после перехода власти к пролетариату, буржуазная революция *еще не кончилась.* На ряду с практическими шагами по пути к социализму (переход к пролетарскому государству банков и многих материальных ценностей буржуазии, а затем фабрик и заводов) победивший пролетариат «доделывал» буржуазную революцию. Конфискация помещичьих земель, национализация их и передача крестьянству, — это было завершением буржуазно-демократической революции. То, чего не провела власть буржуазии и мелкобуржуазных соглашателей в отношении революционно-демократических задач, то (земля крестьянам) *докончила пролетарская советская власть.* Декретом советской власти о земле был произведен окончательный разгром крепостнического средневековья, но эта революционная мера еще почти не трогала буржуазную часть деревни.

Первый период Октябрьской революции пролетариат шел вместе со всем крестьянством против помещиков. Если в городе сразу же после октябрьского восстания *начались меры социалистического* характера, то в деревне в первый период власти советов проводились те меры, которые вместе с пролетариатом об'единяли **ВСЕ** слои крестьянства (без различия их классовой сущности) против помещиков. Это и значит, что в этот период, уже при *пролетарской власти, буржуазная* революция еще только заканчивала свой круг в деревне.

Этот период кончился к осени 1918 года. С лета этого года начался новый этап революции и в деревне. Организация комбедов, направленных против деревенской буржуазии—кулачества, означала, что и в деревне пошла уже прямая классовая война пролетарских и полупролетарских слоев против сельской буржуазии. Раскулачивание осенью 1918 года означало, что пролетарская революция докатилась до деревни. Тем самым **с осени 1918 года** буржуазная революция уже в полной мере отошла в нашей стране в прошлое. Только с этого времени на ее место не только в городе, но **и в деревне пришла революция пролетариата.**

Остатки буржуазии у нас остались (а частично даже восстанавливаются) еще и теперь. Преодоление их для нас лежит теперь по пути дальнейших успехов пролетарской революции, то-есть на основе роста социалистического строительства. Мы знаем теперь, каковы пути строительства социализма и в городе, и в деревне, и потому у нас есть уверенность, что борьбу с этими остатками буржуазных классов (нэпманами и кулаками) мы сумеем довести до конца, до полного их исчезновения.

Подведем итоги.

Победоносная буржуазная революция в нашей стране **началась ровно** десять лет назад, в памятные февральские дни. Постольку, поскольку в первые же дни революции власть от крепостников-помещиков, возглавлявшихся самодержцем Романовым, перешла к буржуазии,—**постольку** можно считать, что буржуазная революция **кончилась** уже в то время, с момента господства буржуазии. Но только «постольку» после создания новой власти буржуазная революция прошла через ряд *этапов развития.*

Своеобразие нашей буржуазной революции заключается в том, что вместе с образованием буржуазной власти появился и ее антипод, появились и зародыши пролетарской власти (двоевластие), при чем на первой стадии будущие органы пролетарской диктатуры (советы) *представляли собой,* благодаря преобладанию в них мелкобуржуазного влияния, оригинальную форму буржуазно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, идущей на поводу у буржуазии.

Об'ективные условия нашей буржуазной революции и правильная линия революционного пролетариата (большевиков) сделали *неизбежными быстрый крах* буржуазной власти и победу пролетариата. При этом буржуазная революция, как это часто бывало в других странах, не доделала своих революционно-демократических задач. И поэтому **буржуазно-демократическая революция** (прежде всего в деревне) ***была доведена до конца победоносным советским пролетариатом.*** В связи с этим почти только через год после Октябрьской победы пролетарская революция по-настоящему шагнула в деревню (осень 1918 года).

Следовательно, если брать период от перехода власти к буржуазии до окончания основных буржуазно-демократических преобразований не только в городе, но и *в деревне, то можно считать,* что **буржуазная революция в нашей стране продолжалась от весны** (начало марта) **1917 г. до осени 1918 года.** За этот, примерно, полуторагодичный срок буржуазная революция прошла через ряд этапов: от вершины господства через крах буржуазной *власти к полному уничтожению старого* господствующего класса—помещиков. За это время диалектика революционного развития показала самые разнообразные сочетания и переплетения старого и нового, гибель одного и возрождение другого общественного класса и политических *направлений.*

Наша буржуазная революция (не говоря уже о пролетарской) дает много своеобразного, *по сравнению с буржуазными* революциями в других странах. Старые большевистские взгляды на буржуазно-демократическую революцию в нашей стране в основном подтвердились, но только в основном. Революционное движение не могло не дать совершенно оригинальных форм осуществления в живом общественном развитии этих основных взглядов партии.

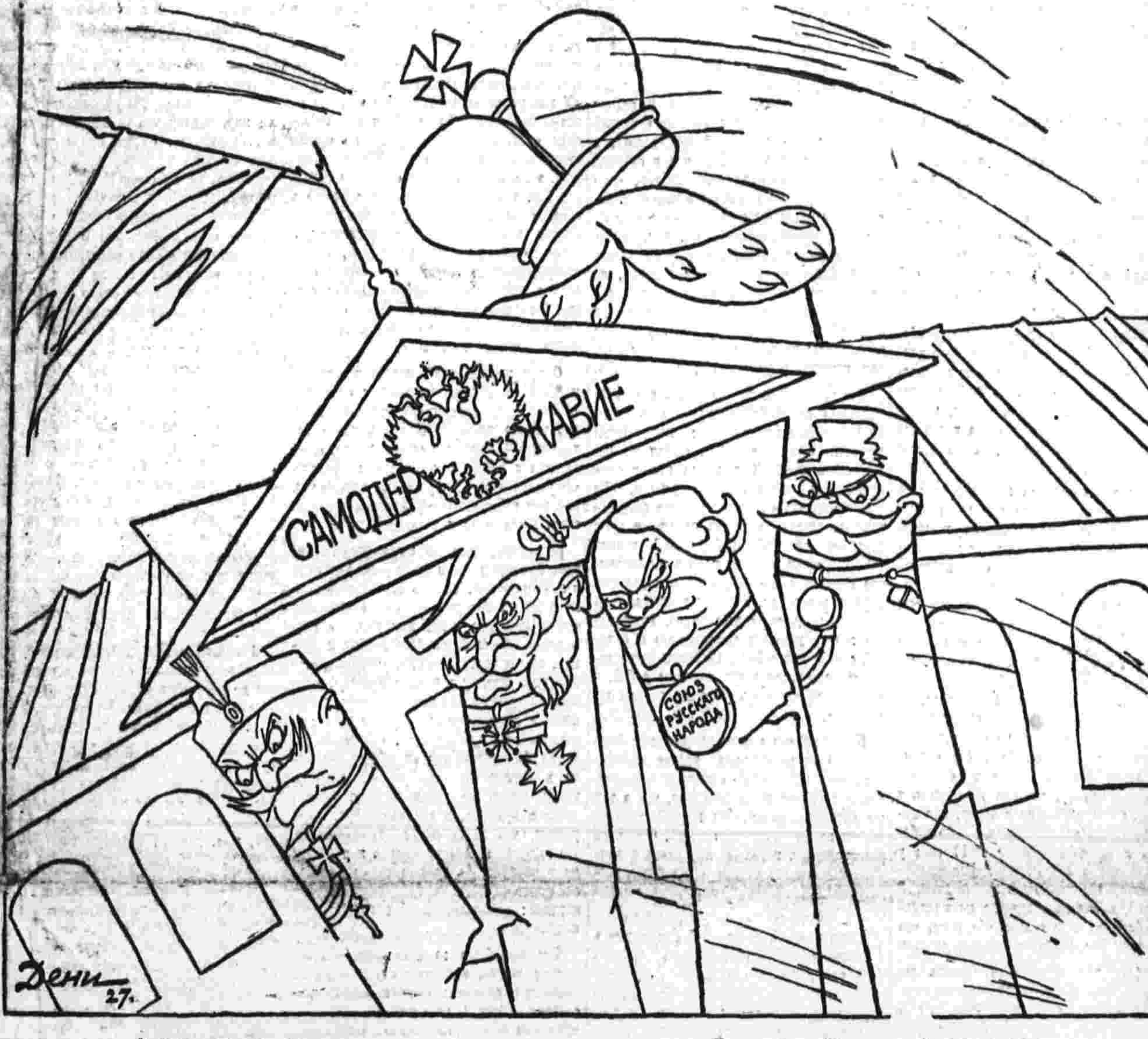
Меньшевики, всуе именующие себя марксистами, подходили к оценке нашей революции со старыми школьными схемами. А когда факты опровергали их, якобы, марксистские схемы, они «бесстрашно» *пренебрегли фактами. Для них образцы* буржуазной революции 1789 года и 1848 года казались достаточными и обязательными рамками буржуазной революции и в нашей стране, в совершенно невиданных ранее условиях. На этом они потерпели полный крах, дискредитировав себя в *глазах рабочих.* На деле *они дали* законченные для настоящей эпохи типы мелкобуржуазных революционеров, которые вместо понимания новых задач пролетариата в условиях империалистской эпохи беспомощно путаются в центральных проблемах революции, подходят к ним с *мерками старомодного буржуазного портного.*

Между тем, международное революционное *движение показывает новые* примеры грандиозного развития буржуазно-демократической революции с совершенно новыми и, с точки зрения старых мерок, еще более своеобразными чертами и формами. Таков, например, ход развития китайской революции. Она не только происходит в *условиях мирового господства империализма,* но и в условиях во многих отношениях исключительного хозяйничанья международного империализма непосредственно на территории растущей национально-освободительной революции. В Китае также совершенно исключительна роль *государственного момента в революционной* борьбе, когда революция и контрреволюция имеют свой госаппарат, свою армию и т. д. А одновременность и практическое сочетание китайской революции и социалистического строительства в СССР? Достаточно указать только на эти моменты, *чтобы сказать, что буржуазно-демократическая* революция в Китае в очень-очень многом совершенно отлична от прежних буржуазных революций. И вместе с тем есть серьезные основания сближать некоторые существенные моменты пока буржуазной китайской революции с революцией 1917 года в нашей стране. Подобные сближения весьма условны. Но что опыт нашей революции 1917 г. имеет громадное значение и для уяснения революционных событий в Китае, в этом сомневаться нельзя. Из этого видно, что опыт революции в нашей стране имеет большое интернациональное значение.

В. МОЛОТОВ.

Февральский ураган.

Рис. худ. ДЕНИ.

Самодержавная гордыня—
Наш вековой, наш всенародный срам.
Казалось, вот она—твердыня,
Незыблемый, несокрушимый храм!

Но в ужасах войны, затеянной тираном,
Гнев страшный овладел народом-великаном.
И храм незыблемый—не выдержал борьбы:
Все рухнуло—фронтон, корона и столбы,
И все нанес смело «ФЕВРАЛЬСКИМ УРАГАНОМ»!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

„Добросовестное оборончество" и солдатская масса перед Февральской революцией.

«Самым крупным, самым ярким проявлением мелкобуржуазной волны, захлестнувшей «почти все», надо признать революционное оборончество»,—писал Ленин в апреле 1917 года. «Именно оно—злейший враг дальнейшего движения и успеха русской революции»... «Лозунг «долой войну» верен, конечно, но он не учитывает своеобразия задач момента, необходимости иначе подойти к широкой массе. Он похож, по-моему, на лозунг «долой царя», с которым неумелый агитатор «доброго старого времени» шел просто и прямо в деревню—и получал побои. Массовые представители революционного оборончества добросовестны,—не в личном смысле, а в классовом, т.-е. они принадлежат к таким классам (рабочие и беднейшие крестьяне), которые действительно от аннексий и от удушения чужих народов не выигрывают».

Мы теперь знаем, что лозунг «долой царя» звучал кое-где в русской деревне 1905 года независимо от каких-либо агитаторов—звучал устами самих крестьян, особенно там, где крестьяне были «удельные», некогда принадлежали царской фамилии, где, значит, царь и помещик сливались в одном лице. Тысячу раз прав был Ленин, что соваться в каждую деревню с лозунгом «долой царя» значило, в девяти случаях на десять, получить побои. Но десять тысяч раз неправы были кадеты, сладко певшие о «стихийном монархизме» крестьянской массы. На самом деле девяносто девять процентов этой массы просто относились к этому вопросу совершенно бессознательно, а один процент, начавший самоопределяться в политическом отношении, самоопределялся в антимонархическом направлении. Надо было терпеливо и медленно помогать этому самоопределению, «раз'яснять и раз'яснять»,—и успех был несомненен, «не очень быстрый, но верный и прочный» [1]).

Было ли то же с «добросовестным оборончеством»? Было ли это подлинное массовое стихийное настроение или же массы только пассивно усваивали бросаемые сверху лозунги, пока они, массы, просто еще ни в чем не разбирались, а как только начинали разбираться, переставали быть оборонцами?

У нас для ответа на этот вопрос есть материал, подлинный не менее,—а даже более,—чем те губернаторские и жандармские донесения, по которым мы могли себе составить близкое к истине представление о настоящем настроении крестьянских масс в 1905 году. Это, во-первых, наблюдения над массовыми настроениями армии царской охранки и ее секретные донесения кому следовало. Документ, совершенно аналогичный губернаторским и жандармским донесениям 1905 года. И там, и тут из чисто деловых соображений не только незачем было, но и невозможно было скрывать истину. Если бы охранщики стали просто повторять ту «патриотическую» чепуху, которая печаталась в газетах, их бы прогнали к чорту, как никуда негодных информаторов. Но по отношению к солдатской массе 1917 года у нас есть нечто еще лучшее. Все письма с фронта аккуратно читались военной цензурой, и она представляла по начальству обстоятельные сводки обо всем, что она в этих письмах находила интересного.

Правда, тут приходится сделать две оговорки. Во-первых, военное начальство, а цензура была ему подчинена—не в пример охранке имело весь интерес представить настроение на фронте в благоприятном свете: стремление показать, что «все обстоит благополучно», весьма явственно сквозит во всех цензорских сводках. Но тем ценнее то, что даже в них прорывалось. Во-вторых, прекрасно зная о цензуре, солдаты, конечно, в письмах, как общее правило, не откровенничали. Этого не могли не понимать и сами цензоры. «Сравнительная бесцветность корреспонденции»,—замечает одна из сводок, «отчасти (!) об'ясняется наличием цензуры, и наиболее верно отражающая истинный характер настроения переписка происходит помимо цензуры». Но это лишнее доказательство опять-таки, как ценны те немногие образчики неказенных настроений, что попадались даже в просмотренной цензурой переписке. Эти настроения отразились в последней не больше, чем в одном проценте, если даже не в еще меньшей доле. Словом, это лишь маленький уголок истины,—не самой истинной истины, более подлинной, чем все донесения «наблюдателей» из департамента полиции.

Этот последний уже в октябре 1916 г. мог констатировать полное отсутствие на фронте казенного благополучия. К этому времени относится доклад петербургской охранки, напечатанный недавно в «Красном Архиве». «В армии настроение стало очень и очень неспокойным, если не сказать «революционным»,—говорится там. «Дороговизна жизни и недостаток продуктов, переносимые с трудом солдатками, очень хорошо известны в армии через самих солдат, разновременно приезжавших сюда «на побывку». Циркулирующие в армии слухи о голоде в Петрограде достигли невероятных размеров и сейчас определенно граничат с областью чистой фантазии: по словам самих солдат, в армии имеются сведения, что в столице «фунт хлеба теперь стоит рубль», «что мясо дают только дворянам и помещикам», «что уже будто бы открыто новое кладбище для умерших от голода» и т. д. Беспокойство солдат за оставленные на родине семьи *более чем понятно и законно, но* скверно то, что оно с каждым днем все более и более увеличивается и является весьма благоприятной почвой для успеха пропаганды не только революционной, но при известных условиях и германской».

Нет надобности пояснять, что под «германской» пропагандой разумелась именно пропаганда антивоенная: кто-ж будет кричать «Долой войну!», ежели не немецкий шпион? И как раз эта именно пропаганда делала большие успехи. По мнению одного «уполномоченного земского союза», доклад которого попал в руки охранки, «всякий, побывавший вблизи армии, должен вынести полное и убежденное впечатление о безусловном моральном разложении войск. Солдаты указывают на необходимость мира уже давно, но никогда это не делалось так открыто и с такой силой, как сейчас. Офицеры часто даже *отказываются вести команды в бой*, в виду опасности быть убитыми своими же людьми».

Предвидя, что многое здесь может быть отнесено ее читателями насчет индивидуальных настроений «уполномоченного», охранка сейчас же прибавляет, что о том же рассказывает и «ряд врачей, вернувшихся из действующей армии». О том же рассказывают, могла бы прибавить охранка,—и это было во много раз более убедительно,—военные цензоры, читавшие солдатские письма.

Цензуре одной только 5-й армии уже к 15 января 1917 года удалось поймать 443 «антивоенных» письма, составлявших, повторяем, конечно, ничтожнейшую долю «антивоенного», что могли бы сказать солдаты, если бы заговорили откровенно. С 15 по 23 января в той же армии «падение числа бодрых писем продолжается и возрастает число угнетенных. Процент бодрых писем доходит до 7,6 при 2,5 писем угнетенного содержания»: из три «ура» слышалось уже одно «долой войну», хотя и приглушенным голосом. Разумеется, цензура уверяла, что в общем «настроение бодрое» и «поднимается». Но любопытно, что даже в серии «бодрых» цитат попадается такая: «Надоела до невозможности эта неразбериха. Желанный мир, говорят, еще долго не наступит,—пора бы одуматься и приступить к мирным переговорам. Хотя здесь и всего хватает, но в тылу творится ужасное безобразие». Цензору, очевидно, понравилось, что на фронте «всего хватает»: среди града жалоб на скверную пищу (особенно ненавистна была солдатам чечевица: «раньше кормить боялись ею даже лошадей»,—писал один солдат,—«потому что от нее шерсть вылазит, а теперь и людей кормят») уже и это было «лучом света».

Но лучей света становилось все меньше. В феврале уже казаки писали: «Войне краю не видно. Бог знает, когда кончится это убийство несчастного люда, надоело смотреть на эту губительницу народа. Бог знает, за что, три года войны, а убийство все увеличивается, сколько сирот, вдов и калек, умирающих с голоду, а конца все нет, да нет». Если так казаки писали, чего же было ждать от пехоты и артиллерии? «Какие новости у вас, что пишут газеты, пишут ли они насчет мира?»—спрашивало одно «пехотное» письмо. «Господи, как хотелось *бы* мира и скорее домой». «Уж слишком затянулось это грязное дело, и, несмотря на то, что истекает три года, конца не видно»,—говорило другое, «пехотное» же, письмо. «У нас усиленно тарахтят о мире, да не знаю, будет ли дело...» Но и артиллеристам «уж *надоело таскаться* по чужим странам. Когда только всему придет конец...» Тоскливую фразу «хотя бы поскорее был конец»—мы встречаем даже в офицерском письме. И оно прибавляло: «Здесь, между прочим, об этом говорят очень много». Говорили даже несомненные «добросовестные оборонцы». «Буду проситься опять на позицию»,—писал солдат 1-го кавказского стрелкового артиллерийского дивизиона: «Пойду бить врага, чтобы поскорее был мир».

О том же говорили, нужно прибавить, и ответные письма из дома к солдатам. «Наносим на всех и каждого проклятье, кто только поставил людей в такое положение»,—писали в одном письме, говорившем о «страшном голоде» на родине. «Неужели они (!) лучше не придумали, как эту войну». Между фронтом и тылом здесь была полная гармония.

Всего интереснее,—и по вполне об'яснимым причинам всего реже,—те указания в этих письмах, сплошь дореволюционного периода, которые говорят о начинавшемся братанье. «Так как наши и германские окопы очень близко один к другим, то мы часто сходимся с немцами»,—писали в Москву в начале февраля. «Мы даем им хлеба, а они нам—папирос, и если наши и германские офицеры не видят, то расходимся благополучно». «Стою на позиции 40—50 шагов от немцев,—писали в другом письме,—немец, сволочь, жрать хочет, по утрам кричит: «подай хлеба и цукру!». А как они бегут, когда увидят, что наши несут хлеб,—видно, что голодают». Автору письма и в голову не приходило, до чего с точки зрения «обороны отечества» это—ненормальная картина: снабжение хлебом голодающего неприятеля.

Все это было до революции,—цитируемая сводка, написанная уже в марте, кончается словами: «что касается последних событий, то февральскими отчетами они еще не отмечены». А на полях пренебрежительная отметка военного начальства: «Это уже устарелые сведения». Военные люди не только старались уверить других, но и сами наивно верили, что раз Николаю всенародно дали по шапке, всякие кислые письма с фронта сразу как рукой снимет. Составляя мартовскую сводку, цензор 5-й армии писал: «За первый период (когда еще сведения о перевороте не до всех дошли) настроение в общем бодрое, и характер писем ничем не отличается от изложенного в предыдущем отчете за февраль месяц». Мы уже видели только что, какое это было «бодрое» настроение. «За второй период настроение повышенно-бодрое с преобладающим желанием продолжать войну до победного конца».

Увы! Разочарование было близко. Уже статистика показывала, что если что изменилось, то *с точки зрения «победного конца»*—к худшему. За март месяц против 11 проц. писем о необходимости войны до победного конца 8 проц. писем говорили о «немедленном мире и прекращении войны». В январе было одно «пораженческое» письмо на три «оборонческих»: теперь на 4 «оборонческих» «пораженческих» приходилось 3. А из писем приходилось цитировать такие: «Война нам уже надоела, мы думаем сделать сами мир, потому что за нас никто не хочет стараться». «*Наше начальство говорит*, что мира не будет, пока не разобьем германца, но с нашим начальством ничего не сделаешь, у нас хабарство, и они за деньги предались, а хотят, чтобы мы грудью отбили. Нет, мы в наступление не пойдем без нового начальства, довольно уже обманывать нас за 75 коп. в месяц, хлеба нехватает, мясо через день, а то рыба порченая, сахару мало; для пузанов хватает всего, а нам ничего нет».

Баррикады на Литейном в Петрограде.

Это было в марте. К апрелю цензорский оптимизм уже начал сдавать. «За апрель месяц настроение в общем бодрое» (уже не «повышенно бодрое»),—гласила сводка. «В частности, в некоторых письмах попрежнему замечено желание мира, недовольство пищей, братанье с немцами». Это было в пятой армии. Цензор первой армии смотрел на вещи еще мрачнее. «Настроение войск, по данным военной цензуры, в настоящее время производит крайне смешанное впечатление. Непонимание сущности совершившегося переворота, сумбурность представлений, моральная расшатанность продолжают преобладать».

В первой армии действительно были люди сознательные. «Вы ни в коем случае не уступайте буржуазному классу,—писали из 538 полка,—ведь они могут быть в овечьей шкуре. Всецело контролировать их и просить комитеты итти рука об руку с советом солдатских и рабочих депутатов. Милюковым и Гучковым нет доверия, это тот же капитализм, они на своем рубеже, а им охота остаться на нем, т.-е. довести войну до победного конца в честь своей поживы. Мы хотим освободить все народы от позорного рабства. Довольно нам проливать море невинной крови на жизнь капиталистов. Ведь у одного Николая 60.000.000 десятин,—больше, как вся Германия; на содержание дома Романовых в год 80.000.000, вот за это мы клали свою жизнь. Мы все, как один, хотим мира без аннексий и контрибуций, а не как хотят Милюковы. Им нужен Константинополь и проливы, чтобы набить свои карманы *золотом, но мы этого* не хотим. Мы не хотим больше проливать кровь, в наших руках ружья—и наша свобода».

От чтения этого письма цензора окончательно взяло уныние, и у него прорвалось: «Желание мира—общее». А передохнув слегка, он продолжал цитировать—уже 537 полк: «Если война эта скоро не кончится, то, кажется, будет плохая история. Когда же досыта напьются наши кровожадные толстопузые буржуазы? И только пусть они посмеют еще войну затянуть на несколько времени, то мы уже пойдем на них с оружием в руках и тогда уже никому не дадим пощады. У нас вся армия просит и ждет мира, но вся проклятая буржуазия не хочет его *нам дать и ждет того, чтобы мы их по*головно вырезали...». Из 539 полка писали: «Так, что у нас про мир говорят, у нас миру не хотят офицеры и генералы, ну нехай еще побудем до 15 мая, если не буде, то мы пойдем самоправно». И всему подвел итог украинец 717 полка: «Немец усю правду знае, что у нас робится везде, он знае в городах, а также и про нас он так говорит, что мы не враги, а те враги, которые нас заставили драться».

Когда совещание главнокомандующих в начале мая констатировало единодушное настроение солдат против войны, оно не преувеличивало. За май по одной пятой армии «пораженческих» писем цензура насчитала 12.413: «оборонческие» цензор уже не стал считать, так что соотношения их мы не знаем. Соотношение же «пораженческих» писем с января к маю будет, как 350 : 12.413. Революция не спасла войны, как надеялась буржуазия. И когда петербургские рабочие выступали в феврале с двойным лозунгом: «долой монархию, долой войну!» [2]), они отражали настроение не только пролетариата, а и солдатской массы. Спайку между рабочим и крестьянином в 1917 году впервые нащупал именно лозунг «долой войну»,—лозунг земли выдвинулся лишь позже. Сначала нужно было кончить войну, потом делить землю.

«Добросовестное оборончество» не стало у нас массовым настроением, каким оно было, например, во Франции,—хотя бы в первые годы войны. У нас «проливали кровь за отечество», пока были несознательны,—сознательность быстро клала конец оборончеству, как быстро клала она конец «стихийному монархизму». Почему так было? Ленин на это в сущности дал ответ. Анализируя социальные корни оборончества, он видит в нем, «с одной стороны, плод обмана масс буржуазией, плод доверчивой бессознательности крестьян и части рабочих, а с другой,—выражение интересов и точки зрения мелкого хозяйчика, который заинтересован до известной степени в аннексиях и банковых прибылях». В нашем крестьянстве этот хозяйчик, заинтересованный в банковых прибылях, был еще очень слаб, несмотря на столыпинщину. Русский крестьянин был слишком беден, чтобы его можно было водить на этой веревочке. Оттого он, во-первых, так легко шел за пролетарием, а во-вторых, не чувствовал между собою и «национальной» буржуазией той спайки, которая связывала с французским буржуа французского крестьянина.

М. ПОКРОВСКИЙ.

[1]) Ленин, т. XIV, ч. I, стр. 45.

[2]) Из донесений охранки о первых днях Февральского движения. См. «Февральская революция и охранное отделение», «Былое», 1918 г., I, стр. 167 и 174.

Как намечен был путь от Февраля к Октябрю.

В дни Февральской революции как бы вторично рождалась наша партия,—впервые рождалась как открытая широкая рабочая организация.

Момент был необычайно трудный. Ячейки наши и комитеты были разгромлены. Печать задушена. Центр наш с Лениным, (заграничное бюро ЦК) находился в Швейцарии, отрезанный военными фронтами и сугубым надзором соединенных охранок Антанты. Теоретическое воспитание партии, с учетом новых условий (воюющий империализм), было очень слабо, проникало в микроскопических дозах из-за границы к остаткам *партии в России. А вопросы тактики* в новых условиях (победа революции над участвовавшим в империалистической войне самодержавием) впервые ставились, только должны были еще разрабатываться.

В Швейцарии, при наличии там эмигрантов левых социалистических направлений почти всех воевавших стран, при наличии групп всех российских революционных течений и при отсутствии свирепой военной цензуры вопросы тактики революционной рабочей партии в империалистическую войну получили наиболее разностороннее, полное освещение.

Суть дела, главная трудность с нашей точки зрения заключалась в том, что под давлением революционной части пролетариата, а также и под прямым воздействием большевиков образовались среди социалистических партий так называемые левые «интернационалистские» группы и течения. Это была реакция, непосредственный отклик на изменническое поведение вождей социал-демократии, на нарушение международной пролетарской солидарности социал-патриотами. Социалисты-интернационалисты выступали с очень резкой порою критикой против империалистической войны и социал-патриотов. Они доходили даже до признания на словах массовой революционной борьбы с империалистическими правительствами, но на деле останавливались перед каждым подлинно революционным действием против империалистической войны. Обыкновенно эти «интернационалисты» бранили на чем свет стоит социал-патриотов всех стран... кроме своей собственной, а когда дело доходило до выступления против изменнических вождей своей партии, они меняли тон, робели, не решались на разрыв. Словом, эти группы, по выражению Владимира Ильича, успешно «соединяли левые заявления с правой, т.-е. оппортунистической, тактикой».

Ясно, что наибольшую опасность для революционной рабочей партии представляли собою не откровенные социал-патриоты, а именно эти левые, «интернационалистские», колеблющиеся элементы. Требовалась самая строгая принципиальность, непримиримость, выдержанность, последовательность до конца во всех вопросах тактики.

По отношению к социалистическим партиям тогдашней России вопрос усложнялся отсутствием (крайней слабостью) связи с Россией и обычной эмигрантской бестолковщиной. За границей существовало великое множество всяких групп и группок, всегда шумно споривших друг с другом, но большею частью не представлявших никакой силы, не пользовавшихся никаким влиянием в России. Большевистские «секции» (заграничной организации партии) были вкраплены в эту массу лишь редкими и маленькими ячейками. Эмигрантщине дело представлялось так, что Ленин с его «секциями», это—лишь *одна из многих и далеко не самых важных* группировок. В Женеве существовала даже особая 2-я группа, называвшая себя громко и самоуверенно «большевиками-партийцами» в противовес «крайней», «непримиримой», «сектантской», «раскольнической», «группировке» «ленинцев». Они—большевики-партийцы, а мы грешные—всего только «ленинцы». То же и со «впередовцами» [1]): они-то собственно и есть большевики, а те вот—«ленинцы», по теперешнему термину выразиться—«уклонисты». А там были еще «меньшевики-партийцы», в отличие от «меньшевиков-ликвидаторов», а с началом войны—«меньшевики-интернационалисты» и «меньшевики-социал-патриоты». Со времени же войны появилась еще одна группировка—«голосовцы», «нашесловцы»,—об'единявшая вокруг парижской газеты (менявшей названия из-за преследований) интернационалистов разных группировок («меньшевики-партийцы», «большевики-примиренцы» и др.). У еврейской социал-демократии были свои, такого же рода деления, у эсэров свои и т. д.

От обилия группировок в глазах рябило, и многим социал-демократам казалось, что вот партия и должна составиться из об'единения разных групп. Одни думали, что можно включить даже и социал-патриотов, которые, дескать, будут «майоризированы» (подавлены) интернационалистским большинством. Другие—левые—социал-патриотов исключали.

В таком положении застала эмиграцию Февральская революция. Об'единительные стремления усилились. После свержения самодержавия, перед лицом крайне трудной и сложной внутренней и внешней обстановки, разве не следует об'единиться в одну партию всем революционным, интернационалистским социал-демократическим группировкам? Так рассуждали тогда многие. Социал-патриотизм стал теперь революционным социал-патриотизмом и приобрел себе сторонников из числа интернационалистов, которые заделались «революционными оборонцами». Ведь теперь,—говорили они,—есть что защищать: республику против Вильгельма! Находились и такие, кто шел еще дальше: в виду возможных попыток восстановления самодержавия разве не следовало создать общедемократический революционный блок (союз) для защиты революции и поддержки временного правительства? Ярким образчиком таких настроений может служить недавно опубликованная история с посылкой телеграммы из Ачинска.

Совсем иную тактическую линию сразу же, на другой день после Февральской революции, наметил Владимир Ильич. Линия эта подробно разработана позднее в ряде известных его статей. Но уже в тех нескольких письмах, написанных в первые дни после Февральской революции, намечена полностью, хотя и с телеграфной краткостью, тактика партии в тот «архисложный», «архи-трудный» (по выражению Владимира Ильича) момент. В высокой степени замечательно, что при этом Владимир Ильич пользовался лишь теми известиями о России, которые проскальзывали в заграничную буржуазную печать. Вот интереснейший образчик его умозаключений (из письма ко мне):

«Чхеидзе явно **КОЛЕБЛЕТСЯ**: ср. «Le Temps» 22/3 хвалит Чхеидзе; 24/3 ругает Чхеидзе.

Картина ясная!»

Для Владимира Ильича, в тот момент абсолютно оторванного от России, картина ясна уже из одного того факта, что руководящий орган французской буржуазии в одном номере похвалил, а в другом выругал Чхеидзе! Не важно, что именно говорил Чхеидзе, как перевирала его буржуаз*ная газета,—важно, что его то хвалят, то* ругают, важно, что наиболее левый из меньшевиков, стоявший тогда во главе рабочего движения, *явно колеблется*. Этого достаточно, чтобы наметить в основных чертах тактику партии.

Первый лозунг: разрыв с социал-патриотами. «Действительно, без разрыва с «Нашим Делом» [*]) все остальное обман» (из письма в женевскую секцию). Цель *лозунга—внести ясность в рабочие голо*вы, подтолкнуть наиболее искренние элементы из колеблющихся к переходу в наши ряды. Владимир Ильич соглашался тогда на совещание с «впередовцами»—«**ЛИШЬ** при условии предостеречь рабочих против колебаний Чхеидзе» (из письма ко мне).

Второй лозунг: «никакого сближения с другими партиями», укрепление своей партии. Владимир Ильич прямо ликует, узнав из буржуазных заграничных газет о существовании в тогдашнем Петрограде Центрального Комитета партии:

«ЦК есть в Питере (в «Frankfurter Zeitung» были выдержки из его манифеста, **ПРЕЛЕСТЬ!**). **ПРАВДА** есть. Мы за сохранение **ЭТОЙ** партии абсолютно, против всяких слияний с О. К.».

Какая четкость линии! Пролетарская, *революционная, наша партия*,—именно вот эта, особая, а не какая-нибудь другая. Все другие политические организации, это не части революционной пролетарской партии, а именно другие, не наши партии. Для защиты, для закрепления революции пролетариату нужна своя, особая партия, а не об'единение с другими партиями. Тем более нужна такая партия для продолжения революции.

«Именно для выборов в учредительное собрание (или для свержения правительства Гучкова и Милюкова) нам нужна особая партия, наша, оправдавшая себя, *по-моему, за годы 1914—1917* **ВПОЛНЕ**».

Это, как небо от земли, далеко от позиции об'единенцев! Да, защита, укрепление революции, но не поддержкой временного правительства, а укреплением своей партии. И не только защита революции, а *продолжение революции*, быть может, свержение временного правительства, и для этого опять-таки, прежде всего,—укрепление своей партии! В первые же дни Февральской революции Владимир Ильич предвидел возможный курс на свержение буржуазного правительства!

Третий лозунг: «никакой поддержки новому правительству», уже прямо бьет по не-классовому, не-марксистскому, обывательскому пониманию победы революции, как момента классового примирения.

Четвертый лозунг: «вооружение пролетариата», как единственная гарантия действительной защиты интересов рабочих в революции. Какой отрезвляющий ушат холодной воды на разгоряченные об'единительскими утопиями головы!

В заключение приведем целиком превосходную по глубине, краткости и точности директиву, которую Владимир Ильич дал из Берна в Стокгольм от'езжающим в Россию товарищам:

«Наша тактика: абсолютное недоверие, никакой поддержки новому правительству. *Керенский особенно подозрителен*. вооружение пролетариата,—единственная гарантия, немедленные выборы в петроградскую думу, никакого сближения с другими партиями».

Так Февральская революция была поставлена на рельсы прямого сообщения к Октябрю.

В. КАРПИНСКИЙ.

[1]) Группа «Вперед» откололась от партии в 1909 г.

[*]) Петроградский орган меньшевиков социал-патриотов.

Об одной исторической проверке.

В сознании революционного пролетариата Февральская революция живет как пролог к октябрьскому перевороту. Нельзя оценить Февраль без его октябрьского развития и продолжения; нельзя понять Октябрь без Февраля. Эти два исторических события есть этапы общего единого революционного процесса, нашедшего наиболее яркое выражение в государственном господстве социалистического пролетариата в б. царской России.

Для социал-предателей всех стран Февраль и Октябрь есть «добро» и «зло», «исторический разум» и «историческая бессмыслица», закономерное явление и шутка истории, свобода и насилие, массовое движение и персональная диктатура.

Октябрь, это в их глазах—событие, бросившее мрачную тень на все историческое развитие, это—историческая «аномалия», это не оправдание и торжество марксизма, а издевательство над ним.

Нельзя без омерзения подойти к тем, с позволения сказать, историческим «оценкам», которые даются идеологами «марксистского» социал-соглашательства.

Возьмите, к примеру, оценку Каутского [1]), отвечающего на вопрос, кем был произведен переворот в Октябре 1917 г.

— Не пролетариатом,—отвечает он,—ибо пролетариат был неспособен к захвату государственной власти, и не его коммунистическим авангардом, ибо большевизм распался к моменту переворота и не был способен на единое действие.

«Таким образом, — заключает К. Каутский,—«пролетарская революция» сводится, в конце концов, к захвату власти командирами авангарда: Лениным и Троцким...

Центральной проблемой в октябрьские дни был... захват власти, персональной власти».

От подобной пошлятины в оценке величайшего исторического переворота, совершенного массами, отказались даже махровейшие буржуазные историки и публицисты, а «марксисты» каутскианского толка находят в ней единственное об'яснение «необ'яснимого».

Зато Февраль, это—совсем, совсем другое; это—прекрасное начало испорченного и испоганенного большевиками продвижения пролетариата к истинной демократии; Февраль, это—событие, «европеизировавшее» Россию; Февраль, это—торжество идей социал-демократизма. На этом событии меньшевики желали остановить ход исторических событий, к нему они идейно возвращаются теперь, как к периоду, когда меньшевизм торжествовал в демократической России по всей линии.

«С начала революции, — пишет Ф. Дан в своем послесловии к «Истории с.-д. партии» Л. Мартова [2]),—меньшевистская социал-демократия заняла господствующее положение в революции и в политической жизни страны. Хотя меньшевики и составляли меньшинство в рабочих и солдатских советах, но они подчинили своему идейному и политическому влиянию массу беспартийных и принадлежащих к партии социалистов-революционеров членов этих советов».

Дан утверждает далее, что меньшевики имели определяющее влияние «как на временное правительство, так и на местное самоуправление и армию».

Не будем спорить: меньшевики, действительно, использовали в интересах буржуазии мелкобуржуазные иллюзии, господствовавшие в первые месяцы революции даже в среде пролетариата.

Но почему же случилось, что в течение нескольких месяцев меньшевики потеряли свое влияние на массы? Почему меньшевистская политика потерпела крах? *В чем видят сами меньшевики причины этого краха? Сам того не замечая*, Дан,—из-за строк «исторического», «об'ективного» «анализа» которого глядит лицо ренегата, исполненного бешеной злобой против революционного пролетариата и большевизма, — признает неправильность меньшевистской стратегии в основном, решающем вопросе политики.

«Русская революция возникла,—признает Ф. Дан,—на почве войны» [3]). В войне он видит основную предпосылку и причину революции, в политике по отношению к войне—он усматривает главнейшую центральную проблему политики после февральского переворота.

Какова же была меньшевистская стратегия в Февтале в этой решающей области?

На послефевральском знамени меньшевизма,—как отмечает и Дан,—был *начертан лозунг «революционной обороны страны»*. Эту оборону надо вести, укрепляя военную мощь армии, противодействуя ее «моральному разложению», давая военный отпор германскому империализму.

Одновременно с этим меньшевики указывали на необходимость борьбы за «всеобщий демократический мир», путем соответствующего использования дипломатической деятельности временного правительства и подготовки мирной конференции, инициаторами которой должны были выступить социалистические партии разных стран [4]).

До заключения «всеобщего демократического мира»—надо воевать: в этом заключалось практически определяющее положение послефевральской меньшевистской политики.

Задаче успешной «революционной обороны страны» меньшевики подчиняли всю свою остальную политику во всех областях.

«Защита страны в ожидании всеобщего демократического мира требовала,—пишет Ф. Дан,—чтобы многомиллионная армия держалась в боеспособном состоянии и чтобы тщательно устранялось все, что может эту армию дезорганизовать. *Отсюда* вытекала прежде всего отсрочка аграрной реформы до созыва учредительного собрания, потому что революционное отчуждение земли и раздел имений повлекли бы за собой неизбежно дезертирство с фронта миллионов крестьян-солдат [5]).

Так обстояло дело с аграрным вопросом в февральской программе меньшевизма. Но оборонческая политика меньшевизма определила политику его и в области промышленности, в области отношений к капиталистическому производству.

«Необходимо было заботиться о том, чтобы индустрия и транспорт работали без трений ... чтобы не имели места никакие новые потрясения, и, в особенности, необходимо было воспрепятствовать гражданской войне, которая дезорганизовала бы всю хозяйственную жизнь и привела бы к краху на фронте» [6]).

Итак, поскольку центральной задачей «революционной» политики меньшевики считали военную оборону страны, постольку они в интересах успешного разрешения этой задачи отказывались «до окончания войны» и от революции аграрной, от революционного уничтожения крепостнических отношений и от «экспроприации» капиталистических «экспроприаторов», от революционного социалистического переворота производственных отношений в области промышленности.

Позиция российского меньшевизма заключалась в призыве пролетариата и трудящихся масс вообще к «демократической» мобилизации сил для продолжения войны и к «демократическому» способу обслуживания интересов империализма.

Само собою разумеется, что российское «оборончество» не представляло в этом отношении чего-нибудь оригинального.

Февральская Россия, освободившаяся от царизма, с точки зрения меньшевизма, вступала на парламентски-демократические пути развития, переходила к тем принципам политики внутренней и политики внешней, которую вели соучаствовавшие во власти с буржуазией «европей*ские» социал-оборонцы*.

Последние же «демократизировали» общественные отношения усилением участия рабочих организаций в «оборонческой» деятельности государства, развитием «демократии» на империалистической основе. В этом «демократическом» врастании рабочих организаций в систему империализма идеологи II Интернационала усматривают и сейчас «великое» «историческое» значение мировой войны.

«Война,—пишет, например, Гильфердинг [7]),—которая бросила рабочих в окопы друг против друга, подняла одновременно внутри государства реально и идейно положение рабочего класса».

Присяжный теоретик II Интернационала усматривает успехи рабочего движения в том, что буржуазные государства, для которых непрерывность и бесперебойность производственного процесса во время войны приобретает особенно важное значение, для которых гражданский мир во время войны есть вопрос жизни и смерти,—допускали все охотнее и решительнее развитие рабочей «демократии» в области военно-промышленной, в области борьбы за повышение производительности труда, в укреплении производственной (конечно, капиталистической) дисциплины, в содействии производственному обслуживанию «обороны» страны.

Отмечая сей факт, Гильфердинг закатывает глаза к небу и восклицает:

«Явление необычайного социально-психологического значения и влияния. Организации производителей чувствовали себя настоящими носителями государственности; в особенности их бюрократия, которая считала себя неот'емлемым элементом государства, как силу равноправную государственной бюрократии и даже еще более важную, ибо без ее помощи невозможно было разрешение производственных проблем».

Гильфердинг умалчивает при этом, что *всякая «демократизация» такого типа* всегда приветствовалась умными капиталистами. «Демократизация», которая превращает рабочие организации в придаток к милитаризованному капитализму; «демократизация», которая ставит рабочих на службу «обороняющемуся» империализму; «демократизация», которая выражается в заботе о повышении производительности труда и усилении эксплоатации пролетариата для победного завершения военных операций «своего» империализма—это ли не «великое» достижение пролетариата, это ли не шаг к «социализму»!

Когда российские меньшевистские оборонцы стали на путь подобной «демократии» еще во время господства царизма, путем вовлечения рабочих в военно-промышленные комитеты, и царские жандармы испугались проявлений этой «демократии»—капиталисты Гучков и Коновалов официально (!) об'ясняли представителям самодержавного правительства, что эта «демократия» служит интересам империализма, служит делу «обороны» страны.

После февральского переворота меньшевики стояли, по сути дела, за расширение этой «демократии» с сохранением земли за помещиками и фабрик и заводов за капиталистами, правительственных командных высот за Львовыми, Гучковыми, Милюковыми и Терещенками.

В ту пору меньшевики уверяли, что все это «временно», что революцию надо завершить после войны. Позже они раз'яснили, что это «временно» считается многими десятилетиями, если не столетиями [8]).

В Феврале меньшевики подчинили, по признанию Ф. Дана, всю свою политику делу «обороны» страны. Но эта «оборона» оправдывалась тем, что одновременно меньшевики *вели «борьбу за мир»*. Борьба за мир освящала «оборону»; последняя делала войну временным «злом», служившим «добру»: война должна была обеспечить «демократический» мир.

Но как же с этим «миром»? Что говорит на этот счет г-н Дан?

«В конце-концов,—пишет Ф. Дан [9]),—политика «революционной обороны страны» зашла в тупик, потому что она неправильно оценила интернациональное положение и внутреннее состояние российской революции. В области интернациональной она долгое время переоценивала как воздействие российской революции на пролетарскую борьбу за мир в других странах, так и на возможность воздействия временного правительства на правительства союзных государств».

Одновременно она впадала в неправильные представления о внутренних силах немецкого милитаризма и вследствие этого неверно оценивала и опасность этого милитаризма для русской революции.

В области внутренней политики она недооценила разложение, которое произошло в армии и русском хозяйстве еще перед революционным взрывом. Она не осознала, что сама революция, вне зависимости от ее внешнего идеологического покрова первого периода, разразилась на почве непоправимого, окончательного поражения России в империалистической войне и что реальное соотношение сил исключало возможность осуществления цели «всеобщего демократического мира».

Дан не перестает «разоблачать» большевизм, но он вынужден был нечаянно признать, что Февраль-то был большевистским, а не меньшевистским, что меньшевики в центральном вопросе выступали в Феврале с в корне неверной перспективой. Дану не дано осознать все до конца. При об'ективности он должен был бы вскрыть далее и причины отмеченных им явлений.

Меньшевики неверно оценили интернациональное положение,—признает Дан.

Они переоценили возможности «мирной, дипломатической» деятельности временного правительства. Но в чем же гвоздь этой переоценки, г-н Дан? Придется помочь Дану: меньшевики «надеялись», что фактором «демократического» мира будет империалистическое буржуазное правительство, на знамени которого написано: «Борьба до победного конца».

Меньшевики переоценили «возможности воздействия российской революции на пролетарскую борьбу за мир в других странах»,—признает далее Дан.

Но почему эти «возможности» оказались невозможными? Потому, что нельзя сплачивать силы мировой пролетарской революционной борьбы против империалистической войны на почве социал-пацифизма.

Я буду защищать свое отечество, а вы, «социалисты» других стран, боритесь за мир,—таково меньшевистское социал-готтентотство, исключающее возможность *действительно революционного* преодоления мировой войны.

Меньшевик признал и то, что воевать дальше трудящиеся массы России не могли и не хотели, что революция сама явилась продуктом военного развала, который совершил империализм. Можно ли было прекратить империалистическую политику России, с ее разрушительными последствиями, без свержения империализма? Дан вынужден признать, что меньшевики были неправы в основной оценке положения, что они вступили в февральскую революцию с программой, которую мы не можем назвать иначе, как программой оппортунистического, социал-предательского утопизма.

Февральская революция обострила борьбу меньшевизма и большевизма вокруг проблемы империализма.

Дан пытается замолчать, что большевики занимали в февральской революции в отношении войны принципиально иную позицию, чем меньшевики.

Он затушевывает тот факт, что февральская позиция Ленина в отношении войны была практическим приложением лозунга большевизма о «превращении империалистической войны в гражданскую».

Историческая проверка доказала, что этот лозунг опирался на верную оценку эпохи, на верную оценку международных отношений, на верную оценку внутреннего соотношения классовых сил в российской революции.

Меньшевики очень много говорят теперь о крестьянском характере российской революции.

Характеризуя социальное содержание российской революции, меньшевик Абрамович заявил на об'единенном конгрессе II Интернационала: [10]).

«Величайшее значение для русского и международного социализма имеет то, что успешная крестьянская революция в России была проведена большевиками, как неудавшаяся пролетарская революция».

«Неудавшаяся»,—г-н Абрамович? Почему же вы так беспокоитесь о «демократии» и «демократическом капитализме»?

Да, большевики действительно завершили буржуазно-демократическую революцию, они сумели радикальнейшим образом разрешить и крестьянский вопрос. Это меньшевики понимают.

Но они не хотят и не могут понять, что успешное завершение буржуазно-демократической революции, что даже крестьянский вопрос был неразрешим в российской революции без перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, без утверждения социалистической диктатуры пролетариата.

Широкие массы крестьянства требовали с наступлением февральской революции разрешения трех крупнейших проблем: революционной «плебейской» ликвидации крепостничества, раскулачивания деревни и прекращения империалистической войны.

Могло ли разрешить эти задачи революции буржуазное правительство, поддерживаемое меньшевиками?

Буржуазия была против революционного разрешения земельного вопроса, ибо помещичья земля была заложена в банках буржуазии, и буржуазия тем самым становилась соучастницей крепостнического землевладения (вспомните столыпинскую политику кадетов!).

Разрешение этой проблемы требовало свержения правительства буржуазии и буржуазных лакеев.

Буржуазия была против раскулачивания деревни, ибо она—буржуазия.

Разрешение этой задачи революция требовало свержения правительства капиталистов и социал-предателей, ведущих капиталистическую политику.

Буржуазия вместе с меньшевиками—и это особенно важно,—была против революционного превращения империалистической войны, и потому неизбежно становилась силой, враждебной широкой массе крестьянства.

Только социалистический пролетариат, захвативший власть в свои руки, мог разрешить революционные требования крестьянства, только он их разрешил.

Крестьянская революция неизбежно должна была,—в условиях внутренних отношений российской революции,—возглавиться социалистическим пролетариатом, завершиться диктатурой пролетариата.

Крестьянство шаг за шагом все более постигало «классовую правду» пролетариата, выраженную в большевистском лозунге «превращение империалистической войны в гражданскую».

Меньшевики вынуждены теперь признать, что их перспектива была неверной.

Большевикам здесь нечего пересматривать. Они смотрели на Февраль как на пролог Октября: они считают Февраль своим.

История доказала верность их пути.

А. СЛЕПКОВ.

[1]) См. „Die Lehren des Oktober-Experiments" von Karl Kautsky, „Gesellschaft", 1925, Heft 4.

[2]) L. Martow, „Geschichte der russischen Socialdemokratie". Mit einem Nachtrag von Th. Dan: „Die Socialdemokratie Russlands nach dem Jahre 1908". Berlin, 1926, стр. 292.

[3]) Там же, стр. 292.

[4]) См. там же, стр. 297.

[5]) Там же, стр. 298.

[6]) Там же, стр. 299.

[7]) „Probleme der Zeit" von R. Hilferding. „Gesellschaft", 192[illegible], Heft 1, стр. [illegible]

[8]) Один из руководителей II Интернационала, российский меньшевик Абрамович, на гамбургском конгрессе 1923 года, на котором произошло об'единение «двоешников» и «двухсполовинников», сформировал позицию меньшевизма в отношении Советского Союза как борьбу за «демократический капитализм». (См. Protokole des Internationalen Socialistischen Arbeiterkongresses in Hamburg von 21 bis 25 Mai 1923, Berlin 1923, стр. 87).

[9]) См. уже цитированную статью Дана „Die Socialdemokratie Russlands nach dem Jahre 1908". Стр. 302—303.

[10]) См. уже указанный нами протокол, стр. 22.

Наглядное пособие для пионеров по изучению истории.

Рисунки худ. ДЕНИ.

Шашка, шапка, грозный ус,
Преогромнейший кулак...
— Это кто? Жандармский гнус?
— Точно так!

Вызнал—это, вызнал—то,
Выдал брата за пятак...
— Шпик в гороховом пальто?
— Точно так!

На «жидов» имел он зуб
И в погромах был мастак.
— Монархист и душегуб?
— Точно так!

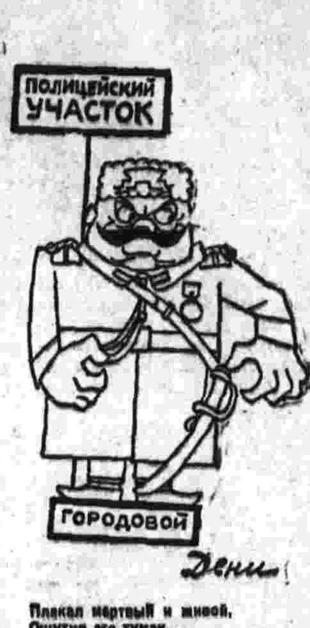
Царедворец, вор и плут,
Голова—пустой чердак.
— Нынче что-ж ему? Капут?
— Точно так!

Царь—бутылка, царь—[illegible]...
Войны, пьянство, кавардак...
— Что-ж? Он сгинул навсегда?
— Точно так!

…усью правил за царя,
…о дворце завел б...к.
— Значит, был убит не зря?
— Точно так!

Плакал мертвый и живой,
Ощутив его туман...
— Господин городовой?
— Точно так!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

Партия в февральско-мартовские дни 1917 года.

Накануне империалистической войны наша партия *стояла во главе* революционного массового под'ема, руководила грандиозными стачками, об'единяла на основании революционной рабочей программы большинство рабочего класса. К тому времени, когда дело доходило уже до баррикад, налицо было не только идейное, но в большинстве организаций и организационное размежевание с меньшевиками-ликвидаторами, которые об'являли «стачечным азартом» массовое движение рабочих, *с ученой мудростью проповедывали* недопустимость смешения экономической и политической борьбы, блокировались уж тогда с народниками, с.-р.,—такими же ликвидаторами, как они—против большевиков и больше всего боялись, как бы рабочий класс не отпугнул *от революции буржуазию*, которая трижды предала уже интересы революции за *чечевичную похлебку соглашения* с царизмом и помещиками. В страховой кампании, в профессиональном движении, в легальной массовой рабочей печати,—повсюду наша партия проявила уменье связаться с широкими массами, овладеть движением этих масс, подслушать заветные думы рабочего класса, формулировать наиболее правильно, наиболее действенно *стремления его как* революционного социалистического авангарда. На фоне кратковременного августовского *блока* троцкистов, меньшевиков, впередовцев, бундовцев с еще большей яркостью выделилась принципиальная линия нашей большевистской партии как линия революционного пролетариата.

Эту позицию наша партия сохранила и в дни империалистической войны. Самый бешеный разгул реакции, разгром всех наших массовых *пролетарских* организаций, почти полное уничтожение легальной рабочей печати, высылка, тюрьмы и каторга для тысяч большевиков,—ничто не могло сломить революционной энергии, ни искривить правильную пролетарскую линию в эти особенно трудные годы, когда идейному разложению подверглась вся организация II Интернационала. Большевики, *во главе с* Лениным, вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы передового авангарда, застрельщиков в борьбе за создание нового Коммунистического Интернационала, в борьбе за спасение знамени международной солидарности пролетариев, вопреки бушевавшему во всем мире вихрю шовинизма, вопреки всем усилиям затуманить, одурачить сознание *передовых пролетариев*. Циммервальд и Кинталь—не только этапы развития и укрепления *идеи создания* Коммунистического Интернационала, но в то же самое время они являются этапами консолидации, укрепления, оформления нашей большевистской линии внутри страны накануне новой революции. Теперь уже нет никакого сомнения в том, что и в среде большевиков империалистическая война породила значительные шатания и колебания, толкнувшие отдельных большевиков в лагерь самого оголтелого оборончества (стоит вспомнить сделавшегося плехановцем Иосифа Гольденберга-Мешковского [1]). Именно на группу большевиков во главе с Лениным легла вся тяжесть борьбы за правильное отношение к войне, за правильное разрешение больших принципиальных вопросов, возникших и ставших *во весь рост перед рабочим* классом в связи с войной.

Неудивительно, что царское самодержавие с наибольшей силой обрушилось на нашу партию. Во время империалистической войны, к концу 1916 года, партия наша была самым основательным образом разгромлена. Существовал небольшой лишь нелегальный центр, бюро Центрального Комитета, в который накануне войны входили тт. В. Молотов (Скрябин), А. *Шляпников*, П. Залуцкий [2]). Большинство губернских центров было также основательно разгромлено. *Легальный большевистский* центр 4-й государственной думы—наша думская фракция—находился в ссылке. Профессиональные союзы были не менее основательно разгромлены.

Тем не менее, во всех больших кампаниях, которые происходили во время войны (если удавалось такие кампании развернуть), как, например, в так называемой продовольственной кампании или при выборах в военно-промышленные комитеты, идейная гегемония нашей партии в передовых слоях пролетариата оставалась несомненной и в эти трудные дни. В то же время меньшевики сохранили легальный думский центр, а, кроме того, с помощью буржуазии и для защиты интересов буржуазии, для проведения *буржуазной* политики, в рабочем классе меньшевиками были созданы военно-промышленные комитеты. Понятно, что и в легальной печати им был предоставлен больший простор, чем партии большевиков. Еще не обследован и не изучен, как следует, этот *период*, еще не собраны и не систематизированы все наши листовки и воззвания периода *империалистической войны*. Даже разгромленная, даже обессиленная наша партия была единственной организацией, которая в эти трудные дни вела пролетариат по революционному пути.

Это сказалось и в дни начавшегося оживления революционного движения в 1917 г. Уже накануне 1917 г. рабочий класс крупных промышленных центров *был охвачен революционными* настроениями. Недовольство царским правительством и ненависть к виновникам империалистической войны, виновникам страданий и лишений трудовой массы, охватило самые широкие слои народа. Накануне 1917 г. разразилась всеобщая стачка текстильщиков Иваново-Вознесенска, в Сормове и в целом ряде других пунктов *возникло широкое рабочее движение*. Даже меньшевики, под давлением нараставшей революционной волны, стали заговаривать революционным языком, беря в своих речах чуточку левее наших отечественных буржуазных героев революционной фразы—Керенских и К°.

9 *января* в Петрограде бастовало около 300.000 рабочих. Это выступление рабочих *знаменовало собою начало более* могучего, более глубокого революционного движения, которое должно было разрушить давший основательные трещины трон царской монархии. С массовых митингов рабочие расходились с пением революционных песен, кое-где с красными флагами. Это не был обычный траурный день рабочего класса. В письме исполнительной комиссии петроградского комитета в Центральный Комитет указывается на то, что некоторые товарищи «при обсуждении вопроса о том, как отметить день 9 января в этом году, высказались за то, чтобы на этот раз выступление развернулось вглубь и вширь вплоть до *революционного сражения*». Так же оживленно прошел этот день и в Москве. И здесь наша партия приняла в организации этого революционного выступления наиболее организованное и энергичное участие; и здесь около ⅓ рабочих не работало в этот день; и здесь были попытки организовать демонстрации с красными знаменами и с революционными лозунгами *у Тверского бульвара*, на Театральной площади, у Красных ворот, на Лубянской площади и на Елоховской улице.

Другим моментом, когда сказалось резко различное отношение к революционному движению рабочих со стороны нашей партии и партии меньшевиков, было демонстративное движение, приуроченное меньшевиками и кадетами ко дню созыва государственной думы 14 февраля, а нашей партией—к протесту против суда над нашей рабочей фракцией 4-й государственной думы. В то время, как меньшевики призывали рабочий класс итти к государственной думе, наша партия призывала к стачке 10 (23) февраля, резко критикуя попытку меньшевиков и кадетов использовать рабочий класс *для поддержки либерального* буржуазного движения. Дни 10—15 февраля в Петрограде были яркими днями нарождавшегося революционного движения. Оно охватывало все новые и новые слои, создавая не только нервное настроение в войсках, но все чаще прорываясь в явно сочувственное настроение.

Однако, наиболее ярко проявила свою *деятельность наша партия в подготовке* к международному женскому дню 8 марта (23 *февраля*). Массовые собрания работниц на тему «война, дороговизна и положение работниц» всколыхнули всю пролетарскую массу. Женщины, испытывавшие на себе с наибольшей силой гнет мировой войны, тяготы и лишения, связанные с дороговизной, с недостатком продуктов, стали застрельщицами в февральско-мартовской революции, увлекли с собой всю *рабочую массу*, внесли несомненно большое разложение в ряды колебавшихся войск. Эта историческая заслуга ленинградской работницы должна быть тщательнейшим образом изучена, и войдет в историю пролетарской революции одной из самых ярких ее страниц... Во все эти дни нараставшего революционного движения наша партия была в массах и с массами, *она была* на улице, *и эта связь с массами* сказалась впоследствии, в течение всего 1917 г., усилением организационного влияния на массы. Однако, накануне февральско-мартовского переворота организационно партия была слишком слаба. Разгром, которому она подвергалась в период империалистической войны, сказался ощутительно в первые дни после *февральско-мартовского переворота*. Она не имела в самом начале еще своей рабочей печати. «Правда» вышла неделю спустя после переворота. В первый момент победы все буржуазные партии, перекрасившиеся в республиканцев, вместе с меньшевиками и эсерами двинули целый полк превосходных ораторов и десятки своих газет в поход на завоевание мандатов и *полномочий*, чтобы выступать *от имени* народа, говорить от имени рабочего класса. Они так искусно и громко пели революционные песни, столь пышные надели красные банты и изрекали столь революционные фразы, что в первый момент рабочий класс не раскусил за этой фразеологией, треском и блеском речей и обещаний их контрреволюционной сущности. В советах оказались *представителями* рабочих и солдат в большинстве либо «мартовские с.-ры», вчерашние и завтрашние либералы, и буржуазная контрреволюционная демократия, либо, немногим лучше их,—меньшевики.

Не в этом была сила нашей партии в эти дни. Сила ее была в том, что она в общем и целом (хотя и при наличии колебаний отдельных групп большевиков) выражала наиболее правильно интересы и стремления передовой части рабочего класса—интересы пролетарской революции. Сила ее в том, что она оставалась в эти дни хотя еще и малочисленным, но авангардом пролетарской революции. *Потенциальная сила ее крылась в том*, что она не затушевывала классовых интересов пролетариата и не замазывала тех классовых социальных противоречий, которые должны были найти свое разрешение в пролетарской революции Октября и в последующие годы. Организационно партия была необычайно слаба. Не надо забывать, что громадное большинство руководителей партии были либо *в изгнании* за границей, либо разбросаны были по тюрьмам и ссылкам, и смогли вернуться только спустя значительное время. Только 15 (2 марта) устраивается учредительное собрание временного петроградского комитета, который только впоследствии превращается в постоянный, правильно *избранный* Петроградский Комитет. Еще идут споры об определении правильной линии. Еще долго будут итти споры, нужно ли об'единяться с меньшевиками, и как об'единяться, настолько еще не разграничены черты в эти первые дни марта 1917 года, что меньшевики Мартов, Суханов и др. предлагают свое сотрудничество в «Правде». Еще в целом ряде организаций в Самаре, в Туле, в Брянске, в сибирских городах долго еще, даже до июля месяца и после июля, существуют неопределенные организационные взаимоотношения между большевиками и меньшевиками, мешавшие определить линию нашей партии. Но уже в эти дни существует прочное ленинское ядро, ведущее в общем правильную линию.

Отдельные колебания были неизбежны в этот период. «Это был,—по словам тов. Сталина,—*период крутой ломки старых позиций*, старой платформы. Прямое свержение правительства теперь уже не отвечало действительности. Теперь уже нельзя было итти на немедленное свержение правительства, связанного с советами, ибо, кто хотел свергнуть тогда временное правительство, тот должен был свергнуть и советы. И нельзя было также вести политику *поддержки временного правительства*, ибо это правительство являлось правительством империализма. Нужна была новая ориентировка партии. Немудрено, что большевики, разбросанные царизмом по тюрьмам и ссылкам и теперь только получившие возможность с'ехаться с разных концов России для выработки новой платформы, не смогли в один присест разобраться в новом положении. Немудрено, что в поисках новой *ориентировки партия* остановилась тогда на полдороге в вопросе о мире и власти Советов. Понадобились знаменитые апрельские тезисы Ленина для того, *чтобы партия смогла одним взмахом* выйти на новую дорогу». (И. Сталин, «Пути к Октябрю». *Предисловие*).

Только апрельские конференции—петроградская и всероссийская — подвели итоги этим колебаниям первого периода пролетарской революции в нашей партии. Эти колебания сказались и на характере тех номеров «Правды», на которых сказа*лось руководство тов.* Каменева, *склонявшегося* весьма сильно в то время к революционному оборончеству. Позиция Ленина была встречена даже враждебно «каменевским течением». Каменев заявил в «Правде», что «тезисы Ленина представляют личное мнение тов. Ленина». «Схема тов. Ленина» представлялась ему «неприемлемой, поскольку она исходит *из признания буржуазно-демократической* революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую». Однако, неправильно было бы думать, что взгляды тов. Каменева и других колебавшихся в то время товарищей были взглядами всей нашей партии большевиков. Еще до призыва Ленина в каждом *почти городе, в каждой организации* существовала группа большевиков, ощупью наметивших правильную ленинскую линию. К ленинской линии, по существу, гораздо ближе был и Центральный Комитет нашей партии в первые дни после февральского переворота и петроградский комитет.

Необходимо отметить, что с первых же *дней партия наметила правильную* организационную и тактическую линию в ряде существенных вопросов, определивших в дальнейшем победу рабочего класса. Это прежде всего—отношение к массовым организациям рабочего класса. Партия взяла на себя почин в деле создания и восстановления профессиональных союзов. Крупнейшие профессиональные союзы *возникли в 1917 году, построились при* прямом содействии и по инициативе большевиков. Партия обратила серьезнейшее внимание и на работу среди работниц. Это был второй приводный ремень партии к массам в эти дни. Партия обратила не менее серьезное внимание на работу в армии и флоте. То, что она завоевала моряков Балтийского флота, кронштадтских *моряков и моряков Финляндии, и революционные* полки, расположенные в столицах и вокруг столиц,—все это определило и обеспечило победу пролетариата в Октябре. Созданная партией уже в первые дни военная организация, выпуск «Солдатской» и затем «Окопной Правды»—сделали лозунги нашей партии популярными в самых широких солдатских массах и затем через *солдатскую массу* распространили наше влияние и на крестьянство. Партия наметила вернейший путь к крестьянству тем, что взяла на себя защиту наиболее революционной для этого времени программы.

Разгромленная организационно, *численно слабая и маленькая*, с неоформленными организационными рамками, кое-где не размежевавшаяся еще организационно с меньшевиками, вышла наша партия из подполья в февральско-мартовские дни 1917 г. Но она имела за собою богатое наследство, огромный революционный опыт первой революции, огромный опыт борьбы в годы подполья и в самую *трудную пору реакции* 1907—11 годов и в период империалистической войны. В эти годы она воспитала новые кадры рабочих, пришедших в самую трудную пору, испытавших все тяжести борьбы. Партия имела за собою не менее ценное наследство—опыт идейной борьбы со всеми буржуазными и мелкобуржуазными группами и партиями. Партия имела богатый организационный опыт связи с массами. Весь этот опыт она пустила в ход с первых же дней после своего выхода из подполья. Она стремилась исправить в этот период ошибки, сделанные в первой революции,—еще больше, чем прежде, связаться с рабочими массами, еще сильнее, чем в первую революцию, охватить своим влиянием войска, еще серьезнее относиться к организационному закреплению этих связей, еще более *прочно повести борьбу за завоевание* на сторону революции крестьян, еще непримиримее, еще резче провести идейное размежевание со всеми мелкобуржуазными партиями, меньшевиками, с.-р. и другими и все сосредоточить на одной цели, на одной задаче—подготовке масс к вооруженному восстанию. В феврале—марте 1917 г. эта задача не могла быть *разрешена*: *но для разрешения ее* потребовался, по историческим масштабам, совсем незначительный срок—несколько месяцев между февралем и октябрем. Через ряд кризисов прошла партия в течение этих нескольких месяцев, чтобы притти к победе Октября.

Ярким маяком на *этом пути*, вернейшим компасом, который помог нам *преодолеть препятствия*, было революционное учение ленинизма, был вождь нашей партии—Ленин.

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ.

[1]) Впоследствии снова вошедшего в нашу партию.

[2]) *К сожалению*, в моей статье «Большевики в февральско-мартовские дни 1917 года» в вышедшем только-что № 2—3 «Пролетарской Революции» вкралась досадная опечатка: вместо *нелегальное* Центральное бюро ЦК напечатано: *легальный* центр (стр. 38, внизу).

Кто спасал царя.

О конце Романовской династии у нас в широких массах господствуют не совсем верные представления.

Дело рисуется так, что Николай совершенно безропотно подчинился первому *мановению революции*.

Что вышла чуть ли не ошибка, недоразумение, опечатка, фокус, умело подстроенный Родзянко вкупе с Алексеевым, в результате чего мертвецки пьяный царь подмахнул акт об отречении, как сонный кутила—назойливый ресторанный счет.

Что *отрекшийся царь после своего исторического шага чуть ли не ковырял в носу и тупо бормотал: поеду в Ливадию* сажать цветочки.

Николай, тряпка, сосулька, покорно ушел, как только его «честью попросили».

Такие картины, имевшие особо широкое хождение в первые годы революции, нуждаются в существенных исправлениях.

Для рассказов об анекдотическом ничтожестве покойника-самодержца, правда, *есть большие основания*.

Нельзя, например, пройти мимо изумительных записей Николая в его личном дневнике:

«2 марта. Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из думы будто бессильно что-либо сделать, так как *с ним борется социал-демократическая* партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в ставку, а Алексеев всем командующим. К 2½ часам пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте и спокойствия нужно сделать этот шаг. Я согласился. Из ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил *и передал им подписанный и переделанный* манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман».

— Нужно мое отречение. Я согласился...

В самом деле, овечье смирение и безразличие.

Вы думаете, Николай, уступив трехсотлетнюю власть Романовых, пытался при*нять яд, раздирал на себе одежды, проводил* мучительные, бессонные ночи?

Вот вам запись на другой день *после* отречения:

«3 марта. Спал долго и крепко, проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре. В 8.20 прибыл в Могилев. Все чины штаба были на платформе. Принял Алексеева в вагоне. В 9½ перебрался в дом. *Алексеев пришел с последними известиями* от Родзянко. Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выбора через 6 месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его написать такую гадость. В Петрограде беспорядки прекратились,—лишь бы так продолжалось дальше».

«7 марта. После чая начал укладывать вещи. Обедал с мама и поиграл с ней в безик».

— *Спал долго и крепко! Оказывается*, Миша отрекся. Оказывается, читал о Цезаре. И, тем не менее, даже читая Цезаря, через пять дней после отречения играл с мамашей в карты. В самом деле, невозмутимость исключительная! Недаром кто-то из приближенных определяет отречение Николая:

«Отрекся, как командование эскадроном сдал».

Конечно, полуторастамиллионная стра*на всегда была для Николая только огром*ным, молчаливым, послушным эскадроном, где всегда повиновались всадники, и безысходно молчали лошади. Но расставание с властью было для царя не таким простым, каким оно кажется внешне.

В Николае Романове надо понимать его замкнутость и апатичность характера, не всегда прикрывавшие апатичность ума и *воли. Очень часто под бесцветными* из'явлениями у Романова весьма энергично шевелились чувства, *диктовавшие немало*важные поступки, направленные к сохранению себя и власти своего класса.

Дворянство и придворные совершенно зря рисуют своего вождя в последние минуты его царствования, как унылого кретина, непротивленца, безропотно сдавшего *свой режим по первому требованию* революции.

Нельзя сказать, чтобы ближайшие друзья, неразлучные с Николаем, смягчали события или придавали им какой-нибудь преходящий, незначительный смысл. Любимец и собутыльник царя, адмирал Нилов говорил и повторял свою обычную фразу:

— Все будем висеть на фонарях! У нас такая будет революция, какой еще никогда не было!

Николай в февральские дни особенно часто слышал от своего приближенного *эти совершенно недвусмысленные* и, как мы знаем, пророческие слова.

Другие придворные, штабные генералы, наконец, важнейший и авторитетнейший советник императора—сама царица,—все в один голос подчеркивали грозное значение надвигавшихся событий и неуклонность *народа к династии* в случае ее падения.

В условиях военных неудач, при определенных признаках разложения армии на фронте, наконец, после смерти Распутина, в лице которого царская семья убежденно видела свою существенную опору,—при всем этом упавший дух царя должен был бы подсказать ему большие политические уступки.

На самом деле этого не было.

Царь Николай хорошо и твердо запомнил наставления отца и уроки воспитателя своего, Победоносцева, умного и выдержанного идеолога самодержавия.

Он понимал и логикой и нутром, что режим может держаться только прежним, единственным, испытанным средством: *террором, полицейским зажимом, системой* неограниченной дворянской диктатуры, не разбавленной никакими парламентскими лимонадами.

Первые же телеграммы в ставку из столицы, говорящие о волнениях в военных частях и массах, заставляют верховное ко*мандование и совет министров* поднять вопрос об уступках, о компромиссах.

Последний царский премьер князь Голицын посылает паническую депешу о необходимости его, Голицына, отставки, и образования «ответственного», парламентского министерства во главе с Родзянко или Львовым.

Командующий петроградским гарнизоном *генерал Хабалов, военный министр* Беляев, брат царя Михаил Александрович,—все бомбардируют ставку страшными известиями, испуганными советами поскорей успокоить уступками разбушевавшееся море.

Генерал Алексеев берет на себя представительство всех этих людей и, кроме того, Родзянко и, кроме того, неведомых ему самому стихий, бушующих в Петрограде. Он *просит царя согласиться на конституционные* побляжки.

Царь тверд и непреклонен.

Нет.

Он не хочет. Он не согласен.

Наседают облеченные властью и доверенные люди. Волны революции уже заливают первые ступени трона. Самый близкий человек, жена, ужасается:

«*Ты один, не имея за собой армии*, пойманный как мышь в западню,—что ты можешь сделать?!»

И все-таки, под таким натиском, Николай не идет на уступки. Долго, категорически он уклоняется от согласия даже на создание «ответственного министерства».

После нового залпа телеграмм генерал Алексеев еще раз идет к Николаю для ре*шительного разговора*.

Выходит оттуда ни с чем, вернее—с по*вышенной температурой. Старик свали*вается в постель,—он ничего не может сделать с упорным своим монархом.

Где же тряпка? Где сосулька? Где слабовольное ничтожество? В перепуганной толпе защитников трона мы видим только одного верного себе человека—самого Нико*лая. Он стоек, и меньше всех струсил*.

Что же выдвигает царь взамен голицынско-алексеевских компромиссов?

Одну простую, ясную, давно уже испытанную и оправдавшую себя вещь.

Николай снаряжает сильную карательную экспедицию на взбунтовавшуюся столицу.

Такие штуки не раз помогали короне. *Так однажды Петроград расправился с ре*волюционной Москвой. Может быть, сейчас, тем же способом ставка склонит к своим ногам взбунтовавшуюся в столице чернь. Может быть!

Шаг не оригинальный. Но исторически понятный и решительный.

Николай Иудович Иванов, старый вояка, выслужившийся из низов, крепкий, надежный бородач, с хорошим круглым русским говорком и солидными жестами—вот кто должен стать усмирителем петроградского восстания и военным диктатором в усмиренной столице. Староват, но кореаст. Неладно скроен, да крепко сшит. В толпе жидких штабных генералов Николай *не плохо выбрал диктатора*.

Иванов получает в свое распоряжение по два кавалерийских, по два пехотных полка и по пулеметной команде Кольта с каждого фронта. Целый корпус отборных войск, вооруженных до зубов, должен вторгнуться в Петроград и стереть с лица земли мятежников.

По инструкции, в Петрограде ему должны подчиняться все министры!

Соответственно этому составлен и ответ князю Голицыну на его просьбы о конституционных уступках:

«О главном начальнике для Петрограда мною дано повеление начальнику моего штаба с указанием немедленно прибыть в столицу. *То же и относительно войск*... Относительно перемен в личном составе при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми. Николай».

Вся ставка на смерть перепугана таким оборотом дела. Опять убеждают царя смяг*читься. Он непреклонен*. И в своем положении—прав! Если уж гадать задним числом о том, что могло бы *спасти* положение для монархии, то, конечно, это мог быть только шаг, сделанный самим царем: разгром революционного Петрограда.

Отдав свои распоряжения, Николай трогается в путь. Он хочет пробраться в Царское Село, к жене и больным детям. На *станции Малая Вишера, уже почти* у столицы, ехать дальше оказывается невозможным. Тосно и Любань уже заняты революционными войсками. Царский поезд возвращается, чтобы достигнуть цели кружным путем через Бологое, и застревает в Пскове. Царь ждет известий, он надеется на корпус Иванова.

Но за время почти суточного блуждания поезда события разворачиваются ужасающим темпом. В Пскове, в штабе Северного фронта, у генерала Рузского, Николай застает уже готовую петлю для себя.

Рузский, частью спасовав перед неумолимостью революционной стихии, частью уже имея кое-какие виды при новом *строе, об'являет, перед разговором с царем*, его придворным:

— Надо сдаться на милость победителя!

Генерал Воейков, изнеженный полковник Мордвинов, граф Граббе и другие дворцовые салонные собачки в эполетах поражены и удручены.

Как так сдаться! Разве—уже?!

«Начались возражения, негодование, споры, требования, наконец просто прось*бы помочь царю в эти минуты* и не губить отечества. Говорили все. Генерал Воейков *предложил переговорить* лично по прямому проводу с Родзянко, на что Рузский ответил: «Он не подойдет к аппарату, когда узнает, что вы хотите с ним беседовать». Дворцовый комендант сконфузился, замолчал и отошел в сторону». (Воспоминания генерала Дубенского).

Рузский имеет решительный, решающий разговор по проводу с Родзянко. Оба собеседника обнаруживают в этом разговоре всю сумму лукавства. Каждый старается лично задобрить и умаслить другого в предвидении возможной своей неудачи. Однако же Родзянко дает понять Рузскому действительное положение вещей.

Рузский начинает твердо соображать, *откуда ветер дует. Недаром он позволил* себе через две недели так самодовольно рекламировать себя в газетном интервью:

«— Ваше высокопревосходительство,—обратился наш корреспондент к генералу *Рузскому,—мы имеем сведения*, что свободная Россия обязана вам предотвращением ужасного кровопролития, которое готовил народу низвергнутый царь. Говорят, что Николай II приехал к вам с целью видеть вас, чтобы вы послали на восставшую столицу несколько корпусов.

«Генерал Рузский улыбнулся и заметил:

«— Если уже говорить об услуге, оказанной мною революции, то она даже больше той, о которой вы принесли мне сенсационную весть. По той простой причине, что я убедил его отречься от престола в тот момент, когда для него самого ясна стала безнадежность положения».

Впоследствии, когда ветер подул совсем не в сторону Рузского, он стал иначе толковать свою роль в «трагедии отречения». Когда в Ессентуках, где он жил, водворилась советская власть, когда генерал стал ожидать ареста и готовиться к бегству, он *передал доверенному* человеку, некоему белогвардейцу Вилчковскому, свои об'ясне*ния, в которых горячо опровергал версию* о том, что он «неприлично вел себя по отношению к государю»...

Так или иначе, Николай, видя предательство кругом себя и не находя ни в ком из окружающих опоры, наконец, получив известия о неудаче экспедиции Иванова, *склоняется к отречению*.

Он еще колеблется. Но его решение подстегнуто телеграммами от главнокомандующих фронтами.

Все телеграммы составлены в форме выражения горячих верноподданнических чувств, но все они без обиняков толкают *царя на отречение. В этом отношении* содержание депеши Николая Николаевича (кавказский фронт) мало отличается от брусиловской (южный) и эвертовской (западный фронт). Запоздала телеграмма Сахарова с румынского фронта. Видимо, долго трудился над ней почтенный генерал. Зато получилась она в своем роде шедевром по красоте стиля:

Начало такое:

«Генерал-ад'ютант Алексеев передал мне преступный и возмутительный ответ председателя государственной думы вам на высокомилостивое решение государя... Горячая любовь моя к его величеству не допускает в душе моей мириться с возможностью осуществления гнусного предложения (об отречении), переданного вам пред*седателем думы. Я уверен*, что не русский народ, никогда не касавшийся царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка людей, именуемая государственная дума, предательски воспользовалась удобной минутой для своих преступных целей... Я уверен, что армии фронта непоколебимо стали бы за своего державного вождя»...

Стали бы! Но не стали. И потому конец телеграммы загибается ловким крючком. Полюбуйтесь на этот блестящий спуск на деепричастиях!

«*Переходя* к логике разума и учтя со*здавшуюся безвыходность положения, я*, непоколебимо верный подданный его величества, рыдая вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным *условиям*».

Рыдая!.. Пожалуй! Да, умри, Денис, пожалуй лучше не напишешь.

Что было делать Николаю с перетрусившим генералитетом?

Ни одной дивизии не нашлось, чтобы защитить обожаемого монарха.

Даже «собственный» его величества конвой, прослышав в Царском Селе о петроградских событиях, вышел с красными бантами и «Марсельезой» на улицу. Куда дальше!

Николай в западне. Делать нечего—смиряется.

Составляет две телеграммы—Родзянко и Алексееву, о готовности своей отречься от престола.

Флигель-ад'ютант царя Мордвинов рассказывает:

«Не помню, сколько времени мы провели в вялых разговорах, когда возвращавшийся из вагона государя граф Фредерикс остановился в коридоре у дверей нашего купэ, и почти обыкновенным голосом по-французски сказал:

— «Savez vous, l'Empereur a abdiqué»

(Вы знаете, император отрекся).

«Слова эти заставили нас всех вскочить. «Как, когда, что такое, да почему»,—послышались возбужденные вопросы. Со *всех сторон сыпались возбужденные возра*жения, смешанные и у меня с надеждой на путаницу и возможность еще отсрочить только что принятое решение».

Кучка придворных чувствует, что почва уходит из-под ног. Они не верят, не могут примириться с таким шагом Николая, гу*бящего себя, а главное*—их.

Они бегут к Фредериксу, тормошат 78-летнего старика, убеждают эту песочницу отговорить царя от посылки телеграммы.

Фредерикс идет. И что же?

Николай берет назад свое согласие. Он *приказывает остановить телеграммы Родзянко* и Алексееву! Он не гордый. Он готов передумать. Ему не надоела власть. Ему не опротивела корона, даже после двадцати лет тяжелого, кровавого царствования, после трех дней катастрофического шатания трона. Он готов сидеть на троне дальше,—даже если ножка поломана. Что ножка! Можно подвязать. Было бы только *обо что ее опереть*.

Николаю почудилась какая-то поддержка, какой-то проблеск героизма,—нет, даже не героизма, а просто решительности, нежелания «пойти на милость победителя». И он уже готов опять упорствовать, опять сопротивляться, карать. Где же сосулька, где *тупое безразличие к «командованию эскадроном»*?

Поддержки нет. Она только почудилась. Никакой опоры. Нельзя же считать опорой 80-летнюю развалину с орденами, лейб-хирурга, пьяницу коменданта, начальника походной канцелярии. Жизнь показала, как уже через три дня тот же полковник Мордвинов трусливо сбежал с царского *поезда, оставив Николая одного* ехать в Царское Село.

Поддержки нет. Она только померещилась. Рузский наседает. Едут депутаты из Москвы. Уже появились на Псковском вокзале красные банты. Дальше нет пути.

Николай уступил, он отрекся после ре*шительной и стойкой борьбы в полном оди*ночестве...

Талантливый молодой историк Л. Китаев ознакомил нас с богатым материалом, связанным с отречением. Целый ряд генералов, сановников, придворных,—почти все в своих зарубежных воспоминаниях рисуют яркие картины своего героизма, верноподданнического упорства в отстаивании династии. Все *это, по их словам*, разбилось о мягкую «христианскую» уступчивость *царя*, его непротивление и мирный характер.

Конечно, это историческая ложь, нуждающаяся в разоблачении. Достаточно даже беглого знакомства с генеральскими мемуарами, чтобы разглядеть толстые белые нитки, которыми они шиты. Нет сомнения, единственным человеком, пытавшимся упорствовать в сохранении монархического *режима, был сам монарх*. Спасал, отстаивал царя один царь.

Не он погубил, его погубили.

Николая Романова увлек за собой, свалил и похоронил под своими обломками с...же правящий дворянский класс.

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Февраль в изображении „историка, не политика“.

«В этой книге получает слово в первую голову историк, не политик»,—так говорится в предисловии.

Книга называется: «Крах России». Автор... но какому же другому автору может понадобиться столь усиленно рекомендовать себя «историком, не политиком», если не П. Милюкову? И как бы в подтверждение того, что для политиков в стиле Милюкова ныне ничего не остается, как только писать историю краха своих собственных партий и социальных групп (под названием «Крах России»), издательство подписывает под его фамилией на заглавном листе книги: «**Бывший** русский министр иностранных дел» [1]).

«Были когда-то и они рысаками!..».

Но было бы ошибкой думать, что у них умерли надежды. Маска «об'ективности» у автора книги слишком прозрачно прикрывает его актуально-**политическую** позицию вражды к СССР, к рабочим и крестьянам нашего Союза, к коммунистической партии. Классовая вражда, питаемая надеждой на реванш, который все еще хотят взять имущие классы, окрашивает собой всю книгу Милюкова, как ни старается автор выдерживать спокойные тона.

Буржуазный дух книги сказывается прежде всего на тех оценках, которые автор дает роли отдельных классов и их представителей в революции, в частности, в подготовке и ходе Февральского переворота. Мы приведем здесь несколько характерных примеров.

Начнем с **рабочего класса.** По мнению Милюкова, русские рабочие уже во время войны были «развращены» тем, что они получали... **слишком высокую (!) заработную плату,** что сказалось и на их «неблагоправном» поведении в 1917 году. Он пишет:

«Рабочие, «пролетарии» (эти «презрительные» кавычки для слова «пролетарии» достаточно характеризуют физиономию бывшего «барина»—Милюкова! **В. А.),** тоже не хотели оставаться на заднем плане. Они требовали своей доли в использовании демократической революции. Как результат «военного социализма», развившегося и в России, подобно другим странам, **рабочий класс привык к высокой заработной плате,** которая базировалась на правительственных заказах на амуницию и на другие продукты новой или возросшей *военной индустрии.* ***Рабочие требовали заработную плату, превышавшую стоимость производимых ими благ. За все должно было платить государство*** (стр. 41, т. I).

Итак, автор книги занимается тем, что задним числом «исторически обосновывает» ту злостную травлю, которая велась русской буржуазией против русских пролетариев в дни Февральской революции: во всем-де виноваты рабочие, не желающие «умерить свои аппетиты», получающие непомерно высокую зарплату. Они «не считаются с интересами государства»! Они «подрывают дело обороны»! Они «предают армию»! Они «углубляют хозяйственный кризис!» Рабочие — виновники всех зол...

Бедное царское «государство», *оно* должно было, видите ли, «за все платить» жадным рабочим! К десятилетию своего падения царизм еще и еще раз нашел в господине Милюкове своего «беспристрастного» адвоката. Сей адвокат, идя дальше по дороге «исторической истины», доходит до еще более невероятных, несусветных утверждений. Не только ра*бочие, но и вообще все* **население** «Российской империи» жило отнюдь не за собственный счет, а за счет самодержавного государства! Вот оно, увенчание этой замечательной «научно-исторической» теории о роли старого российского государства в народной жизни:

«Чрезвычайные поступления (из займов и других кредитных операций) далеко превышали собой обычные поступления из налогов, притекавшие крайне нерегулярно. ***Население привыкло жить за счет государства*** (стр. 42, т. I).

Итак, не буржуазно-помещичье государство вело войну **за счет** населения,—о, нет! Само население «привыкло жить за счет государства», *очевидно, получало* от него больше, чем была ценность производимых трудящимся населением благ (так, по крайней мере, выше было сказано о рабочих). Это называется писать историю, «не будучи политиком»! Нельзя не заметить, что для написания такой «истории» вовсе не требуется быть историком. Надо только иметь запас нахальства для сохранения «ученого вида знатока» и заряд классовой ненависти к русским рабочим и к трудящемуся «населению».

Необходимо для точности добавить, что все сказанное Милюковым о «государстве и населении» относится по ходу его мысли не только к царскому государству, но и к государству периода временного правительства, продолжавшего империалистическую войну.

О крестьянстве и крестьянской **армии** Милюков пишет:

«В действительности, **надо было ожидать слишком много сознания гражданского долга от русского крестьянина,** если от него хотели потребовать, чтобы он шел на опасность **пасть на поле битвы,** *бился бы сначала до горького* конца, а затем **ожидал бы решения учредительного собрания по роковому** («Schicksalsschweren») **аграрному вопросу».**

...Немецкие солдаты с противолежащего участка фронта угощали его (русского крестьянина. **В. А.) русской «водкой» и немецким шнапсом и требовали, чтобы он с ними братался,** чтобы прямо заключал свой мир с ними как раз на фронте, где они *стояли* друг против друга, **и потом возвратиться домой, вместо того, чтобы дать себя расстрелять, в тот момент, когда его ждет долгожданный кусок земли в его деревне»** (стр. 31, т. I).

Крестьянин хотел взять помещичью землю и **не** хотел, чтобы его убивали на фронте за помещичьи и буржуазные интересы. Это, по Милюкову, называется: крестьянин не обладал в должной мере «сознанием гражданского долга».

Но кто же главный виновник забвения «гражданского долга» русскими крестьянами, кто «требовал» или «приглашал» (auffordern) их вернуться домой из рядов буржуазной армии? **Немецкий солдат,**—вот кто виноват в разложении русской армии,—таков приговор нашего «историка».

Издревле идет про русского «мужика», со слов бывших русских господ, дурная слава: *на бунтовское дело, как и на* «разбой», «мужик» способен только в пьяном виде. И вот господский дьяк от «науки истории», Милюков, выводит на сцену «русскую водку» и «немецкий шнапс», которыми немецкие солдаты спаивают русских, подбивая их на революцию.

Это есть шедевр «научного» об'яснения исторических явлений. «Пикантность» сего для господина Милюкова увеличивается еще и тем обстоятельством, что он **до сих пор** (в книге, изданной им в **1925** году!) поддерживает гнусную, давно забытую *всеми* (и заведомо *для самого автора* **лживую**) версию о «деньгах», якобы полученных большевиками «от немцев». Сия «сотворенная легенда»—для Милюкова что-то в роде легенды об «убиении христианских мальчиков евреями»—для антисемитов. Этот суб'ект, который до 1918 года клялся в верности капиталистам Антанты, а в момент немецкой оккупации Украины в 1918 году с легкой душой переметнулся к немцам и начал лизать сапоги гетману Скоропадскому,—поступает теперь по известной методе: он вопит во все тяжкие: «Держи вора!» Немецкие деньги, видимо, до сих пор жгут ему ладонь, если он не может написать ни одного «исторического труда», чтобы не попытаться еще и еще раз воскресить давно похороненную историей басню о «немецком шпионстве» большевиков.

Но теперь мы видим, что уже не только большевики, **уже и русские крестьяне,** одетые в серые шинели, не пожелавшие в 1917 году проливать свою кровь и кровь своих братьев из германских окопов за интересы капитала, об'явлены г-ном Милюковым изменниками: они «продались» **за немецкий шнапс!**

Только тупая и безысходная ненависть к освободившимся от «господ» русским крестьянам могла водить пером «историка» Милюкова, когда *он писал эти* позорные для него строки.

Клевета на революционную массу, клевета на большевистскую партию, Милюков старается в самых неприглядных красках обрисовать и вождей большевизма. Ленина он, набравшись нахальства, характеризует, как «твердолобого диспутанта и медленно-думающую ученую голову» (?!) (стр. 46, т. I).

Пусть-де, он, Ленин, и мое, милюковское, копыто знает!

Вместе с тем автор делает комичную попытку «доказать», что Ленин взял у

Встреча Февраля на фронте.

синдикалиста Сореля его «новое учение о насилии» (!). Само собою разумеется, что это воочию доказывает только факт малограмотности автора «Краха России» в вопросах истории социалистического движения (см. стр. 45).

Большевистские вожди,—пишет, кроме того, Милюков,—

«вернулись в Россию после мартовской (Февральской) революции из Женевы, Парижа, Лондона, Нью-Йорка: интернациональное социалистическое движение они знали много лучше, чем русскую действительность» (стр. 24, том I).

«Намекая», таким образом, что большевики Россию не знали (в другом месте книги автор вообще утверждает, что из русской интеллигенции только «земцы» знали русскую действительность), Милюков в то же время признает, что из всех политических партий именно большевики были

«много последовательнее и решительнее, **много понятнее народу** (чем другие политические группы. *В. А.*); **эта группа окончательно выиграла игру»** (стр. 27, т. I).

Остается недоумевать, как же это так могло быть: наиболее «понятной народу» оказалась группа, которая «не знала» этого народа и его страны? Как же могло случиться, что именно она «выиграла игру»?..

Вдобавок, в дальнейшем сам же автор, говоря о том, что большевики не хотели ввести в России сразу полный коммунизм, добавляет:

«*Для этого они были слишком умны* **и слишком хорошо знали их страну»** (стр. 44).

Таким образом, на протяжении каких-нибудь двадцати страниц книги Милюкова (от 27 до 44) большевики у него уже успели познакомиться с русской действительностью.

Как же тут не воскликнуть с удивлением: «вот так история! Вот так «историк»!».

Между искажениями и клеветой у автора книги «Крах России» вырывается и такое признание:

«...Одним словом, к моменту, когда произошел большевистский переворот в ноябре 1917 года, Россия уже созрела для большевизма. **Положение было таким скверным, что его, по общему мнению, никакая новая перемена не могла ухудшить. Наоборот, население рассматривало перемену, как шанс на улучшение»** (стр. 42).

Достаточно суровый приговор для 8 месяцев совместного властвования министров-кадетов, социал-революционеров и меньшевиков вырвался из-под пера Милюкова!..

* * *

Теперь посмотрим, что автор пишет о себе, о своем политическом лагере и его роли в Февральской революции.

Прежде всего, заслуживает быть отмеченным чудесное превращение Милюкова в «пацифиста»,—задним числом, конечно. Он пишет, желая, как сам указывает, просветить «немецких читателей» насчет своей позиции по отношению к войне:

«Не только вследствие моего свойства (Eigenschaft), **как пацифиста,** но **также, как русский патриот,** я энергично возражал против втягивания России в европейскую войну во время событий на Балканах...» И далее:

«Само собою понятно, что **после того, как началась война, я выполнил долг, к которому был обязан,** как всякий патриот *каждой* страны» (стр. 34, т. I).

«Пацифизм», как «свойство» (!) Милюкова-«Дарданельского»... Кому только автор хочет втереть очки? Разве только *тем из «немецких читателей», которым* до русской истории вообще никакого дела нет и которые ее не знают.

Но, посмотрите, каким жалким выглядит этот бывший «политический деятель» России, ныне принужденный открещиваться от ответственности за дело, которое, по существу говоря, было **делом всей жизни** для его политического направления,—**для** русского национал-либерализма! Ибо война с Германией, сулившая перспективы империалистического роста тем, кто победит, война, к которой так готовились материально *и идейно,—была делом, на которое* политически, в свое время, русский либерализм воистину «живот свой положил».

Исказив свое отношение к империалистической войне, *глава русского национал*-либерализма непозволительным образом искажает и роль буржуазии и ее вождей **в революции.**

Прежде всего, он искажает свою собственную роль тем, что **замалчивает** свой монархизм, так ярко проявившийся в дни Февральской революции, когда думские вожди (и Милюков в их числе) посылали делегацию в лице Гучкова и Шульгина уговаривать царя отречься не в пользу думы, а в пользу Алексея и Михаила. Милюков молчит о том, что именно он в эти дни на закулисных совещаниях членов думы с **наибольшей** решительностью и упорством отстаивал идею монархии, как наиболее удобной (для кого?) форме правления в России. Он не приводит того факта, что г-н Гучков, приехавший на собрание железнодорожных рабочих сообщить им «радостную» весть об отречении одного царя в пользу нового царя, был **арестован** рабочими, как контрреволюционер, и его хотели расстрелять. Он молчит о том, какой отпор со стороны масс он сам, Милюков, получил, когда пробовал на митинге у Таврического дворца провозгласить: «Да здравствует Михаил Романов!»

Он молчит, потому что ему слишком невыгодно припоминать такие вещи. Он ведь теперь (с мая 1917 г.!)—«республиканец».

Быть может, в книге «Крах России» отдельные, даже и важные эпизоды могли *быть опущены. Но, во всяком случае,* не мог, не должен был быть «опущен» такой **крупнейший** исторический факт, что русская буржуазия в феврале 1917 года **пыталась сохранить монархию.** Между тем, автор книги отделывается такими фразами:

«В марте **все** части народа **и все** политические группы,—не исключая консервативных,—сошлись в общем стремлении свергнуть их общего врага—автократию» (стр. 23).

На этом основании автор называет Февральскую революцию «национальной» в противовес «интернациональной»—Октябрьской. А тот факт, что не только «консервативные» группы, но и «либеральная» партия кадетов «стремились свергнуть автократию» своеобразным путем укрепления и «улучшения» монархии,—этот факт провалился у нашего «историка» в исторические «тар-тарары» [2]).

Зато дума и ее вожди изображены главнейшими факторами Февральской революции. Дума «подготовила» революцию, дума «встала во главе» ее, от думы зависели победа и поражение революции, и т. д., и т. п.

«Революционные силы,—пишет Милюков,—***были много лучше подготовлены*** (речь идет о 1917 г. по сравнению с 1905 г. **В. А.),** ***много крепче об'единены,*—это был результат десятилетней деятельности народного представительства»** (стр. 18).

Но ведь это утверждение звучит прямо конфузно *для* автора, *если мы* сопоставим его со следующими признаниями самого автора. Говоря о **первой** думе, где кадеты владели большинством голосов, Милюков защищает это большинство от обвинений в «политическом максимализме». Он говорит:

«В действительности партия, к которой я принадлежал (конституционно-демократическая, или «к.-д.», по народному «кадеты», возникшая в дни октябрьского манифеста 1905 года) и которая стояла во главе тогдашнего думского большинства, имела **желание** (курс. Милюкова) и до известной степени также **возможность** (курс. его же) **не допустить того, чтобы политическая борьба вырвалась за парламентские рамки. Мы были готовы, в политической области,** так же как в вопросе о расширении законодательной власти народного представительства, **не вызывать никакого немедленного конфликта»** (стр. 3).

Итак, кадеты, как вынужден признать *автор, начиная с первых лет* существования своей партии, **не желали революции.** Но кадеты были большинством только в первой думе, которая существовала несколько месяцев в 1906 г. Все «десятилетие деятельности народного представительства», о котором выше говорил автор, приходится на третью и четвертую думы (1908—1917). А черносотенно-октябристское большинство **этих** дум и подавно **боролось** против революции. В годы войны,—не лишнее это напомнить,—и сам Милюков, один из застрельщиков думского «прогрессивного блока», провозглашал: **«лучше поражение, чем революция».**

И вдруг, оказывается, дума «подготовила революционные силы»,—т.-е. революцию! Стало быть,—**«подготовила» то, чего всеми силами старалась избежать!**

Бывает, слов нет, в истории и так. Капитализм *сам* роет себе могилу, подготовляя свое уничтожение. Царизм тоже, в известном смысле, подготовлял русскую революцию. Но кичиться, задним числом, тем, что ты «подготовлял» то, чего ты **не желал,** как это делает автор «Краха России»,—в высокой степени странно.

Между тем, упорное желание занести Февральскую революцию в список своих *якобы заслуг* ведет г-на *Милюкова еще* дальше. Он говорит:

«...Если бы дума не встала во главе движения, то такие ответственные вожди армии, как генералы Алексеев или Рузский, *никогда не выступили бы на* стороне революционеров. Царь не был бы так быстро и легко склонен к отречению. **Уже в ближайшие дни началась бы борьба, в которой экстремистские** (крайние, т.-е. большевистские в данном случае. **В. А.) элементы боролись бы за революцию одни или быть может, при поддержке еще нескольких частей петербургского гарнизона. Они были бы, вероятно, скоро изолированы и разбиты.** Поэтому русские реакционные группы целиком правы, когда они делают **думских вождей ответственными за успех революции»** (стр. 23, т. I).

«Историческая мысль» бывшего «*думского вождя» здесь шита белыми нитками.* Если бы царь и «генералы, как Алексеев или Рузский», были в состоянии подавить **массовое** движение против монархии, они бы его, разумеется, подавили! На чьей стороне оказались бы при этом «думские вожди», на это было бы им, само собой разумеется, с высокого дерева наплевать. Если произошло иначе, если генералы «выступили на стороне революционеров» (это, впрочем, чересчур сильно сказано), а царь отрекся, то случилось так потому, что дело реакции было проиграно, самому царю и генералам ежечасно стала грозить расправа со стороны восставших масс, ибо последняя опора царизма и генералов—армия, в лице **солдатской** и даже казацкой массы повсюду походным маршем переходила в стан революции.

Если бы царь отречения не подписал, генералы оказали бы военное сопротивление, *дума бы ушла к генералам,* то что было бы, на самом деле, в февральские дни? Каждое лишнее препятствие только **усиливало бы** напор масс! Все старое здание царизма с его присными было бы сметено в два счета куда более основательно и последовательно, чем это случилось. Горизонты классовой борьбы прояснились бы скорее, массы быстрее поняли бы, кто их друг и кто враг, меньше осталось бы места соглашательству и власть, вероятно, скорее, чем это произошло, перешла бы в руки советов.

В том-то и состоял классовый смысл «перехода» генералов и думских вождей на сторону «свершившихся фактов», смысл отречения Михаила в пользу думы и т. п., что все «присные» монархии, видя свое бессилие подавить революцию, попытались ее **дезорганизовать,** «примкнув» к ней и использовав в своих целях мелкобуржуазную доверчивость масс и их *социал-соглашательских вождей.*

Поверить Милюкову, так он только затем и перешел на сторону революции, чтобы не были подавлены «экстремистские элементы»! Подумаешь, какой их «верный друг»!..

«В первый же день революции,—жалуется Милюков в своей книге,—на ряду с думой выступил на сцену **«Рабочий и Солдатский Совет»,** который стал устраивать заседания в том же Таврическом дворце и **постепенно вытеснил депутатов думы в задние комнаты...»** (стр. 28).

Вот она где зарыта, собака! С первого же дня революции «думские вожди» оказались в ее **«задних комнатах».** Поневоле им пришлось положить, до поры до времени, под спуд свои мечты о монархии, вставить красные бантики в петлицы и разыграть из себя республиканцев.

Только это ведь и могло тогда сохранить за ними хотя бы право на вход в Большой зал Таврического дворца.

В. АСТРОВ.

[1]) Paul Miliukow, ehemaliger russischer Aussenminister. „Russlands Zusammenbruch“. Obelisk — Verlag Berlin. 1925. I Band — S. 249. II.—S. 364.

Книгу в целом автор этой статьи предполагает разобрать в другом месте, ограничиваясь здесь рамками более узкой темы.

[2]) Изданная Милюковым шестью или семью годами раньше «История второй русской революции» в этом отношении была все же более «правдива» и откровенна, чем книга «Крах России».

Распутин.

ПОЭМА.

1.

В народе не остыли толки
И струнный рок.
Над Русью в клоунской ермолке
Сидел царек.

На нем и ленты и медали
В большой пятак.
Перед дворцом маршировали
И так и так.

Большой дворец, большая пушка,
Носы вельмож.
На балаганного петрушку
Был царь похож.

Чесал пробор рыжеволосый,
На лбу хохол.
Три века луковичным носом
Над Русью цвел!

Но вот подуло пятым годом
Со всех сторон.
И закачался небосводом
Кровавый трон.

Бушует Русь, Нева и море
Гремят волной.
Сивушный царь, тебе ли с горя
Не впасть в запой?

Царю сивуха, а царице
Каки дела?
И загремели над столицей
Колокола.

Царица—баба в белом теле,
Слаба умом.
По одному коты ходили
И табуном.

Того замучила одышка,
Тот слаб, тот хил.
Но вот пришел Распутин Гришка
И угодил!

Запахло во дворце овчиной,
Таежной тлей.
Старинным говором, лучиной,
Сырой землей.

Шерстит просторная поддевка,
Шумит тайга,
И в зеркале торчат неловко
Его рога.

Как девку на лесной равнине,
Любует он
Цареву бабу на перине,
Среди икон.

Плевать ему на эти лики,
На всех святых.
Видал он в колокольном зыке
Не мало их!

Гремит по царскому жилищу
Лесная ложь.
Тая в широком голенище
Разбойный нож.

—Постой, красавица, уж я,
Лесная сыть,
Заставлю царство аржаное
Покорну быть!

Дворец угрюм, в ночную сажу
Горит восход.
И каменно застыла стража
У всех ворот.

2.

Побасенки да рассказы,
Только подноси.
Это Гришка лупоглазый
Ходит по Руси.

Разлюбил мужик овчину,
Потаежный сон.
Потянуло не по чину
К золоту погон.

Волга плещется за бортом
Розовой волной,
Под большим сибирским чортом
Пенясь глубиной.

От степной весенней люти
Вспыхнула заря.
Дуют в гришкиной каюте
Брагу за царя.

Кроют будто черепицей
В душу и в живот.
«Сам» за матушку-царицу
До упаду пьет.

— Эх ты, крой, моя зазноба,
Распотешь судьбу.
Полюбил тебя до гроба,
Разлюблю в гробу!

— Славой голову покрою,
Положу труды,
Из лесов твоих настрою
Виселиц ряды!

— Вешай, чтобы не срывались
Даром из петли.
Чтобы дыбом подымались
Волосы земли!

На волну волна упала,
Грозная волна.
У буфетчика немало
Пива и вина!

Гришка топает не быстро,
Да царю беда:
Как осталась от министра
Плешь да борода.

Распаясал порядки леший,
Вот те—трынь да брынь!
Уплывает месяц плешью
За степную синь.

И по всей Руси туманы,
Горы да леса.
Надмогильные курганы,
Степь да небеса.

По морям в густом рассвете
Ходят корабли.
По полям—казачьи плети,
Рожь да конопли.

Черный ворон за веревку
Зацепил не зря:
Те висят за забастовку,
Эти—за поля.

На распаханной загоне—
Деревенский плач.
По Руси в ночном вагоне
Мечется палач.

Не простую Гришка птаху
Выловил, нашел.
А рубаха-то, рубаха,
Расписной подол!

Баба шила, ворожила,
Царское шитье.
В бабьем царстве Гришке было
Вольное житье.

И с вокзала прямо к «Яру»
В полуночный срок.
— Ну-ка, девки, под гитару
Вдоль и поперек!

3.

Закипела лунная равнина,
Избяная гладь.
На дружину грозная дружина
Вышла воевать.

Облетели золотые клены
И молчат поля.
Захлебнулась хлёбовом соленым
Черная земля.

Поднялись задумчиво и строго
Рожь и коноплель.
Тяжело запела по дорогам
Серая шинель.

Зазвенела старая двухрядка,
По полям тоска.
За окном—брюхатая солдатка,
Под окном — река.

Воют избы, как собачьи стаи
В лунной тишине.
Затонула родина худая
На большой войне.

Едут полем красные вагоны,
Это ли не бред?
И роняет месяц на загоны
Свой кудрявый свет.

Неужели никому не больно,
Никому не жаль!
Не звони, болтушка-колокольня,
В розовую даль.

Все равно над клином недожатым,
Чуть блеснет заря,
Русь гудит семиэтажным матом
В бога и в царя.

Глупый царь, беспутная ватага,
Ни ума, ни глаз.
— Подыхай, лоскутная сермяга,
За хороших нас!

И идет, штыками поводя,
На неравный бой,
И ложится сила полевая
Русой головой.

Что-ж такое? Ни большой удачи,
Ни больших побед...
— А ведь это, государь мой, значит,
Полководцев нет.

Нашептал царю таёжный леший,
Намутил не зря.
Колокольным звоном распотешил,
Проводил царя.

Обернулся вороном в столице:
— Буду править сам!
И садился на плечо царицы
Ворон по ночам.

Карр, царица!—и летят кочнами
Головёшки с плеч.
И пошла за тёмными лесами
Кровяная течь.

Нарубили много, накололи
Свиток и сермяг.
На ржаное вспаханное поле
Наступает враг.

Карк вороний будто от царицы? —
Замутился двор.
Слушать эту падальную птицу
До каких же пор?

— Грязный дождь она поганым клювом
На корону льет.
Да не гоже, что царица-дура
С мужиком живет!

Загудела знатная орава,
Как осенний парк.
Эй, князья, облаву да отраву
На вороний карк!

Ночь была над Питером—как сажа,
Черная стена.
В эту ночь не выходила даже
Русская луна.

За дворцом, на ветровом разгуле
Видел черный сад,
Растянулся на снегу от пули
Бородатый гад!

Лед завыл, как наевшую могилу:
— В прорубь Гришку-пса!
И заря румянцем затопила
Снег и небеса.

А Нева гудит в иную пору,
Гневом и тоской:
Так и надо бабнику и вору
Да шпане такой!

Так и надо!—ахнули крестьяне
Под рабочий гром.
И царя со всею знатной дрянью
Сшибли Октябрем.

ПЕТР ОРЕШИН

Русские империалисты в Февральской революции.

Русская буржуазия вступила в весну 1917 года с самыми радужными надеждами. Отошли в прошлое опасения, вызванные назначением Штюрмера на пост министра иностранных дел, переговорами Протопопова с советником немецкого посольства в Швеции и другими фактами, *которые сигнализировали колебание царского* правительства в вопросах войны. Став у власти, буржуазия, казалось, могла вести войну с развязанными руками. У руля внешней политики стал опытный полководец русского империализма Милюков. В изобретении какой-либо оригинальной программы новый министр не нуждался: кадеты еще в 1914—15 гг. *четко и определенно заявили о* том, чего буржуазная Россия «ждет от войны». «Ждали» Армении, австрийской Галиции, части Пруссии, а самое главное—проливов и Константинополя с Hinterland'ом. Сложившаяся в марте обстановка позволяла надеяться на скорое осуществление этой программы. В актив временного правительства по наследству перешли успехи, достигнутые царской армией в 1916 г.; в перспективе рисовалось присоединение Америки к Антанте, об'единенное наступление союзников на всех фронтах. Империалистическим замыслам благоприятствовало и положение внутри страны. Единственная организация, которая могла бы угрожать Милюкову—совет рабочих депутатов—и не заикалась о мире, если не считать платонического обращения «к народам всего мира», которое, кстати сказать, носило ярко оборонческий характер.

Милюков, не стесняясь, раз'яснял иностранным журналистам, что «русская революция была произведена для того, чтобы устранить препятствия, стоявшие на пути России к победе». Он подтверждал, что временное правительство выполнит все обязательства перед союзниками, принятые на себя правительством Николая II, но желая заручиться соответствующими заявлениями союзников. Англия и Франция с большим трудом согласились на передачу России проливов, и Милюков недаром требовал повторной «расписочки».

Империалистическую политику временного правительства проводило и на Востоке. В **Китае** Февральская революция вызвала надежду на изменение кабальных договоров, заключенных ранее с царской Россией. Но даже сравнительно ничтожные просьбы китайского правительства (например, об отсрочке уплаты боксерского вознаграждения) вызвали резкий *отпор Милюкова, вставшего на защиту* «национальных интересов» России и ...Русско-Азиатского банка. Сведения о волне национально-революционного движения в **Персии** встретили категорическое заявление министра иностранных дел, подчеркнувшего, что политика России в Персии останется неизменной. Правда, считаясь с моментом, Милюков дол*жен был вести себя осторожно,* и ему пришлось установить своеобразное «разделение труда» между представителями русского и великобританского правительств в Персии. «Имейте в виду,—телеграфировал он русскому представителю в Тегеране,—что **при новом нашем строе нам нельзя открыто выступать против либеральных веяний в Персии. Поэтому желательно, чтобы в подобных вопросах вы предоставляли инициативу английскому посланнику, оказывая ему со своей стороны поддержку в его начинаниях».**

Благоприятная для дарданельских планов обстановка первых недель Февральской революции вскоре ухудшилась. Несмотря на то, что все обязательства по отношению к России были подтверждены союзниками, руководители иностранной политики Англии и Франции исподволь старались прибрать к рукам «главный приз войны»—Константинополь и про*ливы. На междусоюзнических совещаниях* (созванных, между прочим, без участия представителя России) наметилось неблагоприятное для временного правительства решение малоазиатского вопроса. В Греции союзники поддерживали притязания венизелистов на Константинополь. На фронтах союзническое командование деликатно отстраняло попытки русских генералов приближаться к Дарданеллам. Наконец, англо-французская пресса усердно раздувала слухи о том, что Россия якобы отказывается от требования передачи ей проливов.

Ухудшилась и обстановка внутри страны. Несмотря на оборонческое настроение масс, империалисты без труда могли заметить тревожные признаки, ко*торые оспаривали гордое заявление* Милюкова о том, что революция сделана для обеспечения победы союзников. Еще 1 марта, когда с крыш домов Петрограда шла стрельба из хабаловских пулеметов, французский посол Палеолог заметил, что к крикам приветствовавшей его толпы «неприятно примешивались возгласы: «Да здравствует Интернационал», «Да здравствует мир». В манифесте 6/19 марта временное правительство вынуждено было ограничиться указанием на то, что новая власть будет соблюдать обязательства перед союзниками и обеспечит армию всем необходимым для того, чтобы довести войну до победного конца. Эта «скромность» возмутила Палеолога. «Не заявлена даже решимость продолжать борьбу до конца, до полной победы,—говорил он Милюкову,—Германия даже не названа. Ни малейшего намека на прусский милитаризм. Ни малейшей *ссылки на наши цели войны*». «Смущенный» Милюков обещал «исправиться», но все же не рискнул подражать Дантону и Гамбетте, образы которых рисовал перед ним Палеолог. Осторожность не покидала министра даже тогда, когда пассивность совета в вопросах внешней политики позволяла ему высказываться несколько более откровенно. *Таким образом, международная* и внутренняя обстановка толкала Милюкова на путь решительных мероприятий. Чтобы добиться проливов и поставить союзников, с одной стороны, и трудящиеся массы России,—с другой, перед совершившимся фактом, пришлось прибегнуть к «пожарным» мерам.

Едва ли не на следующий день после занятия министерского поста Милюков начал развивать усиленную деятельность, направленную к привлечению Болгарии на сторону союзников. Удайся этот дипломатический вольт,—и русские войска оказались бы в непосредственной близости к Дарданеллам. Но дело затягивалось (отчасти из-за противодействия союзников),—хотя Милюков с легким сердцем соглашался купить Болгарию за счет Сербии. Славянофильская фразеология, которой кадеты широко воспользовались для разжигания шовинистических настроений в 1914 г., теперь оказывалась непригодной. И когда речь зашла об угрозе сербским интересам, Милюков предложил «отказаться в этом вопросе от сентиментальных соображений и смотреть на положение вещей с практической точки зрения».

Другая попытка Милюкова—проект захвата Дарданелл русским десантом—носила еще более авантюрный характер. Проект этот возник незадолго до апрельских дней—под министром заколебалась почва.

Милюков, по словам Деникина, вел многократные переговоры с ген. Алексеевым, убеждая предпринять эту операцию, которая, по его мнению, могла кончиться успехом и поставить протестующую *против аннексий* революционную демократию перед существующим фактом. План десанта сорвался из-за начавшегося разложения армии,—не удалась даже пробная экспедиция к малоазиатским берегам. Дарданельские демарши Милюкова потерпели полную неудачу.

В начале апреля меньшевистско-эсе*ровские лидеры совета вынуждены были,* под влиянием роста мирных настроений, обратиться к временному правительству с просьбой обнародовать заявление об отказе от завоевательных целей. После долгих переговоров правительство согласилось на этот шаг. По вопросу о целях войны министры и делегация совета об'единились на формулировке к.-д. Набокова, гласившей, что «цель свободной России—не господство над другими народами, не отнятие у них национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов». Набоков, Милюков и другие министры понимали, что «превращение Дарданелл и Босфора в русский канал, разумеется, трудно было бы совместить со строгим толкованием слов декларации». «Но, — замечал впоследствии Набоков,—**если бы наступили те обстоятельства, при которых стало возможным такое превращение, кто бы помнил слова этой декларации?»** Однако, для большего успокоения была принята поправка к.-д. Кокошкина, многозначительно упоминавшая о том, что «русский народ не допустит, чтобы родина его вышла из войны униженной и подорванной в жизненных своих силах».

Меньшевики и эсеры не только согласились с этой поправкой, *но признали* всю декларацию 9 апреля—документ, империалистический характер которого не подлежал, казалось, сомнению,—«победой демократии».

Инцидент с декларацией обнаружил, что некоторые члены временного правительства, в первую очередь Керенский, готовы, во избежание затруднений, взять несколько более оппортунистический курс внешней политики. Это течение нашло себе поддержку английского и французского правительств. Керенский пользовался сочувствием Антанты не только потому, что он предпочитал не настаивать на передаче России проливов. В Лондоне и Париже хорошо понимали, что откровенно-захватническая политика может помешать готовящемуся наступлению русской армии. Милюков, по словам английского посла Бьюкенена, был «плачевно слаб» в борьбе против пропаганды мира на фронте. Керенский пользовался популярностью. «Заложник» совета в правительстве заверял Бьюкенена в том, что «совет умрет естественной смертью», и обещал продолжать войну до тех пор, пока «*Германия не уступит воле Европы*».

«Константинопольская губерния» решительно уплывала из рук, и Милюкову пришлось танцовать на канате: с союзниками нужно было говорить «твердым голосом» о проливах, а обстоятельства у себя дома заставляли снижать тон. Такое положение не могло долго продолжаться.

Англия не упустила случая истолковать декларацию 9 апреля как отказ от права на Константинополь и проливы. Временное правительство поспешило «раз'яснить» декларацию, т.-е. осведомить союзников о том, что документ 9 апреля является результатом «домашних» затруднений и вовсе не предназначен для экспорта. «Раз'яснительная» нота 1 мая (18 апреля), заявлявшая о стремлении довести войну до решительной победы, и оказалась той апельсинной коркой, на которой суждено было поскользнуться Милюкову.

Стихийный взрыв возмущения питерского пролетариата и солдат показал русской буржуазии, с чем она имеет дело. Апрельские дни были первыми ударами грома. Именно в эти дни «добросовестное оборончество» получило начальный урок большевистской политграмоты.

«Люди, знакомые с политикой,—писал Ленин о ноте 18 апреля,—не могли быть удивлены этой нотой, ибо они прекрасно знали, что все «отказы от аннексий» со стороны капиталистов — пустая отписка, не более, как обычная уловка и фраза дипломатов. Но массовые, «добросовестные» представители оборончества были удивлены, возмущены, исполнены негодования. Они **почувствовали**— они не поняли еще этого вполне ясно, но они почувствовали, что они оказались обманутыми» [1]).

На поверхности событий вскоре произошло успокоение, были изданы новые «раз'яснения» «раз'яснительной» ноты. Но Ленина интересовали не столько дальнейшие переговоры совета с временным правительством, новые ноты, декларации, сколько **новое соотношение классов,** выяснившееся в апрельские дни.

Ленин подчеркивал, что апрельские демонстрации «начались как **солдатские** демонстрации с противоречивым, несознательным, ни к чему неспособным повести лозунгом «Долой Милюкова!»... Это значит, что широкая, неустойчивая, колеблющаяся масса, ближе всего стоящая к крестьянству, по научно-классовой характеристике *мелкобуржуазная, колебнулась* **прочь от** капиталистов **на сторону** революционных рабочих» [2]).

Пролетариат поднялся против буржуазии. Мелкобуржуазная масса колебнулась на сторону пролетариата. Тактические выводы Ленина из анализа апрельских событий были далеки как от соглашательства оборонцев, так и от бланкистских *попыток немедленного захвата власти.* Колебания мелкобуржуазных и полупролетарских слоев следовало использовать для вовлечения их в союз с пролетариатом; партии предстояло развить колоссальную работу в этом направлении: недаром Ленин говорил об «удесятерении» коллегий агитаторов, пропагандистов, организаторов.

Лозунги, выдвинутые Лениным и воспринятые партией, не допускали сомнений.

«Быть твердым, как камень, в пролетарской линии против мелкобуржуазных колебаний.

Влиять на массы **убеждением, «раз'яснением».** Готовиться к краху и **революции в 1000 раз сильнее Февральской»** [3]).

Н. РУБИНШТЕЙН.

[1]) Ленин. Т. XIV. Ч. I. Стр. 106.
[2]) Ленин. Т. XIV. Ч. I. Стр. 109.
[3]) IV «Ленинский Сборник». Стр. 290.

В субботу, 12-го марта, в 5 час. веч., в помещении Большого театра состоится торжественное заседание пленума Московского Совета РК и КД, с участием Центральных и местных партийных, советских и профессиональных организаций,

ПОСВЯЩЕННОЕ

10-Й ГОДОВЩИНЕ СВЕРЖЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ.

Члены Московского Совета старого и нового состава, Члены ЦИК Союза ССР и РСФСР, члены СНК Союза ССР и РСФСР, члены президиума ВЦСПС и пленума МГСПС, члены ЦК ВКП(б) и ЦКК, МК ВКП(б) и МКК, ЦК и МК ВЛКСМ, члены президиумов исполкомов Коминтерна и Профинтерна и члены Общества Старых Большевиков—**проходят по своим мандатам.**

ВОСПОМИНАНИЯ.

В „Крестах".

Февральская революция застала меня в ленинградской тюрьме.

В декабре 1916 г. я был арестован царской охранкой и посажен в «Кресты»; мне было пред'явлено обвинение в принадлежности к партии большевиков. Не имея в своих руках документальных данных для предания меня суду, царская охранка решила выслать меня в Якутскую область.

Я стал готовиться к далекой ссылке, но Февральская революция избавила меня от этой печальной необходимости.

Слухи о готовящейся борьбе и выступлениях рабочих, доведенных до крайности тяжелым продовольственным положением, дошли и до нас, в тюрьму, но так как мы сидели в тюрьме по нескольку месяцев, у нас не было уверенности, что это выступление может вылиться в революцию, разрушающую до основания царский режим.

Судя по тому разгрому питерской организации большевиков, который произвела охранка, мы были уверены, что нараставшее недовольство рабочих выльется в крайнем случае в грандиозную стихийную политическую забастовку, после которой наступит затишье. Мы совершенно не учитывали настроения солдат.

Положение в питерской организации нашей партии было поистине плачевно. Вскоре после моего ареста был арестован почти весь ПК, на свободе остались лишь немногие товарищи, которые в январе 1917 г. были арестованы с оружием в руках в одной питерской типографии. Эту типографию захватили члены ПК для печатания нелегальной большевистской газеты. Когда газета была отпечатана и погружена на извозчика, по доносу одного провокатора нагрянула полиция и арестовала остатки ПК.

Правда, вскоре был сформирован новый ПК, но и он, как только началась забастовка питерских рабочих, 25 февраля по старому стилю, был арестован и частью посажен в «Кресты», где я в то время сидел. От них мы узнали о начавшемся грандиозном движении питерских рабочих и с тревогой ожидали конца этого движения.

Эта тревога была особенно сильна в связи с тем, что на воле почти никого не осталось из тех, кто бы мог руководить этим движением. Остатки руководящих товарищей были арестованы, всякая связь с районами была порвана. На воле остался небольшой состав бюро ЦК, но и он с арестом ПК потерял связь с районными организациями.

Стихийно начавшееся движение могло закончиться разгромом. Слухи, доходившие в тюрьму, были крайне разноречивы. Моя камера окнами выходила на Неву, и мне был виден конец Литейного моста, и, поскольку до нас дошли слухи, что начавшаяся забастовка выльется в грандиозную демонстрацию рабочих, я не отходил от окна.

В субботу, 26-го, и воскресенье, 27-го февраля (старого стиля), через Неву по льду и через Литейный мост шли громадные толпы с Выборгского района в центр, при чем меня крайне удивляло то обстоятельство, что толпа почти беспрепятственно переходит Неву. Лишь в воскресенье утром на Литейному мосту толпа демонстрантов была задержана, но она в обход по льду прорвалась к центру. Точно так же удивляло почти полное отсутствие конной полиции и жандармов. Они появлялись на другой стороне Невы небольшими отрядами и быстро исчезали. Мимо же тюрьмы проезжали изредка одиночные конные полицейские и жандармы. Эта обстановка казалась весьма странной и, несомненно, доказывала о крупном размахе движения.

С нетерпением я ожидал понедельника, и, встав рано утром после тревожного сна, кинулся к окну. На воле казалось все спокойно. По набережной Невы, на противоположной стороне тюрьмы, кое-где шагом раз'езжали отдельные группы конной полиции и жандармов; по шагам отдельных пешеходов казалось, что жизнь вошла в обычные нормы. Но около 11 час. утра на Неве, по льду, кое-где стали появляться отдельные группы. Часам к 12 дня опять появились значительные толпы народа, направлявшиеся через Неву в центр. Конные отряды совершенно исчезли. Я уже не отрывался от окна. В это время принесли тюремный обед. Не прикасаясь к еде, я опять кинулся к окну, и то, что я увидел, бросило меня в дрожь: отряд солдат шел с ружьями наперевес, а толпа, шедшая через Неву, бросилась в панике бежать. Первое впечатление от этой картины было: стреляют по толпе, но присмотревшись внимательно к отряду солдат, я с радостью увидел среди солдат рабочих, студентов и, самое поразительное, красные флаги. Солдаты остановились перед тюрьмой и стали нас приветствовать, махая шапками, руками, студенты платками, и что-то нам кричали, чего разобрать было невозможно. Как по сигналу в тюрьме зазвенели окна,—каждому хотелось слышать, что говорит толпа солдат и рабочих. Оказывается, они спрашивали, как пробраться в тюрьму, так как ворота были крепко-накрепко заперты и охранялись отрядом солдат. Советы были разные: одни кричали, чтобы лезли через забор, другие предлагали ломать стену и др. нелепые советы. Наконец, толпа с воли решила взять ворота штурмом, что было и проще и скорее.

Под ударами ружейных прикладов ворота затрещали, и толпа солдат ворвалась в тюрьму. Что тут было, невозможно описать. Выстрелы, беготня по коридорам (это прятались надзиратели), стук в двери, треск ломавшихся и разбиваемых о двери табуретов, исступленные крики заключенных. Все смешалось в невероятный шум. Я сам бегал, как угорелый, по камере, стараясь, как можно скорее освободиться из своей клетки.

Ведь никто не знал, как широко разлилось движение. Я лично полагал, что это один из крупных эпизодов борьбы, за которым может наступить реакция; что, может быть, пока они нас освобождают, придут силы противника и неизвестно, кто будет победителем. А сидел я на пятом этаже. Пока до меня дойдет очередь, может быть, наших освободителей выгонят из тюрьмы. Поэтому я страшно волновался, но делать было нечего, царские тюрьмы были построены прочно, дверей не выломаешь. Пришлось ждать, пока их откроют. Наконец, и до меня дошла очередь: двери открылись, и я очутился на воле. То, что представилось моим глазам, подвергло меня в необычайную радость. На набережной, вдоль всей тюремной стены, стояли с оружием в руках тысячи солдат и раздавали оружие рабочим Выборгского района. Десятки грузовиков с ружьями и патронами вмиг разгружались. Я второпях схватил первое попавшееся ружье и вместе со всей толпой отправился к зданию Государственной Думы.

Толпа двигалась стихийно, никем не руководимая. Да и мы, старые пекисты, выйдя из тюрьмы, как-то растаяли в общей толпе. Кое-как мы друг-друга разыскали, одни побежали в районы устанавливать старые связи, другие побежали разыскивать нелегальные типографии и квартиры. Было условлено назавтра встретиться для оформления ПК, но встретиться удалось лишь 2 марта. На этом собрании был выбран временный ПК, секретарем которого я был избран.

С образованием ПК работа пошла на лад. Быстро стали восстанавливаться связи с районами и восставшими организациями. Но все же первые дни революции были упущены, чем и воспользовались меньшевики, засев всякими правдами и неправдами в советах.

Потребовалась длительная и упорная работа по завоеванию масс. Завод за заводом, фабрика за фабрикой отбивались от меньшевиков, и к апрелю 1917 г. питерская организация большевиков восстановила свое влияние среди питерских рабочих.

Ту же упорную борьбу мы вели и среди питерского гарнизона с наиболее боевыми полками; среди недавно вернувшихся с фронта солдат нам удалось завязать прочные связи.

В апреле 1917 г. благодаря нашей инициативе удалось подчинить своему влиянию и Петроградский Совет Профессиональных Союзов, что впоследствии сыграло колоссальную роль.

Но если в организационном отношении ПК сумел быстро восстановить свое руководство, то по воспитанию масс и их идейному руководству у первого легального ПК были некоторые колебания. Под руководством ПК во главе с Лениным эту колеблющуюся линию удалось быстро исправить и повести питерских рабочих и революционных солдат к завоеванию Октября.

В. ШМИДТ.

Ленин и Февральская революция*).

В дни Февральской революции В. И. жил все еще в Цюрихе. Первая весть о ней появилась в экстренном выпуске буржуазной газеты «Züricher Post» («Цюрихская Почта»), газетки явно германской ориентации.

В нашей русской колонии очень многие отнеслись к сообщению скептически и считали, что это—очередная выдумка германофильской газетки, которая уже не раз сообщала о бунтах, взрывах и тому подобных вещах в России, оказывавшихся впоследствии простой выдумкой газетчиков.

В. И. отнесся иначе к этому сообщению, и хотя нам он говорил, что надо выждать подтверждения первых известий, но про себя он, видимо, решил, что на этот раз «Цюрихер Пост» сообщила правду.

Уже на второй день после того, как подтвердилось сообщение о свержении царизма, В. И. с ему одному присущей гениальностью ясно видел весь дальнейший ход событий. Реферат о русской революции, который он прочел через несколько дней после этого, имел подзаголовок: «Пойдет ли русская революция по пути Парижской Коммуны». Вл. Ильич в этом реферате излагал те мысли, которые потом легли в основу его знаменитых «Писем издалека». В. И. из этого далека прекрасно видел и сознавал, что русская революция, чтобы быть победоносной в обстановке мировой империалистической войны, не может и не должна кончиться созданием буржуазной парламентской республики. Путь Парижской Коммуны—завоевание власти рабочим классом—вот единственно правильный путь.

Единственная партия, которая способна повести пролетариат по этому пути, партия большевиков, а он, В. И., вождь—и основоположник этой партии, лишен физической возможности руководить борьбой русского пролетариата в момент величайших, годами ожидавшихся боев. Надо было видеть В. И. в эти дни. Сказать, что это был лев, только что схваченный и посаженный в клетку, или сравнить его с орлом, которому только что обрезали крылья,—все это было бы бледно в сравнении с тем, что представлял собой В. И. в эти дни. Вся его гигантская воля в это время была сконцентрирована вокруг одной мысли: поехать.

И все, кто тогда встречался с В. И., кто с ним разговаривал в эти дни, чувствовали, что все преграды будут В. И. преодолены, и он будет в ближайшее же время в России. Если понадобится «полететь на крыльях»,—он полетит.

Огромное впечатление произвела весть о русской революции и на швейцарских рабочих. Союз молодежи откликнулся на русские события организацией большого митинга в народном доме. Докладчиком должен был, по первоначальному плану, выступить В. И. Однако, перед самым митингом В. И. решительно отказался от выступления, узнав, что помимо него на митинге будет выступать и т. Мартынов. На мой недоуменный вопрос т. Ленину, почему его выступление совместно с Мартыновым абсолютно невозможно,—он ответил следующим образом:

— Вы, видимо, меньшевиков еще недостаточно хорошо знаете. Если я выступлю здесь на одном митинге с меньшевиком Мартыновым то ведь содержание моей речи станет известно в России значительно позже, о самом же факте нашего совместного выступления заграничные меньшевики протелеграфируют в Россию. А там Дан и компания сумеют использовать этот факт в целях об'единения большевиков с меньшевиками: раз Ленин и Мартынов об'единились за границей, нам, мол, в России подавно следует об'единиться и т. п.

— Самая большая опасность, которая угрожает русской революции, это—об'единение большевиков с меньшевиками.

Вот что ответил мне В. И.

Никто так не знал природы меньшевиков и того, куда они потянут русскую революцию, как В. И., и поэтому он так боялся, как бы в угаре первых побед наши русские товарищи не попались на об'единительную удочку господ меньшевиков, которые были большими мастерами по части эксплоатации законного стремления пролетариата к единству своих рядов.

В. И. так и не выступил на этом митинге, и это дало повод кое-кому из меньшевиков пустить слух, что т. Ленин потому, мол, не выступил, что он под влиянием революции стал или становится оборонцем.

Этот слух, однако, не успел получить широкого распространения, ибо вскоре после этого В. И. прочел свой знаменитый реферат, который имел своим подзаголовком вопрос: «Пойдем ли мы по пути Парижской Коммуны?»

Очень досадно, что этот реферат никем не был записан и не сохранился в печатном виде. Впечатление от него было колоссальное. В. И. не только поставил общую задачу о завоевании власти рабочим классом, но и указал форму этой власти. Уже в этом первом своем выступлении после Февральской революции В. И. развил идею о системе советов и советской власти, идею, ставшую основным содержанием борьбы рабочего класса в России на протяжении всех восьми месяцев от февраля до октября. В. И. тогда уже указал на главные трудности в предстоящей борьбе, остановился на более опасных моментах и дал характеристику отдельных партийных лиц.

Я помню прекрасно как В. И. рисовал Керенского, которого он назвал актером революции, человеком фразы, но которого он и то время считал наиболее опасным человеком для революции на первых ее порах. Помнится, как будто в одной из своих телеграмм, посланных В. И. для наших русских товарищей не то на имя тов. Шляпникова, не то кого-то другого, он прямо говорил о своих опасениях в отношении Керенского.

Была ли после этого реферата дискуссия и какой она носила характер, если была,—я, к сожалению, не помню, хотя был председателем на этом собрании. Я целиком был поглощен мыслями, развернутыми В. И., будучи поражен их грандиозностью и революционной смелостью.

Будучи отделен от революционной России громадным пространством, В. И. сумел, однако, правильно определить и взвесить основные движущие силы революции. И не только в момент самой революции, но и в их дальнейшем развитии.

Жадно хватая каждую новую весть из России и про Россию из огромного количества немецких, французских, английских, русских и других газет, В. И. составлял себе картину событий. А эта картина с каждым днем становилась все более яркой и все более обещающей.

На ряду с обдумыванием основных проблем русской революции В. И. бился над практическим разрешением вопроса о поездке в Россию. Именно «бился» над этим вопросом, ибо положение было почти безвыходным. С одной стороны, страны Антанты, правительства которых в большевиках видели своих смертельных врагов. Министерства иностранных дел этих правительств имели подробные списки всех эмигрантов и точно знали, кто какую позицию занимает. В то время как социал-патриотам всех оттенков французское и английское правительства не только охотно выдавали паспорта и разрешения на поездку в Россию, но оказывали и прямую поддержку,—о пропуске большевиков с их стороны не могло быть и речи.

В головах отдельных товарищей возникали разные фантастические планы. Но правильным средством для разрешения этой крайне трудной задачи было умелое использование противоречий двух воюющих групп капиталистических держав. Если поездка в революционную Россию революционеров-интернационалистов в такой мере нежелательна для правительств Антанты, что те принимают все меры, чтобы ей воспрепятствовать, то не сочтет ли правительство Германии, в силу этого, выгодной для себя такую поездку с точки зрения своих интересов?

Отсюда и родилась идея поездки через Германию легальным путем. Идея эта первоначально была высказана Л. Мартовым. Когда В. И. узнал о ней, он уцепился за нее, что называется, обеими руками.

Свой план Мартов первоначально изложил следующим образом: обратиться от имени политической эмиграции телеграфно через Чхеидзе к временному правительству и к петроградскому совету с предложением устроить обмен политэмигрантов на интернированных немцев. За разрешение со стороны германского правительства группе политэмигрантов поехать в Россию русское временное правительство должно было освободить и пропустить в Германию такое же количество гражданских военнопленных, интернированных в России.

Этот план ярко характеризовал самого Мартова. Вместо того, чтобы решительно встать на этот путь, невзирая на препятствия, он придумал соглашательскую канитель переговоров с кадетско-октябристским временным правительством, канитель, которая ни к чему хорошему, конечно, привести не могла.

В. И. прекрасно знал, что Милюков и Гучков, которые возглавляли тогда временное правительство, такого согласия ни за что не дадут. От Чхеидзе и Керенского, тогдашних руководителей петроградского совета, В. И. тоже ничего хорошего не ждал, однако он не возражал против официального обращения, сказав себе и нам:

— Пусть хлопочут, а мы тем временем подготовим иным путем поездку и поедем.

Началась лихорадочная работа по подготовке этой поездки.

Наши переговоры с меньшевиками, «впередовцами», левыми элементами ППС и другими «интернационалистскими» группами ни к чему не привели.

Ехать без разрешения Милюкова, пока не исчерпаны все попытки получить разрешение, они считали политической ошибкой.

К нам присоединились только отдельные товарищи из этих групп.

В. И., не колеблясь ни одной секунды, твердо решил, что мы, большевики, едем одни, как организованная партийная группа. При этом мы довели до сведения других эмигрантских групп о том, что отдельные эмигранты, желающие примкнуть к нам, могут это сделать.

Владимир Ильич очень заботился о том, чтобы все члены нашей секции, у которых только была физическая возможность, смогли поехать. Особенно он заботился о рабочих. Помню, как за 2—3 дня до от'езда я получил от него открытку, в которой он просил меня разыскать одного из членов нашей цюрихской секции, рабочего т. Линде, о котором он как-то забыл напомнить в устной беседе.

Условия поездки, как и самая поездка, подробно описаны другими товарищами [1]). Неправильно, мне кажется, что товарищи, которые пишут об этой поездке, употребляют слова «пломбированный вагон» без кавычек. На самом деле вагон, в котором мы разместились, был с одной стороны совершенно открыт, и всякий мог свободно в него войти и выйти. «Пломбированный» в кавычках он был в том смысле, что по условиям договора никто из нас (кроме сопровождавшего нас тов. Платтена) за все время нахождения вагона на территории Германии не имел права из него выходить, как никто, кроме Платтена, не имел права и входить в наш вагон.

Мысль В. И. за все время нашей поездки была исключительно сосредоточена вокруг вопросов, связанных с ближайшей работой партии. Он очень много ходил взад и вперед по вагону, мысленно разрабатывая в деталях стратегический план ближайшего этапа борьбы.

Первое соприкосновение с русской революцией мы получили еще в пути, на территории Финляндии, за несколько часов до Петрограда. В нашем поезде ехало много солдат, и по чьей-то инициативе в соседнем с нашим вагоне был устроен небольшой солдатский митинг.

Встреча, которая была оказана т. Ленину по прибытии нашем в Петроград, многим из нас впервые раскрыла всю глубину и размах происшедшего в феврале переворота. В. И. Ленина эта встреча в буквальном смысле воспламенила. Каждого, кто наблюдал В. И. за несколько часов еще до этого в вагоне и теперь, на грузовике на Финляндском вокзале, произносящего свою первую речь перед вооруженными рабочими, солдатами и матросами тогдашнего Петрограда, не могло не поразить то огромное впечатление, какое эта встреча произвела на Вл. Ильича. Вчера еще весь сосредоточенный в глубочайших мыслях, сегодня он был весь в действии. Точно огромная потенциальная сила вдруг мощным толчком была сразу приведена в движение, и от этого движения все вокруг зашумело и задвигалось.

Владимир Ильич не зря рвался из Швейцарии с первых же дней после Февральской революции.

Хотя он и не знал и не мог знать размаха революции, но он прекрасно видел, куда она приведет, если партия рабочего класса во-время окажется на своем революционном посту.

Со дня приезда Вл. Ильича в Россию началась новая, самая славная глава в истории нашей партии и в истории борьбы международного рабочего класса.

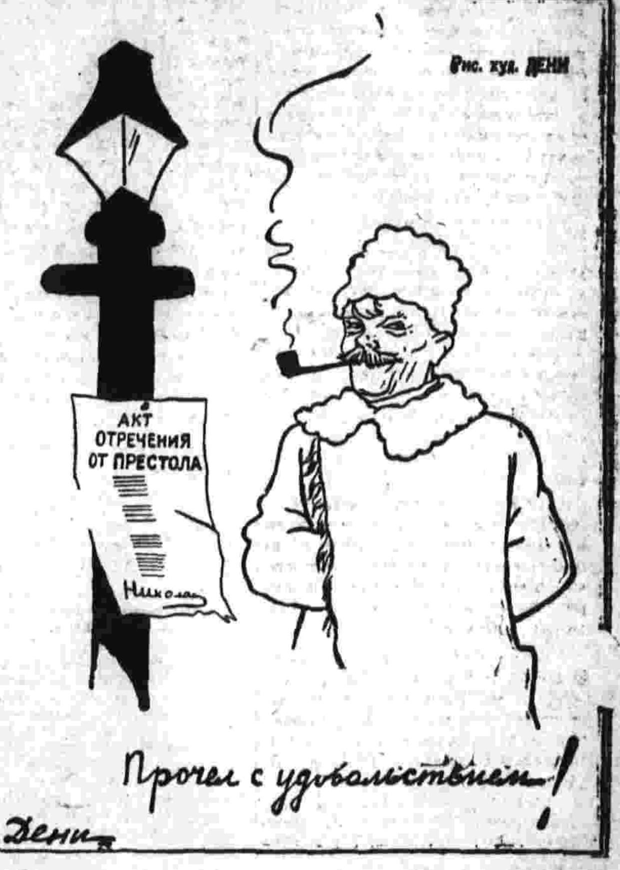
3 (16) апреля—один из самых замечательных дат в истории человечества: великий пролетарский вождь занял свой великий пост.

М. ХАРИТОНОВ.

*) Глава из воспоминаний, написанных для сборника, издаваемого Институтом Ленина.

[1]) См. об этом статьи: Н. К. Крупской, Зиновьева, Радека, брошюры Гильбо, Платтена, Ганецкого.

„Октябрьское" в „Феврале".

Прочел, обрадовался бурно
И об отрекшемся царе
Сказал—свободно, бесцензурно—
Что самому б царю недурно
Висеть на этом фонаре.

Вот в «Феврале» что [illegible]
Тогда уж, значит, говорилось
О большевистском «ОКТЯБРЕ»!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

Как мы начали.

(Воспоминания солдата учебной команды Волынского полка).

В ночь на 27 февраля настроение нашей команды переменилось. Фельдфебель Кирпичников собрал взводных командиров и научил их об'яснить всем ученикам команды через отделенных командиров, что мы завтра выйдем на улицы Петрограда не против рабочих, а вместе с рабочими.

Сказано—сделано. Кирпичников дал распоряжение ружейному инструктору Дренчуку запасти больше патронов и тайно обойти и сообщить о принятом решении взводным и отделенным других рот и команд нашего полка. Дренчук пошел в обход. Начальник команды, штабс-капитан Лашкевич, заметив его, заподозрил неладное и вызвал к телефону Кирпичникова:

— Что делается в команде?

Кирпичников ответил:

— Все спят.

— А почему Дренчук болтается по ротам?

— Ему дано распоряжение запасти патроны по вашему распоряжению.

Тут, успокоившись, начальник команды снова повторил Кирпичникову приказ выстроить команду в 8 час. утра.

27 февраля мы встали на час раньше, отпили чай, над нами в этот день не производили утренней муштровки, с полотенцем, портянками, сапогами, не было и утренней молитвы. В 6½ час. утра мы были выстроены в обрзаной.

Вдруг тов. Кирпичников встает на стул, с которого обычно читались приказы, и говорит:

— Товарищи, неужели у нас поднимется сердце итти сегодня на улицу и стрелять своего брата, отца, мать, детей и сестер? Неужели мы будем так жестоки к своему брату-рабочему. Нет, мы сегодня должны снять с себя это пятно! Мы должны помочь рабочим расправиться с нашим правительством.

Из строя возглас:

— Мы выйдем к рабочим, а нас никто не поддержит.

Тогда Кирпичников говорит:

— Лучше помрем, пусть лучше нас повесят здесь на плацу, на этих столбах, но мы будем знать, что наша смерть будет за рабочее дело. Товарищи, дадим клятву: один за всех, а все за одного.

На эти слова вся команда ответила криком «ура».

—Теперь,—заявляет Кирпичников,—нам необходимо собрать офицерство команды и убить начальника команды Лашкевича. Нужно быть дружными и не показывать младшим офицерам нашего настроения.

Тут же вызвались добровольцы убить начальника команды.

Младшие офицеры стали приходить, мы, как всегда, отдали честь по всем правилам. Вдруг дневальный докладывает:

— Начальник команды идет!

У нас было заранее договорено отдать честь по команде помощника начальника команды подпоручика Веревкина для почести его лично, потому что он был для нас очень хороший офицер, а не для Лашкевича. Когда Лашкевич поздоровался с офицерами и стал здороваться с Кирпичниковым,—мы, как было заранее договорено, после ответа Кирпичникова: «Здравия желаю, ваше высокоблагородие», ответили криком всей команды «ура!». Тут начальник команды Лашкевич остановился и весь побелел от неожиданности.

— Что сделалось с моей родной семьей?—сказал он, видимо, испугавшись.

В это время взводный 1 взвода Марков дрожащим голосом говорит ему:

— Довольно крови! Команда отказалась, она не пойдет.

В ответ начальник команды схватился за кобур, но тут Кирпичников делает два шага вперед и берет винтовку на-руку, а Марков делает из строя шаг вперед, полуоборот налево, винтовку на изготовку и твердо говорит:

— Лашкевич, одно только движение и смерть тебе, проклятый!

Лашкевич повернулся и быстро пошел на левый фланг. Остальные офицеры стояли на месте.

Вдруг Лашкевич заявляет:

— Дайте прочитать телеграмму государя императора.

Команда в ответ вся, как один, закричала:

— Долой Николая!

И команды офицерской больше уже не слушали, слушали лишь команду взводных, отделенных и фельдфебеля Кирпичникова.

Кирпичников сказал:

— Товарищи, давайте послушаем, что пишет Николай.

В телеграмме было: «Прошу волынцев, поднявших в Петрограде бунт, прекратить во что бы то ни стало. Николай». (Он был шефом нашего полка, а наследник—рундом).

После оглашения телеграммы Кирпичников заявляет взволнованно:

— Господа офицеры, мы просим вас отсюда выйти. Мы с вами не желаем больше быть!

Офицеры бросились все бежать из образной, а начальник команды, выбежавши на улицу, начал стрелять через окна образной в нас. Но меткие стрелки в два выстрела сразили Лашкевича в висок.

Тогда Кирпичников сказал:

— Товарищи, дело начато, мы должны итти на улицу к рабочим, помочь им в борьбе. Бери больше патронов, зря не стреляй и будь тверд своей клятве—один за всех и все за одного!

Направо рядами вышли мы во двор, на плац. Выстроились стройными рядами взводы, в колонны по отделениям, поставили крестообразно 4 пулемета для охраны, горнист заиграл тревогу, сбор.

К нам быстро присоединились эвакуированные с фронта солдаты 4-й роты и 2 подготовительные учебные команды, и мы быстро вышли за ворота. Пошли на Кирочную улицу. Тут к нам скоро присоединились солдаты Преображенского и Литовского полков.

По дороге к Литейному проспекту эскадрон жандармов открыл по нас огонь, но мы быстро и жестоко расправились с ними. На углу Литейной и Кирочной нас уже ждали остальные роты нашего полка и три хора музыки. Тут же были волынцы, преображенцы, литовцы и 4-й полк гвардейских саперов. Под «Марсельезу» мы пошли навстречу рабочим Выборгского района, освободили военную тюрьму, затем поспешили освободить из Петропавловской крепости 19 товарищей из лейб-гвардии Павловского полка. Они были посажены за то, что 26 февраля открыли огонь по полиции, и приговорены к расстрелу в 1 ч. дня 27 февраля, но мы во-время дали им свободу.

К вечеру мы пошли к Таврическому дворцу. Уже весь гарнизон Петрограда и рабочие были вместе с нами, и 4 марта царизм был свергнут.

А. ГЛИНКИН.

Мир.

В землянке горел глухой красный фонарь. Было от этого в землянке совсем темно, хорошо видны были только длинные узкие руки прапорщика Молочко, тоже красные в близком свете фонаря и будто бы отдельно от туловища священнодействовавшие над столиком.

Говорил он тихо, и очень язвительно:

— Ценно для истории: Александр Федорович целуется.

Мы рассматривали на свет мокрый еще негатив. На трибуне, трепетавшей флажками, человек с черным лицом и белыми волосами, вытянув вперед губы, клонился к другой чернолицей голове.

— А вот, не угодно ли: Александр Федорович на параде. Хи-хи, а идет-то как—не в но-огу!

В ванночке с закрепителем колыхался свежий отпечаток фото: длиннейший строй солдат, а перед ним в сопровождении генералов шагает маленький человечек в петербургском осеннем пальто. Он красиво, по-отлет, держит под козырек, но шагает, действительно, не в ногу: генералы только заносят левой, а он уже занес правую. От этого, должно быть, у ближайшего генерала дьявольски лукаво закушена губа,—вот сейчас не выдержит и прыснет.

— Да-а!—говорит прапорщик Молочко, убирая свои принадлежности.—Я все-таки думаю, что этот человек—провокатор.

Он сдергивает коврик с окна и тушит фонарь. И, точно в свете дня можно теперь говорить без обиняков, продолжает деловито:

— Приехал к нам на митинг. Ну, вызвали музыкантскую команду, конечно—трам-та-ра-рам, конечно—зажигательная речь, конечно—целование с солдатом и прочее. Вынесли постановление: наступать. Остался он у нас ночевать. А на утро приходят к нему в вагон представители полковых комитетов и заявляют: отдумали, не будем наступать. Прослезился, говорят, и уехал дальше. «Не желаю, мол, после этого с вами разговаривать!» А тут через день его же приказ о наступлении. Ну, тех, кто пошел наступать, перекрошили. И немцы крошили, и свои—сзади. Вот оно как!..

[illegible] просушки, прапорщик Молочко с прежней тихой язвительностью повторил:

— Ценно для истории, господин главноуговаривающий!

—

В штаб принесли из комитета телефонограмму:

«К вам едет сенатор, просьба выслать лошадь».

Что за сенатор, никто не мог понять. Впрочем, что-ж тут понимать, мало ли ездит теперь «уговаривающих»,—вон, слышно, в соседней дивизии тоже какому-то сенатору солдаты голову проломили. «Здрасте!», говорят, да каской его по темени.

Решили все же выслать на станцию рессорную генеральскую коляску.

За обедом в штабе обсуждался церемониал встречи. Рыжий суровый генерал просил уволить его от всяких встреч. Решено было, что навстречу гостю выйдет начштаба,—тучный, болезненный полковник с дежурным ад'ютантом на придачу.

И когда вдали на шоссе показалась коляска, полковник с ад'ютантом вышли на крыльцо. Коляска, однако, лихо прокатила мимо, при чем ад'ютант успел разглядеть важно развалившегося в ней санитара Левку Берковича, который возвращался из командировки. Оказалось, при передаче по телефону слово «санитар» переделали в «сенатор».

Ад'ютант, смешливый человек, хотя на этот раз и не засмеялся, но так задрыгал усами, что полковник бешено на него заорал:

— Поручик, ничего смешного нет!

И, налившись до затылка кровью, круто повернул в штаб.

—

Беркович привез кучу новостей. Его сразу позвали в комитет, и там долго и жадно выспрашивали. Тут же он высыпал на стол ворох литературы, которую ему сунули в Минске.

Были тут листовки к товарищам-окопникам, чтобы сами заключали мир с немцами. А то, мол, жди еще, что там скажет учредительное собрание,—вернее самим начинать.

— Да уж начинают везде,—добавил [illegible] говорили. Ах, до чего интересно в Минске, шум, крик, не разбери-бери.

По поводу берковичевских новостей было решено созвать экстренное собрание полковых комитетов.

Весь вечер пищали гудочки полевого телефона, и центральная штаба настойчиво выкликала:

— Президи-ум! Президи-ум! Президиум!

В телефонограмме стояли загадочные слова:

— Предстоят важнейшие решения.

Штаб был тих, как монастырь.

—

Штаб стоял в огромном барском доме среди старинного парка, где были дубы и клены в три охвата, и пруд дремал, весь застланный зеленой ряской.

Неподалеку, в розовом домике управляющего, разместился комитет. Из окна штаба было видно, что делается в комитете, а штаб стоял «на глазу» у комитета.

В штабе видели этот необычно ранний с'езд верховых к комитету и тревожились: нет-нет, в окнах мелькали беспокойные лица. И даже генерал не вышел в обычный час гулять в парк.

Председатель комитета, крепкий кругляш, из артиллеристов, пил у окна чай из жестяной глубокой кружки и смачно обсасывал усы. К нему подходили приезжавшие, тянули руку, и происходил тут короткий, больше бровями и невнятным движением пальцев, разговор:

— Товарышу Семенову!

— Здравья желаю!

— Значит... того-этого...

— Угу!

И председатель опять опускал усы и глаза в кружку.

Решать не пришлось долго. Окопники были за мир—как один.

— Да, найди у нас такого, который за войну!.. Глаза прогляди—не найдешь. У всех штык в землю!

Читали листовки, и все соглашались: одна правда.

Через полчаса уже председатель вызывал к телефону начштаба. Разговор был короток и решителен. Все слушали тихо в комитете, как кричал в трубке рассерженный голос. Как взвизгнула под конец трубка:

— Молчать!

И как сказал на это угрюмо Семенов:

— Самому замолчать!

И бросил трубку. Потом усмехнулся сбелевшими губами:

— Сволота корниловская! Последний с тобой был разговор!

И, озабоченно почесав переносье, послал сразу секретаря в комитет комендантской роты:

— Ну-ко, скажи, чтобы автомобиль, на котором генерал ездит, сюда послали. Будет, поездили!

Автомобиль скоро подкатил под самые окна, и осторожно гукнул.

Тут же прибежал штабной холуй, «папашка» из ополченцев, Хомчук.

— Ну, как там твои бары?—нехотя полюбопытствовал Семенов.

И рассказал ему весело «папашка», как схватился генерал за голову и закричал громово: «Погибла Россия!», и все офицеры после этого разошлись по своим комнатам, сидят, как тараканы, тихо.

— Вот и пускай посидят!—сказал довольно председатель.

—

Фронт после «керенского» наступления замолчал. После небывалого артиллерийского ожесточения наступило мертвое затишье. Даже привычных винтовочных хлопков не было слышно. Не бродили больше ночами белые тени прожекторов. Не летели в нашу сторону, будоража высоким летом воздух, прямокрылые «таубе». Немец выжидал.

Там, где особенно близко сошлись траншеи, разделенные лишь неглубокой лощинкой, произошла встреча.

В условленный парламентерами час одновременно перескочили стенку окопов две делегации, и мерно и неторопливо, розным военным шагом пошли за проволоку, навстречу—туда, на смертный участок, где ворошился на ветру напюловину остриженный пулеметами молодой березняк. Здесь одновременно остановились и одновременно же взяли под козырек.

И сотни человеческих голов жадно вытянулись из земляных щелей с той и другой стороны, и напряженной стала тишина в лощине.

В короткую минуту успели делегаты оглядеть друг друга. И было для всех неожиданно, что с немцами пришел лейтенант, высокий, подтянутый и щеголеватый,—даже в окопах, где офицер всегда старается походить на солдата.

Лейтенант не мог не заметить этих косых взглядов и, быстро шагнув вперед, с любезной усмешкой протянул портсигар Семенову. Тот взял плоскую сигарету, повертел ее, и заложил за ухо.

— Начинай!—подтолкнули его сзади.

Семенов отставил вперед ногу и неуверенно начал:

— Товарищи германцы! В России теперь нет больше царской власти. Старый режим прикончен навечно. Эта война была нужна царю и капиталистам... да... и офицерам... а нам она не нужна. Так не будем мы больше истощать друг друга.

Переводил Левка Беркович. Он вытягивал худую шею и, вдохновенно сверкая глазами, сдабривал скупую речь председателя словечками, заимствованными в командировке из речей минских ораторов.

Дул в лощине резкий сырой ветер, и зябко-непроницаемы, казалось, были лица немцев. Высок и бесстрастен стоял офицер.

И стал горячее от этого Семенов, будто скрытое раздражение поднимало его голос все выше:

— Товарищи, докуда будем лить кровь ни за что и гнить в окопах? Не пора ли нам воткнуть штыки в землю? Эх, не пора ли сказать: мир хижинам, война дворцам?..

Дрожащей рукой нащупал тут Семенов на поясе свой короткий, ножевой штык с японской винтовки и с размаху всадил его меж ног в землю. Было видно по лезвию: мирным целям служил этот штык,—весь он зарос хлебным мякишем и желтой замазкой белорусской кислой «брынзы».

Махнул по этому штыку Семенов—вдоль по лощине:

— Товарищи, клянемся, никогда через эту линию больше не переступать! Ни взад, ни вперед!

Опять долго и вдохновенно переводил председателя Левка Беркович, но, кажется, теперь его поняли и так: вдруг подобрели тусклые, иззябшие лица немцев, и глаза их стали уважительно разглядывать крепкую фигуру Семенова.

Тут же вышел от них коротконогий, длиннорукий увалень, с ярким шрамом вдоль щеки. Увалень сказал, что он—рабочий из Вестфалии, социал-демократ, что он пошел воевать против России из боязни, что победа русского царя бросит мрачную тень угнетения на всю Европу. Что теперь с Россией-республикой он воевать не хочет и не будет, что об этом думают и говорят то же самое все германские солдаты в окопах.

Голос немца, хриплый и лающий, гулко звучал в лощине. Ветер срывал с губ эти чужие слова и уносил далеко. И сам он, крепко расставивший кованые башмаки, весь дрожал сейчас от внутренних усилий, как огромный котел под паром.

Его поняли еще до того, как Левка Беркович начал переводить.

И как-то само собой вышло, что тесно сблизившись с Семеновым, они вдруг раскрыли руки и, сшибаясь грудью, крепко и надолго обнялись и расцеловались.

И в ту же минуту неистовые крики понеслись из траншей в лощину, и медные величавые звуки марсельезы донес ветер из русских окопов.

Потрясенный этой минутой, один из русских делегатов в измятой вахлачной шинеленке отвернулся на сторону и страстно, навзрыд, заплакал.

О чем плакал этот бедный солдат? О мертвецах ли, которые никогда не смогут притти на праздник братства, или просто от великой человеческой усталости?

Холодными, непонимающими, глазами смотрел на него лейтенант.

...Мир был подписан. Было решено снять проволоку. От таких-то до таких-то часов разрешалось посещение окопов.

И очень удивился Семенов, когда лейтенант, снова, взяв под козырек, сказал ему чисто по-русски:

— До свиданья.

Но думать об этом было некогда. Под несмолкаемые «ура» и короткие «хох» и пение оркестров стали делегации расходиться.

И когда стал над своими окопами председатель, посмотрел вниз на изможденные, но радостные лица окопников, он вздохнул только, и крикнул:

— Ну! Дуй, ребята, к герману в гости!

—

Уж под вечер генеральский автомобиль мчал их назад. На повороте грязной тряской гати завидел председатель увешанных мешками людей.

— Эй! Куда похряли ребята?

На него оглянулись бородатые, потные, воровато-веселые лица ополченцев.

— А куда! Домой—вот куда!

Семенов подумал, потом махнул рукой и засмеялся.

Начинался великий отлив.

АЛ. ЗУЕВ.

Бои.

(Отрывки воспоминаний).

Горит старая питерская тюрьма, Литовский замок. Ликует её поджигатель—освобожденный народ. Ломая запоры клеток, он выпускает на волю узников его величества. Они сегодня милы и дороги каждому. Забыв боль только-только сброшенных кандальных цепей, заключенные поспешно покидают то, что горит, то, куда они больше никогда не вернутся.

— Да здравствует революция!

Какие-то старухи и мальчишки спасают божественное барахло запылавшей тюремной церкви, где арестанты «молились» сквозь железную решетку.

— Эй, шкет, мать твою так, брось икону!—прикладом разрушая престол, кричит солдат.

Икона брошена! Мальчишка убежал. Солдат выгоняет богомолок, а сам, уже укутанный шалью дыма, выбегает последним.

Огненные языки бегут в коридорах, проникая все в новые и новые камеры. Вот огонь уже в тюремном архиве, горят десятки пудов паспортов с полицейскими пометками: «арестован на столько-то лет».

Копошатся какие-то люди, бумагу шуруют лопатами, кирками, палками. Пусть гуляет по ветру пепельный след!

Уже на крышах тюрьмы, как бешеный, мечется красный петух.

Вот пойман один из начальников Литовской тюрьмы.

— Бей подлеца!

— Сволочь, кайся!

— Кайся! Ка-айся!—грозно вторят рабочие толпы.

Но какое раскаяние может быть у грязного паршивого пса? Он перед трибуналом масс дрожит, точно лопнувшая часовая пружина. Минута... и он стерся, как раздавленный паук.

А трибунал произносил новые приговоры:

— Стереть окружной суд. Сжечь Кресты!

— На штыки Петропавловку!

* * *

На Литейном, на Невском, на Выборгской стороне и на колокольне Исакия гоготала пулеметная трель. То фараоны отстаивали бога и царя. У городской думы добровольцы—братья и сестры милосердия—клали на грузовики поленницы трупов. Везли в Обуховскую. На Шпалерной у броневика толпились «красные бантики». Раздавали оружие.

* * *

Колонны трубочников и балтийцев с Васильевского острова топают в центр.

— Куда? Ни с места!—грозно кричат им налетевшие казаки.

— Товарищи! Братья!.. Мы хлеба хотим!

— Окаянные, опомнитесь, мы же за вас!

— Товарищ, брось стегать. Мы же хлеба, хле-е... и возглас остался открытым. Под свист нагаек рабочие отступили в обрыв разведенного моста.

Вместо хлеба—холодная Нева.

Бои продолжались.

[illegible]

Сун-Ят-Сен.

Ко 2-й годовщине его смерти.

(12 марта 1925 г.—12 марта 1927 г.)

Имя Сун-Ят-Сена стало сейчас революционным знаменем миллионов китайских трудящихся. Под этим знаменем проходит наступление национально-революционной армии, под этим знаменем находится сейчас более половины Китая. Не случайно и не сразу учение Сун-Ят-Сена сделалось революционным знаменем масс. Величие этого человека заключалось в том, что, живя в эпоху бурного развития революционного и антиимпериалистического движения в Китае, он шел нога в ногу с этапами этого движения. Он родился в момент, когда реакции удалось сломить Тайпинскую династию в Нанкине. Вытеснив тайпинов из Нанкина, реакция употребила все же более 15 лет на то, чтобы окончательно задавить эту революцию широких крестьянских масс. Под влиянием этой ожесточенной борьбы складывались детские годы Сун-Ят-Сена. Прошло еще 15 лет и он явился свидетелем большого антиимпериалистического движения — восстания боксеров, во время которого Сун-Ят-Сен был уже сложившимся революционером. На его глазах прошло подавление боксерского восстания и закабаление Китая империалистическими державами. Он—организатор и вдохновитель революции 1911 г. Он—первый президент Китайской республики, он является вдохновителем реорганизационного конгресса гоминдана в 1924 г., конгресса, который фактически сложил новую революционную партию на новой социальной основе.

Он родился в эпоху, когда торговый капитал раз'ел до основания феодальный строй в Китае. Именно результатом этого и явилась революция тайпинов. Она была революцией широких крестьянских масс против помещиков, против крупной земельной собственности, которая находилась уже в руках не манчжуров, а китайской торговой буржуазии. Именно поэтому эта великая крестьянская революция, напоминающая Великую французскую, потерпела поражение: она не нашла в городе союзников. Пролетариата еще не было, а торговая буржуазия являлась собственницей той земли, за которую боролось крестьянство. Торговая буржуазия имела тоже свою революционную организацию—общество Триады, которое боролось также вместе с тайпинами против Манчжурской династии, боролось до тех пор, пока тайпины не поставили вопрос о социализации земли. Когда же крестьянство стало захватывать землю, Триада, т.-е. городская торговая буржуазия, выступила против тайпинов и этим обрекла на гибель эту великую крестьянскую революцию. Когда Сун-Ят-Сен вынужден был так или иначе задуматься над причиной поражения этой революции, он дал ответ по этому вопросу в своем предисловии—к одной из книг о тайпинской революции, в котором он писал, что причина поражения тайпинской революции заключается в том, что китайская интеллигенция заключила союз с Манчжурской династией против китайского народа. Именно в китайской интеллигенции он видел причину поражения этой великой тайпинской революции. Отсюда он приходит к тому выводу, что революция может победить в том случае, если китайская интеллигенция станет на сторону народа.

Теория Сун-Ят-Сена в ту эпоху представляла собой теорию социальной равнины. «В Китае,—пишет он,—все страдают от бедности: все китайцы, без исключения, бедны. У нас отнюдь не имеются большие богачи, являющиеся привилегированным классом; у нас есть только *обыкновенные бедняки*. То, что китайцы называют неравенством между бедным и богатым, заключается только в степени бедности нашего народа, который весь можно разбить на очень бедных и не очень бедных». Он становится народником с идеологией внеклассовой, считая, что классов нет, а бедность народа об'ясняется гнетом манчжуров, что интеллигенция должна взять на себя роль освобождения народа от гнета Манчжурской династии. *Но чрезвычайно характерно,* что Сун-Ят-Сен нашел отклик не в среде остатков тайпинов, т.-е. не в среде крестьянства, а нашел отклик со стороны общества Триады, т.-е. политической организации городской торговой буржуазии, той самой организации, которая явилась виновницей поражения тайпинской революции. Находясь фактически в союзе с этим обществом, он приступает к революционной борьбе. Тогда же у него складывается и *теория революции, которая заключается в том,* что сперва организуется *военный заговор, организуется своя военная сила* и сбрасывает господство чуждой династии, в результате чего приходит к власти его партия, которая после военной победы начинает проводить социальные реформы. Сущность этих социальных реформ и социальной теории Сун-Ят-Сена охарактеризована Лениным следующим образом:

«Теория эта, если рассматривать ее с точки зрения доктрины, есть теория *мелкобуржуазного социалиста-«реакционера»,* ибо совершенно реакционна мечта о том, что в Китае можно «предупредить» капитализм, что в Китае, вследствие его отсталости, легче «социальная революция»... Сун-Ят-Сен и его организация охарактеризованы тем, что «в Азии есть еще буржуазия, способная представлять искреннюю боевую последовательную демократию, достойный товарищ великих проповедников и великих деятелей конца XVIII века во Франции». (Ленин. Демократия и народничество в Китае»).

Во время мировой войны развитие капитализма в Китае сделало огромный шаг вперед, и в силу такого развития капитализма было необходимо, во имя его дальнейшего развития, об'единение страны на основе освобождения ее от гнета иностранного империализма.

Китайской буржуазии нужен был свой Бисмарк, который об'единил бы страну. Бисмарковская идея была не только в голове китайской буржуазии, она была и в *голове Сун-Ят-Сена. Он чрезвычайно* приближает Бисмарка к своим взглядам, расценивая его как социального реформатора, как представителя не буржуазии, а всего народа, и даже рабочих. В своей первой лекции о социализме он пишет: «Во время политики Бисмарка в Германии тяжелое положение рабочих спасли государственной властью. Государство издало закон о 8-часовом рабочем дне, установило закон о рабочем возрасте и рабочем времени подростков и женщин. *Кроме того,* оно издало закон о пенсии старикам и законы о страховании. Бисмарк—человек крови и железа—имел железные кулаки; он силой проводил их в жизнь». Китайской буржуазии нужен был свой Бисмарк. Сун-Ят-Сен был для нее слишком радикален, слишком социалист. Она искала более реальной и более буржуазной фигуры, и выбор пал на У-Пей-Фу. В 1922 г., *когда У-Пей-Фу* боролся против Чжан-Цзо-Лина, бор..ся против Сун-Ят-Сена, *его поддержала вся* крупная торговая и промышленная буржуазия и класс помещиков. И это было не случайно. С 1922 года китайская буржуазия и помещики стояли уже перед лицом не только иностранного империализма, но и перед лицом сложившегося уже рабочего класса, перед лицом крестьянских бунтов.

Китайский рабочий и крестьянин стал не только в авангард антиимпериалистической борьбы, *но и стал бороться за свои* классовые интересы. Напуганная этой классовой борьбой буржуазия стала отходить от революции. Класс, на который опирался Сун-Ят-Сен в революции 1911 года, ушел от революции, предпочитая компромисс с иностранным империализмом. Классовое расслоение стало слишком очевидным. Теория социальной равнины Сун-Ят-Сена стала в противоречие с действительностью. Величие Сун-Ят-Сена заключается *именно в том, что в самые последние годы своей жизни старый революционер, который провел 40 лет в борьбе* за свои внеклассовые принципы, понял новую обстановку и пересмотрел свое старое учение и сделал выбор в пользу широких рабочих масс китайского народа, в первую очередь крестьян, рабочих и городской бедноты. Он увидел не только рабочий класс в городе, который стал самым революционным классом в Китае, но он и *увидел классовое расслоение в деревне.*

В продолжение 1923 и 1924 гг. у Сун-Ят-Сена *сложились новые взгляды.* Они совершились на той основе, что базой *китайской революции, по его признанию,* стало крестьянство, рабочий класс и мелкая буржуазия. Он понял, что борьба против иностранного империализма должна вестись не только изолированно одними китайскими массами, но, должна вестись в союзе с международным пролетариатом, который ведет ту же борьбу, только с другого фронта, против того же империализма. Отсюда он *пришел к сознанию необходимости* союза широких масс китайского *народа с мировым пролетариатом.* Прийдя к этому, он сформулировал новую теорию о революции. До тех пор его теория о революции, как мы говорили, была теорией военного заговора, а затем социальных реформ. На первом плане стояла проблема не организации масс, а проблема получения оружия для того, чтобы создать армию. Сейчас пересмотр этого основного пункта его революционных *взглядов выразился* в следующем: прежде всего он дает *характеристику тех военных сил,* на которые он опирался в первое время. В своем манифесте перед от'ездом в Пекин, где он и умер 12 марта 1925 года, он пишет: очередной задачей является **«заставить военные силы быть военными силами народа. Национальная революция только тогда сможет провозгласить их заслуги. В настоящее время о подобных военных силах народа мы пока еще не имеем возможности говорить. Однако, что касается *союза военных сил с народом, то источники этого уже видны»*.** Т.-е. он пришел к заключению, что причина его поражений заключается в том, что он опирался на военную силу, которая не была силой непосредственно революционных масс. Потому,—продолжает он в одной из своих последних речей в 1924 г. в Кантоне,—**«чтобы наша армия стала действительно непобедимой, необходимо переменить путь борьбы, нужно сочувствие народа, нужно, *чтобы народ понял нашу программу и боролся с нами.* Только тогда революция может победить настоящим образом, а одна военная сила ничего не сделает; но победа военной силы еще не значит завоевание революции. Нужно, чтобы партия победила».** Т.-е. он приходит к выводу, что революция делается самим народом, что народ должен иметь свою особую революционную армию. *Только тогда* победа такой армии будет победой народа, будет победой партии, будет победой революции. Вот почему он приходит к выводу, что нужно опираться на новые военные силы. В письме к генералу Чан-Кай-Ши (в настоящее время главнокомандующий национально-революционной армией) 11 октября 1924 года он пишет: **«Дорогой Чан-Кай-Ши. Вновь прибывшее оружие мы должны использовать, чтобы создать бесстрашную революционную армию. В эту армию мы должны вовлечь крестьян из крестьянских союзов и рабочих из рабочих союзов и собрать *верных приверженцев революции из разных провинций»*.** Вот к чему пришел Сун-Ят-Сен. Он увидел, что революция делается, прежде всего, народом, что народ должен организовать свою собственную революционную армию и что эта революционная армия должна состоять из рабочих и крестьян. Она должна иметь свой командный состав из революционеров. *Именно с этой целью Сун-Ят-Сен и* организовал революционную военную школу «ВАНПУ».

Такова новая теория революции Сун-Ят-Сена. Он пересматривает одновременно вопрос о социальной базе нового этапа китайской революции. Он приходит к выводу, что этой социальной базой, помимо рабочего класса, помимо городской бедноты, в первую очередь должно быть крестьянство. До сих пор его крестьянская программа заключалась в уничтожении *абсолютной ренты и в освобождении крестьянства* от тяжелого налогового бремени. В 1924 году он выдвигает крестьянскую проблему совершенно иначе: «Среди всего китайского населения крестьянство составляет огромное большинство, выражающееся, примерно, в 80—90 проц. Однако, из получаемых ими тяжелым трудом пищевых продуктов помещик захватывает большую половину.

«Пахарь должен владеть своим полем,—*вот это мы считаем окончательным результатом* разрешения крестьянского вопроса». *Таким образом,* борьба крестьянства за землю становится стержнем нового этапа китайской революции, при чем Сун-Ят-Сен крестьянский вопрос разрешает до конца, вплоть до признания того, что каждый крестьянин, который в Китае является, главным образом, арендатором, должен пользоваться всем продуктом своего урожая, должен владеть землей.

Он признает, что китайский пролетариат является застрельщиком национальной революции в Китае. Считая, что пролетариат, как и он, добивается одной и той же цели, т.-е. социализма, он признает право пролетариата на классовую борьбу, расценивая ее как особый метод в борьбе за социализм. Это признание права пролетариата вести свою классовую борьбу за переустройство общества приближает его к партии пролетариата, к китайской компартии. Исходя из этой точки зрения, он приходит к необходимости заключения тесного блока с китайской компартией. В своей второй лекции о социализме, читанной в 24 году, он говорит: «В настоящий момент, когда мы беседуем о социализме, необходимо заметить, что наиболее передовые люди одобряют марксистские методы действия, и большинство молодежи говорит о социальной проблеме, о стремлении компартии осуществить марксистские принципы в Китае. Но как же в конце концов оценить деятельность этих молодых энтузиастов, соглашающихся целиком с марксизмом. Их деятельность чрезвычайно ценна. Их точка зрения заключается в том, что... необходимо разрешить эти проблемы, начиная с базиса, в противном случае ничего путного не получится. И поэтому они с максимальным напряжением организуют компартию и подымают движение в Китае. **Наши старые товарищи из гоминдана в настоящее время делают много ошибок по отношению компартии. Они полагают, что выставляемые гоминданом принципы народовластия несовместимы с коммунизмом. Принцип социализма, принцип устройства существования** (3-й принцип сун'ятсенизма), **это есть не что иное, как коммунизм, это есть не что иное, как социализм... Таким образом мы не можем сказать, что коммунизм приходит в столкновение с принципами устроения существования, но, наоборот, он является для них добрым другом».** Таким образом, Сун-Ят-Сен, еще сомневаясь в правоте применения марксистских методов в Китае, все же признает правоту борьбы рабочего класса, необходимость заключения тесного союза гоминдана с рабочим классом, а это значит необходимость заключения тесного союза, тесного идейного, открытого *и тесного союза с китайской компартией.* Вот новая социальная база учения Сун-Ят-Сена, это—*крестьянство,* рабочий класс и мелкая буржуазия городов. И понятно, что этот революционный блок, новый революционный блок может вступить в конфликт с теми классами, которые будут бороться против этого блока, и в первую очередь с крупной городской буржуазией и помещиком. Какую позицию должен занять этот новый революционный блок по отношению к ним? На этот вопрос ему не приходилось отвечать теоретически, а ему приходилось отвечать на него практически; когда в 1924 г., после конгресса гоминдана, который принял программу и вынес решения в духе новой трактовки Сун-Ят-Сеном своего учения, крупная торговая буржуазия выступила с открытой контрреволюцией, организовав вооруженное восстание так называемых «бумажных тигров», он пишет Чан-Кай-Ши:

«Дорогой Чан-Кай-Ши! Если вы можете послать оружие в Шао-Гуан, то дайте его также войскам наших секретных сотрудников, которые сражаются за нас. Пожалуйста, пересмотрите с генералом Си-*Син все войска, проверьте отряды,* имеющие верные убеждения и еще не подкупленные купцами... Не бойся смерти, эти отряды должны уничтожить восставших солдат и купцов, чтобы укрепить наше революционное положение... Немедленно вы должны захватить бунтующих и расстрелять и не оглядываться на это дело». (Письмо 20-е от 24 октября 1924 г.).

Такова была позиция Сун-Ят-Сена к тем силам, которые восстали уже в 1924 году против нового революционного блока рабочих, крестьян, городской мелкой буржуазии и интеллигенции. Во имя чего этот блок борется? Какова программа этого блока? Эта программа заключается прежде всего в освобождении Китая от гнета иностранного империализма.

После освобождения от гнета иностранного империализма Сун-Ят-Сен считает, что основной проблемой Китая является его промышленное развитие. Сун-Ят-Сен мыслит себе промышленное развитие Китая не как частно-капиталистическое, а как развитие государственной промышленности. Железные дороги, рудники, крупные фабрики и заводы, машинная промышленность должны находиться в руках государства. В отношении торговли он выдвигает задачу кооперирования населения. Кооперация должна умерить аппетиты частного торгового капитала. Об аграрном вопросе мы уже говорили. То же самое говорили и о рабочем вопросе. В области внешней политики Сун-Ят-Сен считает необходимым заключение прежде всего союза с международным пролетариатом и Союзом Советских Республик.

Таково учение Сун-Ят-Сена, вот к чему *он пришел в последние годы своей жизни,* вот на каком основании он мыслил себе реорганизацию партии гоминдана. По плану Сун-Ят-Сена это должна была быть партия крестьян, рабочих и городской бедноты.

Прошло два года с тех пор, как умер Сун-Ят-Сен. За эти два года движение пошло именно по тому пути, какой предсказывал Сун-Ят-Сен. За это время рабочий класс еще более окреп, и его движение сделалось массовым. Рабочий класс находится сейчас на передовых позициях китайской революции.

Вместе с тем за последнее время произошли известные процессы и внутри гоминдана, которые при Сун-Ят-Сене только намечались. По мере развития рабочего класса и крестьянского движения внутри гоминдана все сильнее и сильнее сплачивалось правое крыло, которое является выразителем интересов китайской буржуазии, чьи интересы находятся в противоречии с интересами этих широких масс китайского народа. За это время буржуазия организовалась, за это время эта буржуазия окрепла, создала свои купеческие союзы, окрепли за это время под влиянием борьбы крестьянских масс и организовались китайские помещики. Классовые противоречия еще более обострились, и в гоминдане создались группировки, которые пытаются держаться не путем последовательного проведения в жизнь учения Сун-Ят-Сена, а путем лавирования между классами, путем ведения такой политики, которая не обидела бы, с одной стороны, рабочих и крестьян, а с другой стороны—буржуазию и помещиков.

Октябрьская конференция гоминдана (1926 г.), которая происходила в обстановке победы национально-революционной армии, должна была декларировать те задачи, которые она ставит в связи со своими победами. Если мы посмотрим на резолюцию этой октябрьской конференции, то увидим, что она представляет собою результат этого лавирования между классами. Вместо постановки вопроса в виде разрешения кардинальных вопросов поставлен лишь вопрос о снижении на 25 проц. платы арендаторов, т.-е. вместо проблемы о земле, вместо сун'ятсеновской проблемы о том, чтобы пахарь владел своим полем, поставлена проблема незначительного облегчения положения крестьянских масс.

В целом ряде вопросов, как, например, в финансовом вопросе, не желая обидеть помещиков, сохраняется старая налоговая система, которая разоряет крестьян, ибо реорганизация старой налоговой системы, о которой говорил Сун-Ят-Сен, немыслима без уничтожения старого налогового аппарата, который находится в руках помещиков и джентри.

С другой стороны, появилась тенденция к наступлению на рабочий класс, разрыва с коммунистической партией. Некоторая часть гоминдана все время занимается письменной и устной агитацией за изгнание коммунистов из гоминдана, т.-е. фактически за наступление на рабочий класс. Благодаря этой политике лавирования между классами создалось положение некоторого отхода от принципов сун'ятсенизма.

В настоящее время, в наступающий третий год после смерти Сун-Ят-Сена, национально-революционная армия господствует на территории более чем половины Китая. При ведении политики в духе Сун-Ят-Сена нет сомнения в том, что в ближайшем будущем весь Китай будет об'единен под знаменем гоминдана, но именно только в том случае, если принципы Сун-Ят-Сена, о которых мы говорили выше, будут проводиться в жизнь безоговорочно. Вот почему основной *задачей китайской революции* является борьба за полное проведение в жизнь сун'ятсенизма—за крестьянство, за решительное разрешение аграрного вопроса, за организацию крестьян, за организацию рабочего класса, за тесный блок рабочего класса с крестьянством и мелкой буржуазией; борьба против попыток исключения коммунистов из гоминдана. Только при этих условиях, т.-е. при условии ведения политики в духе Сун-Ят-Сена, китайская революция окажется победоносной, и Китай освободится от гнета иностранного империализма.

С. ДАЛИН.

„ДУХ ЛОКАРНО“ РАЗОБЛАЧЕН.

ГЕРМАНСКИЙ ДИПЛОМАТ ПРОБОЛТАЛСЯ.

БЕРЛИН, 10 марта. (ТАСС). Парижская газета «Эксцельсиор» опубликовала интервью с статс-секретарем германского министерства иностранных дел Шубертом, который, между прочим, заявил, что **Германия по локарнскому договору согласилась беспрепятственно пропустить французские войска для оказания, в случае необходимости, поддержки Польше и Чехо-Словакии.** В германских кругах опубликование этого заявления Шуберта называют нарушением доверия, так как заявление было сделано в совершенно частном разговоре и к тому же опубликовано частично *в искаженной форме.* Содержание же заявления Шуберта, в частности по вопросу о пропуске французских войск, совершенно не опровергается.

«НЕПРИЯТНОЕ НАПОМИНАНИЕ».

ПАРИЖ, 10 марта. (ТАСС). В газете «Эксцельсиор» напечатано интервью ее женевского корреспондента с находящимся в Женеве членом германской делегации статс-секретарем германского министерства иностранных дел Шубертом. Коснувшись недавнего интервью с Брианом, напечатанного в «Пти Паризьен», Шуберт сказал: *«В этом интервью содержатся* некоторые неточности при истолковании локарнского договора. Есть уступки, на которые мы, немцы, пошли, но напоминания о которых мы не любим. Таково, например, напоминание о праве прохода французских войск через германскую территорию для оказания помощи Польше и Чехо-Словакии. Это напоминание не доставляет немцам удовольствия, особенно в такой деликатный момент польско-германских отношений, как нынешний».

ГЕРМАНИЯ И ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ.

ЛОНДОН, 11 марта. (ТАСС). «Дейли Телеграф» (близкая к английскому министерству иностранных дел) пишет: «Несмотря на повторные заявления как польского, так и литовского правительства, что никаких попыток вести переговоры об урегулировании разногласий между ними не делалось, мы имеем возможность заявить, что эти два правительства обменялись меморандумами необычайным для дипломатической практики частным путем. Польский меморандум касался вопроса о консульской конвенции, а также торговых и других экономических вопросов, но ничего *не говорил о Вильне.* Литовский меморандум скромно намекал, что без урегулирования вопроса о Вильне нельзя надеяться на установление нормальных отношений между Ковно и Варшавой. В этой стадии переговоров неформально вмешалось германское правительство, намекнувшее польскому и литовскому правительствам, что оно рассчитывает получать от них откровенную информацию о ходе переговоров».

ГЕРМАНИЯ ХОЧЕТ БЫТЬ НЕЙТРАЛЬНОЙ НЕ ТОЛЬКО НА ДЕЛЕ, НО И НА СЛОВАХ.

БЕРЛИН, 10 марта. (ТАСС). В сегодняшней беседе с женевскими журналистами Штреземан коснулся, как он выразился, «диких советских сообщений» последних дней и утверждений, что в Женеве под эгидой Чемберлена идет широкая политическая работа по созданию антисоветской коалиции. Одновременно Штреземан отвечал на утверждения, будто между Германией и СССР существуют или существовали какие-то «тайные соглашения», о которых в ближайшее время следует ожидать разоблачений.

По поводу всего этого Штреземан заявил, что ни в связи с рапальским договором, ни в связи с берлинским между СССР и Германией не было заключено никакого тайного соглашения и что с планами создания антисоветской коалиции к нему никто ни с какой стороны никогда не обращался. Штреземан подчеркнул известную германскую точку зрения, согласно которой Германия заинтересована лишь в мирном урегулировании спорных вопросов и в виду шатких условий в *Европе строит всю свою политику на* избежании опасности войны. Изменение состава германского правительства, по словам Штреземана, столь же мало меняет курс внешней политики Германии, как участие во французском кабинете правых Тардье и Марэна политику Бриана.

ДЛЯ ЧЕГО ПРИГОДИТСЯ «ГРАНАТНАЯ КАМПАНИЯ».

ГЕРМАНИЯ ПОД УГРОЗОЙ «ПИСЬМА ЗИНОВЬЕВА».

БЕРЛИН, 10 марта. (ТАСС). «Локаль Анцейгер» пишет: «Мы имеем веские основания полагать и считать вполне достоверным, что в ближайшем времени против Германии будет начат сенсационный и широко поставленный пропагандистский поход. Этот поход, повидимому, будет построен на мнимых «разоблачениях» русско-германских отношений и в качестве источников будет ссылаться на якобы проболтавшихся советских дипломатов. Повидимому, все старые подозрения по поводу тайных пунктов рапальского договора и недавно распространявшиеся польскими кругами сообщения о мнимых признаниях русских дезертиров-летчиков будут изложены в форме сенсационных измышлений и использованы для решительного удара против Германии». Газета заявляет, что воздерживается от сообщения подробностей до того момента, когда будет нанесен первый удар в этом направлении. «При этом имеется некоторая вероятность,—пишет газета,—что, с целью создать впечатление большей правдоподобности, будет использован нейтральный источник».

ПРОЕКТ ВСЕМИРНОГО ФИНАНСОВОГО БОЙКОТА СССР.

ПРОИСКИ АНГЛИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ.

ПАРИЖ, 10 марта. (ТАСС). По полученным из Лондона сообщениям, английский министр финансов Черчилль занят осуществлением плана по организации международного финансового фронта против СССР. Для этой цели Черчилль ведет переговоры с американскими банковскими деятелями. Поскольку здесь стало известным, английская сторона предлагает американским банкирам следующую программу *действий против СССР; английские* и американские банки должны воздержаться от приема советских векселей; отказаться финансировать фирмы, работающие с СССР; при учете советских векселей банки должны требовать более высокий лаж, чем обыкновенно. Затем должны быть прекращены кредиты, связанные с импортом Советского Союза. К соглашению, должны быть привлечены также итальянские, французские и, если это окажется возможным, *германские банки.* Затем предполагается оказать давление на концессионеров, а также на те группы в союзе британских кредиторов России, которые являются сторонниками соглашения с СССР.

Второй частью плана Черчилля против СССР является образование мирового союза кредиторов России для пред'явления требований СССР. Как сообщают, правления нефтяных трестов «Англо-Першиен» и «Ройяль Деч-Шелль» дали согласие образовать специальную инициативную группу для организации нефтяников и др., потерпевших убытки вследствие революции, при условии, если британское правительство, в частности министерство иностранных дел, поддержит их претензии в отношении СССР и поможет привлечь на их сторону те иностранные группы, которые в настоящее время дружественно относятся к СССР.

«Стандард Ойль», «Банк оф Инглэнд» и Лесли Уркварт высказались за совместную работу. Ведутся переговоры с французскими должниками с целью привлечь их. На совещании инициативной группы, происходившем под председательством Детердинга, решено в первую очередь привлечь нефтепромышленников. Участники совещания не ожидают большого успеха в деле привлечения Германии, так как Германия в мирных договорах с СССР отказалась на условиях взаимности от каких-либо денежных претензий.

СДЕЛКА МЕЖДУ ИТАЛИЕЙ И АНГЛО-АМЕРИКАНСКИМИ БАНКИРАМИ.

ВЕНА, 11 марта. (ТАСС). В авторитетных банковских кругах подтверждают сообщения о переговорах итальянского правительства с группой английских и американских банкиров по поводу займа в размере до 500 млн. долларов.

Заем будет гарантирован доходами от табачной монополии или железных дорог и таможен.

Итальянское правительство обязуется в течение всего, пока еще точно не установленного, срока займа ввозить определенное количество нефти, которое будет закупаться в равных частях у нефтяных трестов *«Стандарт Ойль» и «Ройял* Детч-Шел», а также твердо фиксированное количество *английского угля.* Это условие выдвинуто иностранными банками с целью вытеснить с итальянского рынка как нефтесиндикаты СССР, так и германские и польские угольные фирмы, завоевавшие за время английской угольной забастовки твердые позиции в Италии.

Переговоры Черчилля в Риме, связавшие вопрос о займе с основными вопросами англо-итальянского политического сотрудничества на Балканах, в Восточной *Европе и на Дальнем Востоке,* значительно ускорили переговоры о займе, заключение которого предполагается в марте или в апреле.

БРИАНУ «НИЧЕГО НЕИЗВЕСТНО».

БЕРЛИН, 11 марта. (ТАСС). Бриан в беседе с представителем «Теглихе Рундшау» заявил, что, «несмотря на его участие почти во всех переговорах в Женеве, ему ничего неизвестно о крестовом походе против Советского Союза».

«ПЛАН ОКРУЖЕНИЯ РОССИИ—НЕ ЛЕГЕНДА».

БЕРЛИН, 10 марта. (ТАСС). Женевский корреспондент органа народной партии «Кельнише Цейтунг» пишет: «Можно с полной достоверностью опровергнуть сообщения, будто Германия даст впутать себя в антисоветские планы. Однако труднее будет опровергнуть наличность таких планов у Англии. Никакое дипломатическое опровержение не сможет затушевать того факта, что в Женеве сейчас не о чем ином, кроме таких планов, не говорят. Англия, несомненно, знает, что непосредственное давление на Германию и невозможно и обречено на неуспех. **Однако из этого не следует, что план дипломатического окружения России является легендой.** При этом в качестве фигур на английской шахматной доске будут стараться использовать не только Польшу, которая, возможно, занимает более осторожную и сдержанную позицию, чем это думают, но и Румынию. Франция держится несколько в стороне от переговоров по русскому вопросу. Никто не сможет оспаривать тот факт, что доминирующая в Лиге Наций держава—Англия—сейчас находится как бы под гипнозом опасности советской политики в Азии и слишком склонна рассматривать все другие политические проблемы под углом зрения этого гипноза. Такое положение, при котором Лига Наций, которая должна обсудить важную проблему франко-германских отношений, находится политически и морально под подавляющим влиянием Англии, ни в коем случае нельзя признать нормальным».

В ЖЕНЕВЕ СМУЩЕНЫ СОВЕТСКО-ЛАТВИЙСКИМ ДОГОВОРОМ.

ВАРШАВА, 11 марта. (ТАСС). Польское телеграфное агентство (ПАТ) сообщает из Ревеля, что парафирование советско-латвийского договора произвело там большое впечатление. В эстонских политических кругах считаются с возможностью охлаждения эстонско-латвийских отношений и говорят о возможности внутренних осложнений в Латвии.

Восточное агентство сообщает из Женевы: «Уступчивость Латвии по отношению к СССР оценивается в Женеве как акт нелойяльности по отношению к Лиге Наций. Английская делегация не скрывает своего недовольства Латвией».

Орган пилсудчиков «Глос Правды» публикует сообщение о парафировании советско-латвийского договора под заголовком «Латвия на скользком пути».

НАКАНУНЕ ПОДПИСАНИЯ ПОЛЬСКО-ЛАТВИЙСКОГО ТОРГОВОГО ДОГОВОРА?

РИГА, 11 марта. (ТАСС). По сообщению «Социал-Демократс», латвийское министерство иностранных дел рассматривает предложенный Польшей проект польско-латвийского торгового договора. Газета заявляет, что больших разногласий по существу договора не имеется, в виду чего предвидится скорое его подписание.

Чудо-тень.

В первопраздничную пору
Все галдели без разбору.
И налево и направо
Раздавалось:—«Браво!»—«Браво!»
Господа—Родзянки, Львовы,
Милюковы и Гучковы
Вместе с Керенским-болтушкой,
Вислоухой думской «душкой»,
С Либер-Дан-Черновым вкупе —
Все толклися в общей ступе,
Все—«ревнители свободы»—
«Февралю» слагали оды.
Был «Февраль» им вешней птичкой,
Мытой розовой водичкой.
— Фить!
— Фить!
— Фить!
— Фить!
Стали птичку все ловить,
Птичке крошечки бросать,
«Революцию спасать»:
—«Ай ты, птичка-королёк,
Золотой наш «Февралек»,
Вот тебе питье-еда,
Залетай скорей сюда!»
— Фить!
— Фить!
— Фить!
— Фить!
Стали птичку все ловить,
Зазывать её под сетку,
Жизнью вольною «пужать»,
В учредительную клетку
За решоточку сажать!
— «Тише! Тише!.. Бога ради:..»

Той порою где-то сзади
Кто-то в гущу шайки гнусной
Наводил рукой искусной,
Освещая вражий сектор,
Большевистский свой прожектор.
И—невидимую ране—
Дал на пламенном экране
От себя «Февральский день»
Вот какую чудо-тень:

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

Февральская революция и политкаторжане.

(К десятилетию освобождения).

Прошло 10 лет с тех пор, как низвергнут был царизм. А воспоминания о нем так свежи, как будто этот кошмар, душивший нашу страну, был совсем недавно. Кажется, еще совсем недавно сотни и тысячи борцов за дело трудящихся *расстреливались, ссылались* в каторгу, в ссылку, заточались в крепости. И вот уже *исполнилось 10 лет с того момента,* когда открылись тяжелые тюремные двери, и когда Сибирь возвратила сосланных туда революционеров.

День падения самодержавия—один из светлых праздников рабочих и крестьян СССР. Завоевания Февральской революции открыли трудящимся массам возможность организоваться, помогли раз'яснить им преступления собственной и мировой буржуазии, приведшие к великой империалистической бойне, *а через это облегчили* и победу над капитализмом в октябре 1917 года.

Тем более вдвойне близок праздник 12 марта для той группы советских граждан, которая об'единилась в обществе политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Этот день дорог и памятен им, как день освобождения, как день возвращения из царского плена. Переход от однообразия тюремной жизни и жизни в глухих углах Сибири был в свое время таким неожиданным и ошеломляющим, что многие *после долгих лет сидения в тюрьмах* и изоляции от всего живого не сразу могли *разобраться в окружающих их условиях.*

Но этот момент продолжался недолго. Скоро вся страна узнала имена многих и многих из тех, кто еще совсем недавно носил железные кандалы на ногах и руках, кто был отдан на полный произвол тюремщиков. Целый ряд видных деятелей советской власти, коммунистической партии, профессионального движения, хозяйственного строительства, это—бывшие политкаторжане и ссыльно-поселенцы.

В *старое время,* как известно, очень немногие счастливцы из активных революционеров избежали лап охранки. Следовавшие затем тюрьма, каторга и ссылка служили, как правило, в роли университетов или высших партийных школ для попадавших туда. Здесь именно получала закалку и отшлифовку та революционная энергия и стойкость, какие сейчас пригодились для их обладателей на разных советских постах. Вполне понятно, что наши белые эмигранты и другие наши недруги звали на первых порах советских вождей «каторжниками», «преступниками», «грабителями».

Тюрьма, каторга и ссылка не прошли бесследно для революционеров, подвергавшихся этим наказаниям. Там они узнали лучше друг друга, спаялись прочными узами между *собой.* Совершенно естественно, что в свободной советской стране после окончания гражданской войны было положено начало обществу политкаторжан.

Ни в какой другой стране, кроме нашего социалистического государства, нет и не может быть подобного общества. Общество политкаторжан наиболее яркая иллюстрация того, что борьба за господство пролетариата в нашей стране окончена и что теперь остается лишь его укреплять, защищать.

Общество политкаторжан уже три года существует как всесоюзная организация. *Оно насчитывает до 50 своих ячеек на* местах, в ряде городов СССР. В среднем на каждую из таких ячеек приходится по 50 членов [1]. Отделения общества всюду и везде широко проявляют себя не только как организации помощи и взаимопомощи своим членам, но еще больше того проявляют себя в широкой общественной работе. Общество во всех своих ячейках ведет большую работу по освещению прошлого революционной борьбы, *каторги и ссылки* на рабочих, крестьянских, красноармейских и других собраниях. Значение общества велико в областях мопровской, историко-революционной, музейной работы.

Общество политкаторжан в общем и целом вносит своей работой ценный вклад в дело революционного воспитания трудящихся масс. Пусть же день освобождения политкаторжан из каторги и ссылки послужит днем еще большей тесной спайки между массами и *политкаторжанами.* Пусть знают враги трудящихся, что политические каторжане, которых старое царское правительство обрекало когда-то на истребление, на медленное умирание, живы сейчас и идут рука об руку со всем советским государством.

С. КОРОЧКИН.

[1] Московское отделение, в частности, насчитывает около 1.000 членов.

ФАШИСТСКИЙ ПАРЛАМЕНТ РАТИФИЦИРОВАЛ БЕССАРАБСКИЙ ПРОТОКОЛ.

РИМ, 11 марта. (ТАСС). По сообщению агентства Стефани, итальянская палата депутатов, большинством 200 голосов против одного, приняла предложенный правительством законопроект о ратификации бессарабского протокола.

ПЕРЕГОВОРЫ О СОЗДАНИИ ИТАЛО-РУМЫНО-ПОЛЬСКОГО СОЮЗА.

ВЕНА, 11 марта. (ТАСС). В *венских* дипломатических кругах оценивают ратификацию Италией бессарабского протокола как первый шаг в создании тройственного соглашения Италии, Румынии и Польши под эгидой Англии. Здесь обращают внимание на сообщения из Рима, что Польша ведет с Италией секретные переговоры в Риме, целью которых является присоединение Италии к польско-румынскому союзу и поддержка итальянской политики на Балканах взамен за поддержку Италией Польши в Лиге Наций против *Германии.* В Риме ожидают приезда близкого к Пилсудскому и являющегося доверенным лицом последнего в министерстве иностранных дел полковника Матушевского, которому поручено вести дальнейшие переговоры по оформлению соглашения между Польшей, Италией и Румынией.

ТЕЛЕГРАММА КИТАЙСКИХ МОРЯКОВ ПРОФИНТЕРНУ.

В Профинтерн на имя тов. Лозовского получена от китайского союза *моряков* следующая телеграмма:

«Британские сухопутные и морские силы беспрерывно прибывают в Шанхай, становясь на пути китайской революции. *Положение в высшей степени* критическое.

Китайский союз моряков. Председатель **Су-Чен-Ин».**

СУН-ЧУАН-ФАН СХОДИТ С ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНЫ.

ШАНХАЙ, 9 марта. (ТАСС). Китайские *газеты сообщают,* что Сун-Чуан-Фан обратился к Чжан-Цзо-Лину за разрешением выехать в Японию «в виду плохого здоровья». Сун-Чуан-Фан окончательно отошел от политической и военной деятельности, и роль его окончена.

ЗАБАСТОВКА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ ШИРИТСЯ.

ШАНХАЙ, 9 марта. (ТАСС). Забастовка железнодорожников в Шанхайском районе, несмотря на жестокие репрессии, не только продолжается, но еще и ширится. Забастовали железнодорожники северного участка Шанхайско-Ханьчжоуской ж. д., несмотря на все меры, принятые властями Чжан-Цзун-Чана. Забастовка на этом участке в значительной мере затрудняет переброску северных войск.

ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ТЯНЬЦЗИНЕ.

ПЕКИН, 9 марта. (ТАСС). В Тяньцзине об'явлено военное положение, в целях «предупреждения беспорядков, подготовленных гоминданом».

ВОЕННЫЕ МОРЯКИ СЕВЕРЯН ТРЕБУЮТ УПЛАТЫ ЖАЛОВАНЬЯ.

ПЕКИН, 9 марта. (ТАСС). По сообщению агентстваГовен, эскадра северян, состоящая из пяти крейсеров и находящаяся в Циндао, отказалась отплыть в Шанхай, пока ей не будет уплачено жалованье. Моряки требуют уплаты всего задержанного жалованья и, кроме того, выдачи месячного аванса.

БЕЛЫЙ ТЕРРОР В ШАНХАЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

НЬЮ-ЙОРК, 10 марта. (ТАСС). По сообщению шанхайского корреспондента агентства «Ассошиэйтед Пресс», полиция совершила налет на собрание союза почтовых служащих Шанхая, обсуждавшее вопрос о подготовке всеобщей забастовки. Полиция арестовала секретаря союза почтовых служащих и представителя шанхайского совета профсоюзов.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ.

ОРГАН ЛАТВИЙСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ О ПАРАФИРОВАНИИ СОВЕТСКО-ЛАТВИЙСКОГО ДОГОВОРА.

РИГА, 11 марта. (ТАСС). Орган латвийских социал-демократов «Социал Демократс», анализируя политические и экономические отношения между Латвией и СССР, с одной стороны, и между Латвией и Англией и Эстонией—с другой, попрежнему решительно высказывается за заключение советско-латвийского договора. «Аргументы противников договора,—пишет газета,—не выдерживают критики. Те, кто пугает нас Советской Россией, хотят связать наши руки при помощи английской дипломатии и являются наиболее плохими советниками Латвии».

ОТ ЦКК ВКП(б).

Партколлегия ЦКК ВКП(б), рассмотрев заявление тов. Назарова о заметке, напечатанной в «Комсомольской Правде» («Любители американских долларов», 13 февраля 1927 г.), постановила:

«а) Одобрив энергичную работу «Комсомольской Правды» в проявлении бесхозяйственности, бюрократизма, извращений линии проведения режима экономии и др. болезненных явлений и признавая, что в этой борьбе возможны отдельные ошибки, ЦКК считает такой ошибкой помещение в «Комсомольской Правде» от 13 февраля 1927 г. заметки «Любители американских долларов».

б) ЦКК считает, что «Комсомольская Правда» поступила в данном случае неосторожно, будучи введена в заблуждение корреспондентами, и не должна была отказываться напечатать заявление Главхлопкома о том, что Главхлопком передает это дело на рассмотрение в ЦКК.

в) В отношении Назарова ЦКК считает, что тов. Назаров не только никогда не являлся и не является «любителем американских долларов», но выполнял добросовестно порученную ему работу, проявив во время своей деловой поездки большую скромность и бережливость в расходовании государственных средств и ни в каких делах не заслуживает той характеристики, какая дана ему в заметке «Комсомольской Правды».

Секретарь ЦКК ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ.

ПРОФИНТЕРН ЗА ЕДИНЫЙ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ФРОНТ.

ВСЕМ ПРОФСОЮЗНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, УЧАСТВОВАВШИМ В АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ В БРЮССЕЛЕ.

Английскому движению меньшинства; конфедерации труда Мексики; Аргентинской федерации горнорабочих; Французской унитарной всеобщей конфедерации труда; кантонскому совету профессиональных союзов и забастовочному комитету Гонконга и Кантона; Всекитайской федерации труда; Всеобщей конфедерации труда Гуандуна и всекитайскому и кантонскому союзу металлистов; интернациональному бюро работников просвещения; Бельгийской федерации швейников; Всеобщей конфедерации труда Ю. Африки (белой); Всеобщей конфедерации труда Ю. Африки (черной); федерации с.-х. рабочих Мексики; профсоюзам нефтяных рабочих Тампико (Мексика); Всеобщей конфедерации труда Венесуэлы; рабочей федерации Кубы; конгрессу рабочих негров Сев. Америки.

Дорогие товарищи!

Исполнительное бюро Профинтерна, ознакомившись с выработанной вами на профсоюзной конференции в Брюсселе резолюцией о единстве мирового профдвижения, постановило довести до вашего сведения следующее: Исполбюро Профинтерна целиком и полностью разделяет основные мысли, изложенные в резолюции брюссельской профсоюзной конференции и [illegible]

«Перед последней угрозой новых войн, вызываемой соперничеством крупных империалистических стран, и для того, чтобы оказать наиболее действительную поддержку освободительной борьбе угнетаемых народов за право народов на самоопределение, представители профсоюзов на антиимпериалистическом конгрессе заявляют, что международное единство профдвижения представляется более необходимым, чем когда бы то ни было. Они обращаются к Международной федерации профсоюзов в Амстердаме, к Красному Интернационалу профсоюзов в Москве и ко всем другим организациям, не примыкающим к существующим интернационалам, с призывом от имени 7.962.000 организованных рабочих срочно заключить соглашение о создании единого интернационала профсоюзов, [illegible]

[illegible] восстановлению единства расколотого международного профдвижения.

Приветствуя в вашем лице рабочий класс вашей страны, Исполбюро выражает твердую уверенность, что дружными усилиями сторонников единства всех стран будет создан единый, могучий, антикапиталистический Интернационал профсоюзов, который поведет рабочие массы на борьбу против империалистического гнета и капиталистической эксплоатации.

С товарищеским приветом

генеральный секретарь Профинтерна
А. ЛОЗОВСКИЙ.

ПУТЬ К ОКТЯБРЮ В НАГЛЯДНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ.

(Февральская революция в музеях).

8 месяцев борьбы за торжество социальной революции. Исторический путь от Февраля к Октябрю изображает выставка Февральской революции, открывающаяся 12 марта в Музее Революции. Все этапы этого пути можно проследить по выставленным на щитах диаграммам, листовкам, прокламациям, газетам, фотографическим снимкам и картинам художников, иллюстрирующим события борьбы за социальную революцию. Музей для выставки Февральской революции располагает одним залом. Картина борьбы, поэтому, получается сгущенной, подчеркнутой на особенно ярких событиях. От забастовок, непосредственно предшествовавших падению царизма, восстаний войск в Ленинграде, братских могил «бескровной революции» ход событий и их значение выпукло очерчиваются в росте, развитии и большевизации Советов и вместе с тем во все растущем влиянии их на широкие массы трудящихся. Особо отмечены «апрельские дни» в Петрограде: протест рабочих против «милюковской» ноты временного правительства «о верности союзникам»; приезд В. И. Ленина в Россию, с лозунгом к народным массам: «Да здравствует мировая социалистическая революция»; всероссийское совещание Советов Рабочих и Солдатских Депутатов; «апрельская» конференция партии с.-д. большевиков. Затем—дни июльского восстания рабочих против временного правительства. «Щиты» отмечают и большевизацию армии на фронте: от навязанной «войны до победного конца» через братание с солдатами армий противников к большевистскому лозунгу—«война войне».

Организация октябрьской победы. В музее Ленина Февральская революция получает освещение в связи с деятельностью Владимира Ильича и работой коммунистической партии по организации захвата власти пролетариатом. Исходная дата этого периода революции—16 апреля 1917 г.—приезд В. И. Ленина в Россию. Отдел музея, посвященный этим событиям, будет отображать руководство партии по оформлению революционного движения трудящихся масс под лозунгом социальной революции, организацию вооруженного восстания и провозглашение диктатуры пролетариата. В законченном виде отдел музея будет представлен к 16 апреля.

Последние годы борьбы царя с народом. Общество политкаторжан в «Доме каторги и ссылки» открывает 12 марта юбилейную выставку уничтожения каторги в России. Эта выставка—часть будущего музея истории каторги и ссылки. Выставка в красочных диаграммах, фотографиях и картинах рассказывает историю последних лет зверской борьбы царизма с растущим революционным движением.

Постройка ежегодно, начиная с 1908 г. до начала империалистической войны по 6—7 тюрем, тогда как с 1879 г. по 1908 г. царь довольствовался постройкой новых трех-четырех тюрем каждые два года. 178.900 человек тюремного населения. За 6 лет—7.497 политических, осужденных на каторгу от 4 лет до бессрочной, 4.077 политических преступников, отправленных в ссылку. 18.842 тюремных надзирателя—целый корпус военного времени. Ежегодно полтора миллиона верст проходится арестованными по этапным дорогам. В среднем за год на каждого арестанта приходится по 4.000 верст пешего пути.

На выставке много фотографий и набросков: этапы, где кучами от тесноты лежат вповалку измученные перегонами арестанты, каторжные работы, камеры в каторжной тюрьме, картинки каторжного быта, пыток, истязаний, смертной казни через повешение. Портретные снимки жертв орловского застенка и других мучеников и героев, загнанных на каторгу.

Заключительная витрина выставки освещает смысл и значение тяжелых жертв борьбы с самодержавием. Эта витрина—картины освобождения из тюрем в феврале—марте 1917 г., и среди них документ—характерный показатель сознания пролетариатом своего права на власть всего через два дня после свержения царя. Документ от 1 марта старого стиля: подлинное удостоверение исполнительного комитета рабочих «Порохового завода при Шлиссельбурге», выданное Виктору Викторовичу Колосовскому в том, что он «волею народа освобожден из Шлиссельбургской крепости».

ХРОНИКА.

✦ **Персональный состав Главконцесскома.** Союзный Совнарком утвердил следующий персональный состав Главного концессионного комитета при СНК СССР: тт. Л. Д. Троцкий (председатель), В. Н. Ксандров (зам. председателя) и членами тт: Б. С. Стомонякова, К. И. Кнопинского, А. А. Иоффе, М. О. Рейхеля и М. И. Якобсона.

✦ **Состав технического совета Днепростроя.** Союзный Совнарком утвердил персональный состав технического совета при правлении государственного днепровского строительства: председатель—проф. И. Г. Александров, члены—проф. Л. Н. Бернацкий, проф. Е. В. Близняк, Б. Е. Веденеев, А. В. Винтер, проф. Г. О. Графтио, инж. Г. Б. Красин, Г. М. Кржижановский, инж. А. Н. Лагутин, проф. В. Н. Образцов, проф. М. К. Поливанов, проф. Н. Н. Павловский, инж. П. П. Ротерт, проф. Н. С. Стрелецкий и проф. С. А. Чаплыгин. Правлению Днепростроя предоставлено Совнаркомом право привлекать к работам технического совета по отдельным вопросам консультантов-специалистов, а все также и иностранных экспертов.

✦ **Президиум ВСНХ РСФСР** признал необходимым расширить капитальные работы на заводе «Дагестанские Огни» на 260 тыс. руб. для скорейшего окончания работ по выпуску бутылок.

✦ **Всесоюзное совещание по строительству,** созываемое строительным отделом ВСНХ СССР, откроется 15 марта.

✦ **Радио по телефону.** Московская телефонная станция открыла прием заявлений от лиц, желающих слушать радиопередачи через телефонные аппараты.

✦ **Снижение кооперативных цен.** Центросоюз снизил отпускные цены на 10 проц.—на сахарное варенье и от 8 до 12 проц.—на различные сорта меда.

✦ **Пленум МГСПС** созывается 17 марта. Пленум заслушает доклады о снижении цен, об итогах перезаключения колдоговоров и др.

✦ **Губернская конференция работниц и крестьянок-активисток кооперации** открывается сегодня, в 12 час. дня, в Центральном кооперативном клубе.

✦ **Юбилей консерватории.** 15, 16 и 17 марта в Большом зале консерватории состоятся юбилейные торжества Московской консерватории по случаю 60-летия существования.

ПЕРЕВЫБОРЫ СОВЕТОВ.

Новые советы.

По телеграфным сведениям, полученным всероссийской центральной избирательной комиссией на 11 марта, по 335 горсоветам из 4.390 тыс. избирателей явилось на выборы 2.531 тыс. чел., т.-е. 57,7 проц. В прошлом году активность избирателей по этим же городам равнялась 50.7 проц.

Всего избрано в эти горсоветы 43,1 тыс. чел., в том числе 22,7 тыс. коммунистов и комсомольцев (52,7 проц.); в минувшем году по тем же городам было избрано 48,1 проц. коммунистов и комсомольцев.

По 34.766 сельсоветам из 23.933 тыс. избирателей явилось на перевыборы 11.290 тыс. чел. (47,2 проц.). Избрано 560,9 тыс. чел., в том числе свыше 72,8 тыс. коммунистов и комсомольцев, т.-е. 13 проц. против прошлогодних 9,9 проц.

В Москве.

За девять дней.

По данным губернской избирательной комиссии, с 1 по 9 марта в Московский Совет избрано 1.245 депутатов, из которых 1.061 (85,2 проц.) мужчин и 184 (14,8 проц.) женщин. Среди депутатов членов ВКП(б)—861 (69,2 проц.), членов ВЛКСМ—28 (2,2 проц.) и беспартийных—356 (28,6 проц.). Социальное положение депутатов: рабочих—836 (67 проц.), служащих—263 (21 проц.), красноармейцев—74 (6 проц.) и не состоящих в профсоюзе—72 (6 проц.). Впервые избрано в Моссовет 938 человек (75,3 проц.).

В районные советы за 9 дней избрано 1.267 депутатов, из которых—944 мужчин (74,5 проц.) и 323 женщины (25,5 проц.). Среди депутатов 628 членов ВКП(б) (49,6 проц.), 98 членов ВЛКСМ (7,7 проц.), 541 беспартийный (42,7 проц.). Социальное положение депутатов: рабочих—819 (64,6 проц.), служащих—288 (22,7 проц.), красноармейцев—68 (5,4 проц.) и не-членов профсоюза—92 (7,3 проц.). Впервые избрано в районные советы 1.145 чел. (90,4 проц.).

В губернской избирательной комиссии.

Губернская избирательная комиссия утвердила 1.400 вновь избранных в Московский Совет депутатов. По вчерашний день было выдано 977 депутатских мандатов. Среди получивших мандаты 675 членов ВКП(б) и 302 беспартийных.

Хроника перевыборов.

✦ Свыше 1.400 человек присутствовало на перевыборном собрании 10-го коллектива грузчиков. С докладом выступил тов. Буденный. Посланы приветствия ЦК ВКП и Моссовету. В члены райсовета и Моссовета избраны грузчики и членом Моссовета—тов. Буденный.

✦ 21 добавление внесли к наказу рабочие государственной шпульной ф-ки. На собрании присутствовало 441 чел.

✦ Удешевить квартирную плату в новых домах и расширить сеть детских учреждений предложили рабочие механических ремонтных мастерских Мессукне. На собрании присутствовало 104 человека.

✦ На собрании 1-й книжной ф-ки Центронадата присутствовало из 407 рабочих 401. Предложено упорядочить трамвайное движение и улучшить качество выпускаемых с.-х. орудий.

✦ Снизить взносы в жилкооперацию и удешевить квартирную плату в новых домах предложили рабочие «Красного Поставщика». На собрании присутствовало 466 человек.

✦ Директора завода «Самоточка» избрали рабочие этого завода в члены Моссовета. На собрании присутствовало 296 человек из 305. К наказу внесено 11 добавлений.

✦ Приветствия Красной армии и английским рабочим послали рабочие центральных почтовых мастерских. К наказу внесено 19 дополнений.

ПО СОЮЗНЫМ РЕСПУБЛИКАМ.

ГОДИЧНЫЙ АКТ УКРАИНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.

КИЕВ, 11 марта. (Наш корр.). Сегодня в Украинской Академии Наук состоялся торжественный годичный акт, на котором Академия подвела итоги своей работы за истекший год. Среди многочисленных гостей на акте присутствовали французские ученые проф. Мазон и Мартель. Проф. Мазону собравшиеся устроили продолжительную овацию.

Торжественное заседание совпало с годовщиной смерти Тараса Шевченко.

— Благодаря помощи советской власти,—сказал во вступительном слове президент Академии Наук академик Липский,—положение Украинской Академии Наук значительно улучшилось. Академия имеет уже свои здания, землю, заповедники и т. п. Академия поставлена во главу всего научного дела на Украине. Неоднократно представители правительства обращались к Академии за советами в научных делах и т. п.

Коснувшись годовщины смерти Тараса Шевченко, академик Липский сказал:

— Я хотел бы по этому случаю обратить внимание на два факта. Во-первых, мы приступили к изданию полного собрания сочинений Шевченко с подробными комментариями. В четвертом томе помещен дневник Тараса Шевченко, о котором мы раньше знали по выдержкам. Во-вторых, в Харькове образован Шевченковский институт, во главе которого стоит академик Багалей.

Затем непременный секретарь академии Крымский сделал доклад об общем состоянии Академии и отметил, что в текущем году Академия выпустила 72 издания различных названий, размером до 600 печатных листов. Академия установила обмен изданиями с 154 заграничными, 82—союзными, и 122 украинскими научными организациями и учреждениями.

Затем сделали доклады о работе отдельных отделов Академии Наук академики Ефремов, Симинский, Птуха и ряд других.

По окончании заседания произошел любопытный диалог между французским профессором Мазоном и непременным секретарем Академии Крымским. Мазон обратил внимание на значек ВУЦИК, который носит академик Крымский как член ВУЦИК.

— Вы ведь не коммунист? Почему же вы носите этот значек?—спросил проф. Мазон.

И академик Крымский подробно пояснил ему, что в советских республиках беспартийные так же, как и члены партии, участвуют в советском строительстве и избираются членами горсоветов, ЦИК и т. д.

ПАМЯТИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО.

КИЕВ, 11 марта. (Наш корр.). Сегодня в Киеве по всем рабочим клубам отмечен день 66-летия смерти Тараса Шевченко. Состоялись доклады и концерты, посвященные памяти поэта.

Комиссия по увековечению памяти Шевченко при окрисполкоме возбудила ходатайство перед центром о постройке памятника Шевченко в Киеве. Открытие этого памятника должно быть приурочено к 70-й годовщине со дня смерти Шевченко, т.-е. в 1931 г.

ДОКУМЕНТЫ О ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

ЛЕНИНГРАД, 11 марта. (Наш корр.). 11 марта морской отдел архива армии и флота ко дню десятилетия Февральской революции открыл большую выставку «Флот в Февральскую революцию». На выставке собраны в огромном количестве документы, относящиеся к участию флота всех морей в Февральской революции.

Среди документов, собранных на выставке, имеется рапорт командира крейсера «Аврора» высшим властям о восстании на крейсере. Документ датирован 28 февраля и сообщает, что после завязавшейся перестрелки восставшие рабочие увлекли за собою моряков, при чем крейсер перешел в руки восставших.

Один из документов повествует о том, что матросы крейсера «Россия» в февральские дни обнаружили в своей среде охранника-санитара Вашкевича. Они его не убили, а направили в распоряжение исполкома Свеаборгской крепости.

Жандармский унтер-офицер моонзундской позиции в рапорте высшему начальству от 4 марта сообщает, что «среди команды началось волнение. Поносят имя его императорского величества. Есть угрозы вооруженного восстания». Верноподданный унтер-офицер сообщает, что он все дела вывез в захолустную деревушку и ждет распоряжений.

Интересный документ—приказы бывшего великого князя Кирилла Владимировича гвардейскому экипажу, которым он командовал. В приказе от 2 марта он подписывался: «Свиты его величества контр-адмирал Кирилл Владимирович»; от 2 до 13 марта, когда его сменили, он подписывался: «Контр-адмирал Кирилл Владимирович», а в последнем приказе о сдаче дел он именует себя просто «контр-адмиралом Кириллом».

На выставке находится до сих пор неопубликованный последний приказ Николая II за его личной подписью о переводе одного из командиров корпусов.

Имеется ряд документов, относящихся к Черноморскому флоту. Из документов ясно, что адмирал Колчак до последнего момента старался изолировать команду всех кораблей от надвигающейся революции. По его распоряжению, все пути сообщения и телеграф были в бездействии, и весь флот был отправлен на стрельбу в Черное море.

ПЯТИЛЕТИЕ ЗСФСР.

ТИФЛИС, 11 марта. (ТАСС). Празднование десятилетия Февральской революции совпадает с пятилетием Закавказской Федерации. 12 марта полномочная конференция республик Азербайджана, Армении и Грузии, собравшись в Тифлисе, приняла первоначальную конституцию Федеративного Союза Закавказских Социалистических Советских Республик. По поводу пятилетия Закавказской федерации Зак. ЦИК получены приветственные телеграммы.

ОТКРЫТИЕ СРЕДНЕ-АЗИАТСКОГО КООПЕРАТИВНОГО ТЕХНИКУМА.

ТАШКЕНТ, 11 марта. (Наш корр.). Сегодня в туземной части города в присутствии представителей партийных и правительственных учреждений и общественных организаций в торжественной обстановке состоялось открытие средне-азиатского краевого кооперативного техникума. В состав учащихся принято 150 чел., преимущественно узбеков, туркменов, казаков, киргизов и таджиков. Под техникум в течение нескольких месяцев выстроено большое двухэтажное здание европейского типа. Здание построено на развалинах древнего кладбища Шейх-Антаур, почитаемого священным. Средства были отпущены местными кооперативными организациями.

Вокруг постройки разгорелась в свое время большая борьба между передовым населением и духовенством. Духовенству сделана уступка: оставлены неприкосновенными почитаемые священными голые сухие многовековые деревья, высящиеся вокруг техникума. В районе техникума предполагается построить здания нескольких школ 1-й и 2-й ступени. С возведением этих построек район бывшего кладбища будет окончательно отвоеван от реакционного духовенства.

ИЗ ЛЕНИНГРАДА.

(По телефону от нашего корреспондента).

ПАМЯТНИК ШЛИССЕЛЬБУРЖЦАМ.

В Ленинграде начинаются работы по постройке первого памятника бывшим узникам Шлиссельбургской тюрьмы. Будет воздвигнуто 3 громадных обелиска, на которых будут прибиты мраморные доски с 80 именами политзаключенных. Памятник намечено установить к 10-летию Октябрьской революции.

К 40-ЛЕТИЮ ПОКУШЕНИЯ НА АЛЕКСАНДРА III.

13 марта исполняется 40-летие покушения на Александра III. В этот день в Ленинграде на фабриках и заводах общество политкаторжан устраивает доклады и лекции с воспоминаниями. В клубе общества политкаторжан открывается выставка, посвященная 40-летию покушения на Александра III. Возбуждено ходатайство о присвоении одной из улиц Ленинграда имени Александра Ильича Ульянова.

ОТОВСЮДУ.

✦ В Орехово-Зуеве заканчивается оборудование местной радиовещательной станции. (Наш корр.).

✦ Сегодня в Ярославле открывается новая хирургическая больница на 150 коек.

✦ Близ Костромы поднят из воды затонувший в прошлом году буксирный пароход «Бравый». Пароход поставлен в ремонт.

Шахматный отдел.

Под редакцией А. Ф. Ильина-Женевского и С. С. Левмана.

Задача № 63. В. И. Шиф (Москва). W. Schif. Печатается впервые.

Этюд № 43. А. С. Гурвич (Баку). A. Gurwitsch. Печатается впервые.

Задача № 63: Б. Кр f7, Ф a6, К e6, h6, п. g5, g6 . . . (6)
Ч. Кр h5, Л a4, С a7, f3, п. a3, c5, d4, e5, h3, h4 . . . (10)
Мат в 3 хода.

Этюд № 43: Б. Кр g2, С g1, К a2, п. a6 . . . (4)
Ч. Кр b3, С b5, h8, п. f2, f4 . . . (5)
Белые делают ничью.

Партия № 51.

Играна во II туре Нью-Иоркского турнира 1927 г.

ФЕРЗЕВЫЙ ГАМБИТ.

Нимцович—Капабланка. 1. c4 Kf6; 2. Kf3 e6; 3. d4 d5; 4. e3 (в последнее время излюбленное продвижение здесь 4. Cg5 h6; 5. C:f6 Ф:f6, однако Нимцович предпочитает более испытанное продолжение) C e7; 5. Kb d2 0—0; 6. C d3 c5; 7. dc (очевидно в предположении 7... C:c5, однако Капабланка находит более сильное продолжение, которое дает ему лучшую партию) K a6! 8. 0—0 (значительно лучше было бы 8. Kb3, чтобы, по крайней мере, не терять темпа) K:c5; 9. C e2 b6; 10. cd K:d5; 11. K b3 C b7; 12. K:c5 C:c5 (теперь совершенно очевидно, что партия черных предпочтительнее); 13. Ф a4 (разменять белого слона черных, конечно, приятно, но вместо этого лучше было бы подумать о том, как развить своего слона c1. Иначе белые сильно отстают в развитии) Ф f6; 14. C a6 C:a6; 15. Ф:a6 K b4; 16. Ф e2 Лf e2; 17. a3 K d3; 18. K e1 (чтобы как-нибудь избавиться от неприятного коня d3) K:e1; 19. Л:e1 Л ac8; 20. Л b1 Ф e5; 21. g3 Ф d5; 22. b4 C f8 (на первый взгляд кажется сильнее C e7, однако ближайшее будущее показывает, что это только кажется); 23. C b2 Ф a2 (теперь видно, что если бы черный слон стоял на e7, то белые выиграли бы темп ходом Фg4, принуждая слона все равно идти на f8); 24. Л a1 Ф b3 (выкурить этого ферзя не так-то просто, между тем он держит в руках всю позицию белых); 25. C d4 (приходится пускать ладью на 2-ю линию, иначе белым нечем двигаться) Л c2; 26. Ф a6 e5! (начало решительных действий); 27. C:e5 Л d2 (с проникновением второй ладьи на вторую линию партия белых безнадежно проиграна); 28. Ф b7 (это, конечно, равносильно сдаче, но на 28. Л f1 последовало бы 28... Ф:e3!, а на 28. Ф f1 Ф d5; 29. C d4 Ф f5! 30. f3 Л:h2 и т. д. Хуже 29... Ф f3, т. к. тогда 30. Л ac1! Л a2; 31. Л a1 и черным приходится довольствоваться пешкой f2) Л:f2; 29. g4 Ф e6; 30. C g3 Л:h2! (из 30... Ф:g4 последовало бы 31. Л f1!, что удлинило бы борьбу); 31. Ф f3 Л h g2+; 32. Ф:g2 Л:g2; 33. Кр:g2 Ф:g4 (имея две лишние пешки, черные без труда выиграли).

(Примечания А. Ф. Ильина-Женевского).

Хроника.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

НЬЮ-ЙОРК. Положение после XIII тура следующее: **Капабланка+9** (1 неоконч.), **Нимцович +7** (2), **Алехин +6** (1), **Видмар+5½**, **Шпильман+4½**, **Маршалл +4**(2).

Доигрывание партий дало следующие результаты: из VIII тура: Маршалл выиграл у Видмара; из IX тура: Алехин выиграл у Маршалла. В X туре: Нимцович проиграл Видмару; партии Капабланка—Алехин, Шпильман—Маршалл закончились вничью. В XI туре: Видмар—Шпильман—ничья. Партии: Алехин—Нимцович, Маршалл—Капабланка остались незаконченными. В XII туре: Капабланка выиграл у Видмара. Шпильман—Нимцович, Маршалл—Алехин сыграли вничью. В XIII туре: Капабланка выиграл у Шпильмана, Алехин—Видмар—ничья. Партия Маршалл—Нимцович отложена.

Театр и кино.

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ СВЕРЖЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ.

«ПАДЕНИЕ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ».

(Совкино).

Созданию картины предшествовала кропотливая работа по подбору фильмового материала. Известно, что фильмотека, состоящая из разноценных по содержанию и по качеству лент, находится до сих пор далеко не в образцовом порядке. Тем не менее, эта предварительная работа по отыскиванию соответствующих кусков из старых хроник (за 1913—1917 гг.) проведена с достаточной полнотой и добросовестностью. Несмотря на то, что целый ряд чрезвычайно любопытных событий отсутствует (потому что снят не был), удалось избежать ощутимых провалов и довольно связно расположить кинодокументы, выхватив из них наиболее ударные и красочные места. В этом смысле проявлено много вкуса и кинофотографического чутья.

Последовательно нанизывая отобранные куски, Эсфирь Шуб в лучших частях своей работы показывает собранный ею документальный киноматериал, не пытаясь на его основе давать более сложную картину фактов. В данном случае не мысль ведет фильму, а материал. Этот материал интересен сам по себе. Поэтому лучшие места фильмы—как раз те, которые сохраняют явственные черты бесстрастного документа эпохи. Тем более, что целый ряд моментов отлично заостряет мысль картины. Например, придворные церемонии, царские прогулки и парады производят впечатление язвительной сатиры,—настолько весь этот мишурный блеск и безвкусная пышность в наших глазах нелепы. Наоборот, в тех местах, где Э. Шуб пытается на основе хроникального материала «выкленть» определенную идею, т.-е. поднять фильму до уровня разносторонней и углубленной картины эпохи, получается хуже. Зачастую Э. Шуб ограничивается примитивным разрешением задачи, идя, например, путем шаблонного сопоставления (в то время, когда помещики и начальство живут в праздности, рабочие и крестьяне в поте лица работают на их благополучие, и т. п.).

Обрамляющие фильму надписи в общем дают удачную установку наложению. Отчасти благодаря этому многие кадры зажили вполне новой жизнью, как будто они сняты нашими операторами и для нашей фильмы, а не в царское время. Но в упрек можно поставить литературную неопрятность некоторых надписей. Кроме того, ряд документов следовало бы датировать.

Фильма интересна и нужна. Для зрителя она будет выпуклой иллюстрацией отдельных моментов прошлого. Содержание фильмы шире ее названия, потому что здесь имеются черты, характеризующие Европу накануне империалистической войны, сделана попытка дать социально-политическую картину самодержавной России последних лет и, наконец, намечен смысл февральских событий как периода буржуазной республики и как этапа к Октябрю. Но ценность фильмы прежде всего, повторяем, иллюстративная, ценность документальных киносвидетельств о событиях и людях. Совкино выпуском этой фильмы на этот раз проявило много внимания к неигровой ленте, закончив ее во-время—как раз к 10-летию Февраля, что, конечно, будет только благоприятствовать ее успеху.

С. ЕРМОЛИНСКИЙ.

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ.

Сегодня в гостеатре им. Вс. Мейерхольда состоится торжественное заседание членов всесоюзного общества политкаторжан под председательством т. Ярославского. После заседания театр инсценирует сцены из жизни царской тюрьмы и освобождения политических в 1917 году, составленные Е. Д. Никитиной и А. Е. Нестеровым по документам, воспоминаниям и фотографиям. Авторы сценического оформления—студенты режиссерского отделения Гос. экспериментальных театральных мастерских (Гектемас) им. Вс. Мейерхольда—А. Е. Нестеров и Е. В. Логинова. В постановке принимают участие: Гектемас им. Вс. Мейерхольда, Отдельный московский стрелковый полк, клуб военной школы им. Ашенбреннера, подшефной обществу политкаторжан, пионер-дом.

Во время торжественного заседания (с 12 ч. дня) участники спектакля изобразят на улицах Москвы царский каторжный этап, пройдя от театра им. Вс. Мейерхольда по Тверской к Моссовету и обратно.

К XIII ВСЕРОССИЙСКОМУ С'ЕЗДУ СОВЕТОВ.

ОТКРЫТИЕ XIII ВСЕРОССИЙСКОГО С'ЕЗДА СОВЕТОВ СОСТОИТСЯ В ГОР. МОСКВЕ 10 АПРЕЛЯ 1927 ГОДА.

ПОРЯДОК ДНЯ XIII ВСЕРОССИЙСКОГО С'ЕЗДА СОВЕТОВ:

1. Отчет правительства РСФСР—докладчик тов. РЫКОВ.
2. Доклад ВСНХ РСФСР о состоянии промышленности РСФСР — докладчик тов. ЛОБОВ.
3. Доклад НКФина РСФСР о государственном и местном бюджете — докладчик тов. МИЛЮТИН.
4. Доклад НКПроса РСФСР об общем состоянии народного просвещения в РСФСР—докладчик тов. ЛУНАЧАРСКИЙ.
5. Доклад НКТорга РСФСР о состоянии внешней и внутренней торговли РСФСР и о снижении цен—докладчик тов. ЭЙСМОНТ.
6. Доклад об изменении ст.ст. 37, 38 и 47 Конституции РСФСР в связи с переименованием НКВнуторга РСФСР в НКТорг РСФСР—докладчик т. КИСЕЛЕВ.
7. Доклад о преобразовании Киргизской автономной области в Киргизскую автономную республику—докладчик тов. АСФЕНДИАРОВ.
8. Доклад о выборах членов ВЦИК и членов Совета Национальностей от РСФСР—докладчик тов. КИСЕЛЕВ.

И. о. секретаря Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета
ЯН ПОЛУЯН.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ.

Котировка фондового отдела при МТБ

11 марта.

К концу биржи оставалось

	Продавцы.	Покупат.	Справ. цены.
1-й 6% заем за обл. в 5 р., вкл. тек. куп.	4 р. 31 к.	4 р. 29 к.	—
2-й 6% заем за обл. в 5 р., вкл. тек. куп.	5 р. 04½ к.	5 р. 02½ к.	—
2-й кр. заем за обл. в 5 руб.	5 р. 08 к.	5 р. 06 к.	—
В. з. 1926 г. (за облиг. в 100 р.)	112 р.	109 р.	—
Пл. об. 6-м. ср. 1/IV 27 г.	102 р. 50 к.	102 р. 30 к.	—
То же „ „ 1/V 27 г.	101 р. 50 к.	101 р. 30 к.	—
То же „ „ 1/VI 27 г.	100 р. 50 к.	100 р. 30 к.	—
То же „ „ 1/VII 27 г.	99 р. 50 к.	99 р. 30 к.	—
То же „ „ 1/VIII 27 г.	98 р. 50 к.	98 р. 30 к.	—
То же „ „ 1/IX 27 г.	97 р. 50 к.	97 р. 30 к.	—
Фунты стерл. нал.	9 р. 44½	9 р. 41½	9 р. 43½
То же чеки загран.	9 р. 43½ к.	9 р. 40½ к.	
Долл. С. Ш. нал.	1 р. 94¾ к.	1 р. 94 к.	1 р. 94¼ к.
То же чеки загран.	1 р. 94¾ к.	1 р. 93⅝ к.	
Франки фр. за 100	—	—	7 р. 53 к.
Кроны шв. за 100	—	—	51 р. 24 к.
Кроны норв. за 100	—	—	50 р. 00 к.
Кроны дат. за 100	—	—	51 р. 28 к.
Марки герм. за 100	—	—	46 р. 12 к.
Марки фин. за 100	—	—	4 р. 87 к.
Марки эст. за 100	52,85 к.	51,65 к.	52 к.
Латы латв. за 100	—	—	37 р. 11 к.
Литы лит. за 100	—	—	19 р. 04 к.
Лиры итал. за 100	—	—	8 р. 56 к.
Гульд. голл. за 100	—	—	77 р. 64 к.
Лиры тур. за 100	—	—	97 р. — к.
Сд. крупн. 2-й крест. в. з.			5 р. 06 к.
„ „ пл. об. на 1/IX			97 р. 40 к.
Сд. мелк. 1-й 6% в. з.			4 р. 29 к.
„ „ 2-й крест. в. з.			5 р. 05⅛ к.

На бирже труда.

СПРОС НА РАБОЧУЮ СИЛУ.

Московская биржа труда извещает безработных, состоящих на ее учете, что сегодня требуются: по секции металлистов—1 наметчик, 2 механика по геодезии, 1 кузнец, 2 водопроводчика, 2 слесаря по весам, 2 электромонтера, 10 жестянщиков, 1 котельщик, 5 токарей, 1 строгальщик, 2 кочегара, 1 слесарь по электро-монтажному делу, 1 машинист по холодильным машинам, 1 сверловщик, 1 монтер по под'емникам, 1 гравер по стали; секция кожевников—2 шорника-ортопедиста.

Явка 14 марта: секция нарпит—все опоздавшие на отметку; секция текстильщиков—все ткачи; Рогожско-Симоновская биржа—мужчины с «К» до «М»; Краснопресненская биржа—мужчины с «М» до «Н»; Сокольническая биржа—все опоздавшие на отметку мальчики и девочки; секция швейников—портные пальтовщики и брючники.

Радиопередача.

ОБЩЕСТВО «РАДИОПЕРЕДАЧА»

(ст. имени Коминтерна).

12 марта: 12 ч.—Трансляция из театра им. Мейерхольда торжественного заседания о-ва политкаторжан. 5 ч.—Трансляция торжественного заседания пленума Моссовета, посвященного 10-летию свержения самодержавия, из Большого театра.

13 марта: 10 ч. 30 м.—Передача журнала «Радиолюбитель». 11 ч.—Информационный радиобюллетень ОДР. 11 ч. 30 м.—Лекция по радиотехнике. 12 ч.—Детский концерт, посвященный Февральской революции. 1 ч. 20 м.—«Комсомольская Правда» по радио. 2 ч. 20 м.—Беседа Наркомзема: «Семссуда для крестьянства». 2 ч. 45 м.—Крестьянская газета по радио. [illegible] ч. 40 м.—Крестьянский концерт. 5 ч.—Трансляция из университета им. Свердлова: «Как можно видеть невидимое». 7 ч.—Лекция по радиотехнике. 7 ч. 30 м.—Передача для домашних хозяек. 8 ч.—Трансляция из Харькова концерта, посвященного Тарасу Шевченко.

14 марта: 4 ч.—Радиопионер. 5 ч. 20 м.—Беседа крестьянина-выдвиженца Фролова о страховании. 5 ч. 50 м.—Беседа Санпросвета Наркомздрава: «Что делают санитарные комиссии в селе». 8 ч.—Трансляция концерта из ГАБТ.

ОБЩЕСТВО «РАДИОПЕРЕДАЧА»

(ст. имени Попова).

12 марта: 8 ч.—Трансляция концерта Сеговия из В. зала Консерватории.

13 марта: 4 ч. 30 м.—«Новости радио по радио». 5 ч.—Политический обзор. 8 ч.—Трансляция музыки к балету «Конек Горбунок».

14 марта: 7 ч. 30 м.—Доклад Дома Ученых: «Свет и электричество». 8 ч. 30 м.—Трансляция концерта Персимфанса.

Станция МГСПС в Доме Союзов и по проволочной сети в рабочие клубы.

12 марта: 5 ч.—Трансляция торжественного заседания из Большого театра.

13 марта: 6 ч.—Материалы орготдела Моссовета. 6 ч. 30 м.—«1 марта 1881 г.»—лекция тов. Ангарского. 7 ч. 35 м.—Обзор за неделю—Субоцкий. 8 ч. 30 м.—Концерт из Дома Союзов.

14 марта: 12 ч. 15 м.—Радиогазета «Рабочий Полдень». 6 ч.—Беседа Дома Крестьянина: «Выборы и подготовка семян для посева». 6 ч. 30 м.—Лекция Дружинина: «Могут ли организмы предсказывать будущее их потомков». 7 ч. 15 м.—Лекция проф. Самойлова: «Профилактика глазных болезней». 8 ч.—Концерт.

Разные.

— **Вечер, посвященный Максиму Горькому,** состоится 12 марта, в В. аудитории Политехнического музея под председательством президента ГАХН П. С. Когана. Сбор—в пользу пролетарского студенчества МВТУ.

— **Очередная лекция на тему: «Как можно видеть невидимое»,** лектор тов. Галанин, состоится 13 марта, в 5 ч. в., в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова (Миусская пл., д. № 8). Вход свободный.

— **Коммунистическая академия.** Секция научной методологии и общество статистиков-марксистов. 14 марта, в 8 ч. в., в Академии (Волхонка, 14) сост. доклад тов. М. Н. Смит: «Диалектика числа». Билеты можно получать в часы занятий: Знаменка, 11, комн. 73.

— **Воскресный университет при I МГУ.** 13 марта, проф. А. Я. Вышинский: «Уголовный процесс и классовая борьба». (Начало в 11 ч. 30 м., Моховая, 9). Проф. А. Н. Сысин: «Что такое здоровое жилище». Проф. С. Н. Блажко: «Образование и развитие небесных тел». (Начало в 2 ч. дня, ул. Герцена, 6). Плата за вход—20 коп. Посещающим коллективно—скидка 50 проц.

— **«Неврастения и борьба за здоровые нервы».** Диспут на эту тему состоится 15 марта в В. аудитории Политехнич. музея. Участвуют: проф. Е. К. Сепп, Р. М. Фронштейн и др. Нач. в 8 ч. веч. Весь чистый сбор поступит в фонд нуждающегося студенчества 1-го МГУ.

ИЗВЕЩЕНИЯ.

В воскресенье, 13 марта, в 12 ч. дня, в Доме Печати состоится расширенное заседание правления Дома Печати совместно с активом московских журналистов. Приглашаются все интересующиеся работой Д. П. журналисты.

2-й пленум МК ВЛКСМ созывается 19 марта, в 11 ч. утра, в Красном зале МК ВКП(б) (2-й этаж).

МКК вызывает в партколлегию (Рождественск. бульв., 12), к партследователю тов. Калибера тов. Подольского, Петра Алексеевича, п. б. № 154758; и к следователю т. Пиклатт. Босенко, Давида Лонгиновича, Гунько-Гаркуи, Бориса Павловича, Коробова, Василия Афанасьевича, Кричевского, Бориса Львовича.

Истпарт ЦК ВКП(б). 12 марта, в 7 ч. в., в пом. НТУ ВСНХ (Мясницкая, 1, зал засед. НТО) сост. засед. северо-кавказской группы (Дон, Кубань, Черноморье, Ставрополье и Терек). Повестка: продолжение доклада т. Черного: «Советская власть на Кубани в 1918 г. и образование Северо-Кавказской республики».

Истпарт ЦК ВКП(б). 15 марта, в 8 ч., в Деловом клубе (Мясницкая, 1) сост. собр. одесской группы (1917 г.). Повестка: доклад т. Юдовского: «О захвате власти».

Истпарт ЦК ВКП(б). 13 марта, в 5 ч., в институте им. т. Бронера (Б. Грузинская, 10, вблизи Зоологич. парка) сост. общее собрание групп: сибиряков-подпольщиков, сибиряков и дальневосточников периода 1914—1921 гг. Повестка: отчет о работе группы сибиряков-подпольщиков, отчет о работе группы сибиряков и дальневосточников нового периода. Слияние групп. Выборы бюро. Билеты можно получить 12 и 13 марта у т. Гума (Арбат, ул. Воровского, д. № 11, кв. 1).

Истпарт ЦК ВКП(б). 12 марта, в 6 ч., в пом. Мальцкомбината (Мясницкая, 1) состоится собрание брянской группы. Повестка: продолжение прений по докладу т. Шоханова: «История бежицкой парторганизации за 1910—1920 гг.».

ПАРТИЙНЫЕ.

Кр.-Пресн. р. 14 марта сост. делег. собр. в сл. базах: районов. (5-я Тверск.-Ямск., д. 3)—в 8 ч., клуб ф-ки «Оборона» (Сущевская, 27)—в 5½ ч.; кл. «Кр. Пресня» (Пресненская заст.)—в 4½ ч.; ф-ка № 3 Москвошвей (Н.-Слободская ул., ут. Палихи)—в 5 ч.; МИИТ (Бахметьевская, 15)—в 5½ ч.; «Кр. Маяк» (Тверская, 48)—в 4½ ч.; «Электролампа» (Кудринск. пер., 10)—в 4½ ч.; 1-й группы химиков (М. Бронная, 27)—в 5 ч. Самост. делег. собр. проходят в назнач. дни мести. органна.

Баум. р. 14 марта, в 9½ ч. утра, в райк., комн. 48, сост. семинар. секрет. ячеек освобожденных; в 5½ ч., в райк., комн. 39, семинар. секр. ячеек неосвобожд.; в 5½ ч., комн. 35, семинар. работников ячеек; 15 марта, в райк., комн. 35, сост. засед. препколлектива руковод. школ политграм. II ступ. в 6 ч. веч. (препколлектив № 1 и 2).

Зам. р. МОПР. 13 марта, в 11 ч. утра, в клубе «Кр. Октябрь» (Берсеневск. набережная), инструкт. доклад на тему: «Парижская Коммуна и МОПР». Явка докладчик., агитпроп. и курсант. обяз. Там же раздача тезисов.

ТЕАТРЫ

Госуд. Академический БОЛЬШОЙ театр. 12-го марта с. г. об'явл. по реперт. 5-й сп. 5-го аб. оп. СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ отменяется. Состоится закрыт. спект. МОССОВЕТА. Билеты не продаются. Деньги возвращаются обратно в кассе Большого театра с 12 до 6 час. веч. до 12-го марта с. г. включ. по пред'явлении целого билета.
13/III—бал. **КОНЕК ГОРБУНОК** в 5 д., муз. соч. ПУНИ. Нач. в 8 час. веч.

Госуд. Академический БОЛЬШОЙ ТЕАТР. 15/III спектакля нет, 16/III—бал Эсмеральда с уч. Е. В. Гельцер. 8 сп. 8 оп. аб., 17/III оп. Борис Годунов, 8 сп. 5 аб., 18/III—оп. Садко с уч. А. В. Неждановой, 9 сп. 7 аб., 19/III—оп. Борис Годунов, 8 сп. 6 аб., 20/III (утро) оп. Руслан и Людмила, (веч.) бал. Спящая красавица, 22/III—оп. Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии.

Государственный ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬН. ТЕАТР Больш. Дмитровка, 6. 12/III—оп. ТРАВИАТА в 4 д., муз. соч. Д. Верди. С уч. нар. арт. респ. А. В. Неждановой. Нач. в 8 час. веч. 13/III—оп. СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА в 3 д., муз. соч. М. П. Мусоргского. С уч. нар. арт. респ. А. В. Неждановой. Нач. в 8 час. веч.

Государственный ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬН. ТЕАТР Больш. Дмитровка, 6. 15/III—спектакля нет. 16/III—оп. Русалка. 17/III—оп. Чио-Чио-Сан, 18/III—оп. Ромео и Джульетта. 19/III—опера Севильский цирюльник, 20/III—опера Демон, 22/III—спектакля нет.

МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР.
Сегодня, 12-го днем (12 ч.): **СИНЯЯ ПТИЦА.** Веч. 5-й спект. 5-го абонем: **У ВРАТ ЦАРСТВА.**
ЗАВТРА, 13, 16 и 20-го днем (12 ч.): Синяя птица. 13-го веч.: Николай I и декабристы. 15, 17, 19 и 22-го: Дни Турбиных. 16-го 5-й спект. 4-го абонем.: У врат царства, 18-го веч. 5-й спект. 1-го абонем.: На всякого мудреца довольно простоты, 20-го веч. 5-й спект. 5-го абон.: У врат царства.
МАЛАЯ СЦЕНА МХАТ (Тверская, 22).
12-го и 16-го: **ДАМА НЕВИДИМКА**, 13-го и 18-го: Елизавета Петровна, 15-го, 19-го и 22-го: Продавцы славы 17-го: На дне. 20-го: Битва жизни. Начало спект. в 8 ч. Составы исполнителей всех спект. вывешены у касс Большой и Малой сцен МХАТ. Касса откр. с 10 ч. утра.

МХАТ 2-й Пл. Свердлова, 2. СЕГОДНЯ, 12-го марта, **В 1825 году.** 13-го (утро) 12-я ночь, 13-го (веч.) Сверчок на печи, 15, 18, 22-го Дело (с уч. М. А. Чехова). 16-го В 1825 году. 17-го Блоха, 19, 23-го Евграф, искатель приключений, 20-го (утро) Орестея, (веч.) Расточитель. Нач. сп. в 8 ч. веч.

Эрмитаж Тверск. б., 23, т. 5-44-18. Сегодня, 12-го (утро) **КОРОЛЬ АРЛЕКИН.** (Вечер) **ДЕНЬ и НОЧЬ**, оперетта ЛЕКОКА. ЗАВТРА, 13-го—День и ночь, оперетта Лекока. Нач. сп. утр. в 1 ч. д. веч. 8 ч. Касса откр. с 10-ти ч. утра до 9 ч. веч.

ГОС. ОПЕРНАЯ СТУДИЯ-ТЕАТР им. К. С. СТАНИСЛАВСКОГО. Б. Дмитровка, 17. Тел. 72-46. Сегодня, 12 марта, **ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН**, начало в 8 ч. час. Воскр. 13 марта—УТРО. ЦАРСКАЯ НЕВЕСТА, нач. в 12 ч. д. Воскр. 13 марта—ВЕЧЕР: ТАЙНЫЙ БРАК. Нач. в 8 ч. веч.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕАТР МУЗЫКАЛЬНАЯ СТУДИЯ (б. музык. студия МХАТ) Б. Дмитровка, 17. Т. 1-96-21. Последние спектакли перед гастрольной поездкой по СССР. 15, 16/III **ДОЧЬ АНГО.** 17/III Пушкинский спектакль. (восл. предст.). 22/III премьера СОЛОМЕННАЯ ШЛЯПА. Нач. в 8 ч. веч. Продажа билетов с 11 час. утра.

Московский государствен. ЕВРЕЙСКИЙ ТЕАТР. Мал. Бронная, 2 (у Никитск. Вор.). Тел. 1-69-10, 5-26-68. СЕГОДНЯ И ЗАВТРА НАЧАЛО в 8 ч. веч. **ТРУАДЕК.**

ГОСТЕАТР им. Вс. МЕЙЕРХОЛЬДА. Большая Садовая, 20. Телеф. 3-63-01. Касса откр. с 11 ч. у. до 9 ч. в. без пер.
СЕГОДНЯ, 12, и 18 марта **ЛЕС.** Начало в 8 час. веч. Завтра, 13, и 15, РЫЧИ, КИТАЙ! Начало в 8 час. веч. 16, 17, 19, 20 марта РЕВИЗОР. Нач. в 7½ ч. веч.

1-й Рабочий театр ПРОЛЕТКУЛЬТА Чистые пруды, 19, помещ. театра „Колизей“, т. 5-40-30 Тр.: А, Б, 1, 3, 4, 6, 14, 21, 22, 24, 31, 23 и 34. Завтра, воскр. 13/III (утро) нач. в 1 ч. **ПУТЬ-ДОРОГА.** Понед. 14/III (веч.)—ПО ТУ СТОРОНУ ЩЕЛИ. Касса 11—2 и 6—9.

1-й ГОСЦИРК. Цветной бульвар, 13.
СЕГОДНЯ и ежедневно: ДВА мир. аттракциона В ОДИН ВЕЧЕР группа бенгальск. **ТИГРОВ** дрессир. франц. арт. Рудольфа Мишэ. Группа африканск. **ЛЬВОВ**-великанов дрессиров. немецк. арт. Эрнеста ШУ. Заграничные аттракционы НОВЫЕ ДЕБЮТЫ.
АНОНС: билеты, взятые на дневное представление 6/III, действит. на дневное представл. 12 марта сего года, в субботу.
Сегодня и завтра, 12 и 13/III—дневное представление с участием ЛЬВОВ и ТИГРОВ. Каждый взрослый имеет право провести 1 ребенка до 8 лет бесплатно, без права занятия отдельного места. Касса открыта с 12 до 2-х и с 6½, до конца представления. Начало вечерн. в 8½, час. веч., днев. в 2 час. дня.

ЦИРК МЮЗИК-ХОЛЛ. Б. Садовая, 18, здание 2 госцирка.
ГРАНДИОЗНАЯ ПРОГРАММА СЕГОДНЯ и ежедневно. Мировой аттракцион. китайский артист **ОКИТО.** Гастроли знам. факира КАМА. Григорий Иванович АФОНИН Наталия Ивановна ТАМАРА. Б. КЛЕЙН и др.
Сегодня и завтра, 12 и 13/III предст. днем с уч. ОКИТО по спец. прогр. Кажд. взр. имеет право пров. реб. до 8 лет беспл., без права зан. им отд. места. Начало веч. в 8½ ч., днем в 2½ ч. дня.

ПОЛИКЛИНИКА медицинской секции ЦЕКУБУ (б. КУБУ).
Арбат, Гагаринский, 37, уг. Плотникова (б. Никольский). Тел. 3-65-40.
Прием ассистентами клиник по всем специальн. ежедневно 10—8 ч.
КОНСУЛЬТАЦИЯ ПРОФЕССОРОВ по предвар. записи.

ВНУТР.	**ЖЕНСКИЕ.**	**НЕРВНЫЕ.**
Бурмин . . . . чет. 3 ч.	Благоволин . . суб. 12 ч.	Вродский пон., пят. 5 ч.
Виперт . . . . пят. 3 ч.	Брауде . . . . чет. 2 ч.	Лахтерев . ср., суб. 5 ч.
Веденин . . . . пят. 7 ч.	Каханский . . . ср. 5 ч.	Майор . . . . . чт. 5 ч.
Ключарев . . . . ср. 3 ч.	Снегирев . вт. 2, пят. 4 ч.	Сепп . . . вт. 1, пят. 3 ч.
Кончаловский . чет. 6 ч.	**ГЛАЗНЫЕ.**	Хорошко . . . . чет. 4 ч.
Павлинов пят. 12, вос. 1 ч.	Авербах . . . . чет. 1 ч.	Чугунов вт. 5, воскр. 3 ч.
Плетнев . . . . суб. 3 ч.	Благовещенский вт. 12 ч.	**КОЖН. И СИФИЛИС.**
Российский . . . ср. 3 ч.	Головин . . . . ср. 5 ч.	Ванноровский { чет. 1 ч. воск. 2 ч.
Фромгольд . . . . вт. 4 ч.	Одинцов . . . . суб. 3 ч.	Иордан . . . . пон. 1 ч.
Шервинский . пят. 11 ч.	**ХИРУРГИЯ.**	Мещерский . . . ср. 2 ч.
Шуровский . . вос. 10 ч.	Бурденко . . . . пон. 6 ч.	Павлов . . . . суб. 1 ч.
Яроцкий . . . . пон. 3 ч.	Мартынов . . . . вт. 4 ч.	**УРОЛОГИЯ.** (Мочевол. и гонорея).
УХО, ГОРЛО, НОС.	Розанов . . . . ср. 6 ч.	Чежиев . ср. 3 ч.; пят. 5 ч.
Малютин пон. 6, чет. 4 ч.	Спасокукоцкий пят. 7 ч.	Соловов . . . . чет. 7 ч.
Серебренников { пон. 1 ч. пят. 2 ч.	Теребинский . . чет. 6 ч.	Фронштейн . . пон. 4 ч.
Шнейдер . . . среда 6 ч.	Федоров . . . . 14/III 6 ч.	**ЗУБН. ХИРУРГИЯ.**
	ОРТОПЕДИЯ.	Даниилевский . . } ежедн.
	Вом . . . . ср. 4 ч.	Евдокимов . . . } 5 ч.
	Шепп . . . . . . суб. 10 ч.	

ОРТОПЕДИЯ (костный туберкулез, различн. искривлен. и др.). . . . 8—8 ч.
ЗУБОВРАЧ. ОТД.: леч., хирургия, пломб., искусств. зубы . . . . 10—8 ч.
РЕНТГЕНОВСКИЙ ИНСТИТУТ: просв., снимки, лечение . . . . . 8—8 ч.
ЭЛЕКТРОЛЕЧЕБНЫЙ КАБИНЕТ . . . . 4—8 ч.
ЛАБОРАТОРИЯ: всевозможные анализы . . . . 10—7 ч.
ВОСКРЕСНЫЙ ПРИЕМ от 10 до 4 ч.

ЧАСТНАЯ
МЯСНИЦКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА д-ра Гдалина
Мясницкая ул., д. № 4 (четыре), у Лубянской площади. Тел. 1-00-83.
ПРИЕМ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

Внутренние . . . . с 8 ч. у. до 9 ч. в.	Мочеполовое отдел. . . . . с 8—9 в.
Хирургические . . . . . . с 8—9 „	Уха, горла и носа . . . . . с 8—8 „
Женские и акушерские . . . с 8—9 „	Туберкулез легких . с 9—1 и 3—7 „
Желудочн. и кишечн. 9—2 и 4—7 „	Болезни сердца . . с 9—12 и 5—7 „
Нервные . . . . с 8—9 „	Зубные: лечение, пломбир. и искусств. зубы . . . с 8—8 „
Венерические . . . . . . с 8—9 „	Глазные (подбор очков) . . с 9—8 „
Сифилис . . . . с 8—8 „	Анализы (кровь, моча и др.) с 8—8 „
Кожные, леч. угрей и пятен, леч. волос . . . . с 9—9 „	

Рентгеновский кабинет: просвечивание, снимки и др. . . . . с 9—1 и 7—8 ч. в.
Вызов врачей на дом по всем специальностям.
ПРИЕМ И КОНСУЛЬТАЦИЯ ПРОФЕССОРОВ ЕЖЕДНЕВНО.
По воскресеньям прием от 9—4.

Частная
СЕЛИВЕРСТОВСКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА врачей Гиршфельда и Бруцкуса
Сретенские ворота, вход с Милютинского пер., д. 4 19. Тел. 4-68-22.
ПРИЕМ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

Детские . . . . с 8—8	Бол. сердца . . . . с 12—2
Горлов., ушн., носов. . . „ 8—8	Кожн., леч. угрей и пятен, леч. волос (вып., перх.) „ 8—8
Венерич. и мочепол. . . . „ 8—8	Костный туберкулез. . . . „ 7—8
Женские и акушерск. . . „ 8—8	Искривл. позв., с'емн. корс. „ 7—8
Хирургическ. . . . . . . „ 8—8	Зубн. бол., пломб., иск. зубы „ 8—8
Глазные (подбор очков) . „ 8—8	Рентг. каб., снимки . . . „ 10—1
Желудочные и кишечные . „ 8—2	Все виды электролечения, горное солнце и ванны . „ 8—8
Нервные и внутр. . . . . „ 8—8	
Туберкулез легких с 8—12 и 6—8	

АНАЛИЗЫ (кровь и моча). Вызов врачей на дом по всем специальностям
По воскр. и праздн. прием с 10—2 Консультации профессоров

Частная д-ра КАГАНА **СТАРО-ТРИУМФАЛЬНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА.**
Садовая, уг. Тверской, дом 2/10. Тел. 5-94-40.
Прием по специальностям и консультация профессоров.

Внутренние . . . . . . 10—12; 1—8.	Хирургия . . . . 2—4.
Кожно-венер. и мочепол. . . 8—8.	Женские, акуш. . . . . 4—6.
Вливание Сальварсана «914».	Нервн. . . . . 6—8.
Ухо, нос и горло . . . 10—2; 5—8.	Туберкулез . . . . . . 8—10; 4—6.

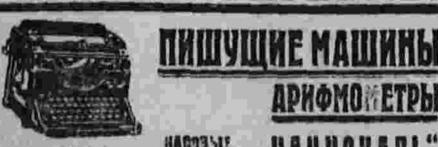
Зубные с 8—8, Глазн., подбор очк. 8—10; 5—5½. Вызов врачей.

Д-р ФИЛИНТЕЛЬ сифилис, венерич., мочепол., вливание „914“. Совет бесплатно. Лечение доступно. Прием мужчин 9—3 и от 5—9, женщин 4—5. Четвертая Тверская-Ямская, 8, кв. 12 (1-й этаж). Тел. 71-72.

Частная **ЛЕЧЕБНИЦА** Н. Н. ГИММЛЕР—Москва, ул. Воровского (Поварск.) 22 для страдающих **ЗАИКАНИЕМ.** (ОСНОВАНА в 1896 г.). При лечебнице ПАНСИОН.

Д-р ЭНТИН. Венерологич. кабин., сифил. и венер. бол. Анализ. Прием во всякое время дня, Тверская ул., Брюсовский пер., 2, кв. 60. Телеф. 5-52-19.

КУПЛЮ МОТОРНУЮ ЛОДКУ с автомоб. двигателем 8—10 Н. Р. Звонить, кроме понедельников, от 10 до 16 час. № тел. 2-56-48.

ПИШУЩИЕ МАШИНЫ АРИФМОМЕТРЫ
ЧАСЫ и ПРИНАДЛЕЖНОСТИ. КАССОВЫЕ АППАРАТЫ **„НАЦИОНАЛЬ“**
Часовые и контрольные ленты собств. фабрики.
БЮРО ТОЧНОЙ МЕХАНИКИ.
1-го Московского Госуд. Ун-та.
МОСКВА, Правл.—Проезд Худож. театра, 3, телеф. 4-92-40 и 5-82-37. Магазин—Ильинская, 14, телеф. 4-12-36.
Телеграфный адрес: МОСКВА, „БЮТОМЕХАНИКА“. 690

ПОДПИСКУ на ВСЕ ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ СССР направляйте в Отдел Подписки Акционерного Издательского Общества **„ОГОНЕК“—МОСКВА, Тверская, 37.**
Немедленное исполнение заказов гарантируется. — Каталоги высылаются по первому требованию за 10-коп. марку. — Все справки по телефону 1-28-19.

СЕГОДНЯ и ЗАВТРА В КИНО:

1-й ХУДОЖЕСТВЕН. СОВКИНО НА АРБАТЕ Воскресенье 13/III—ДВА ДЕТСКИХ СЕАНСА
I. **МИШКА ЗВОНОВ**, детская картина в 7-ми частях. В главной роли мальчик ШУРА ЗИМИН.
II. **СПЛАВ ЛЕСА в ШВЕЦИИ.** (Видовая.) III. **ПРИКЛЮЧЕНИЕ ДЖО.** Комедия в 2-х частях.
Места нумерованы, цены от 35 к. Начало сеансов: 12 ч. и 1.30.

1-й ХУДОЖЕСТВЕН. СОВКИНО НА АРБАТЕ ТОЛЬКО ДВА ДНЯ. СЕГОДНЯ начало с 12 час. дня, ЗАВТРА—с 3 час. дня.
ПАДЕНИЕ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ. большая картина в 7 част.
В картине проходят: 1) Николай II, царица, великие князья, Пуришкевич, Илиодор, Милюков, Гучков и ряд других военных и политических деятелей царской эпохи. 2) Эпоха временного правительства: Львов, Керенский, Церетели и другие политические деятели этого периода. 3) Ряд действительных кино-документов царского и дооктябрьского периода.
Все места на дневные сеансы до 6 ч. веч. по 50 коп. С 6 час. веч. места нумерованы. Цены понижены: от 45 к. до 1 р. 05 к. Картину иллюстрирует оркестр под управл. Ф. Ф. КРИШ. Сегодня театр открыт ТОЛЬКО с 12 час. дня до 3 час. вечера.

КИНО АРС Тверская 61 2-я неделя ЕЖЕДНЕВНО монопольно. Исключительный успех. **СОРОК ПЕРВЫЙ.** Режиссер Я. А. Протазанов.
СЕГОДНЯ и ЗАВТРА начало сеансов: 5, 6.15, 7.30, 9, 10.30. На 1-й сеанс в 5 ч. все места по **50 коп.** Касса с 12 ч. дня

ГОРН (б. Ханжонков.) Триумфальн. пл. Т. 5-50-03. Начало с 5-ти часов. Цены понижены. **ПАДЕНИЕ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ.** На 1 сеанс все места по 35 коп.

КОЛИЗЕЙ Чистые пруды, тел. 5-40-30 **ПАДЕНИЕ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ.** Начало с 5 час. На 1-й сеанс все места по 40 к. Анонс: с 15/III — ЛЮБОВЬ ВТРОЕМ.

ФОРУМ Садов.-Сухарев., 14. Тел. 5-72-20. Художественная КАРТИНА **КРЕПЫШ.** Начало сеан.: 12, 1.30, 3, 4.30, 6, 7.30 9 и 10.30. Касса с 10 ч.

УНИОН Никитск. Вор. Т. 1-52-44. ДНЕМ ТЕАТР ОТКРЫТ. **ЖИЗНЬ, КАК ОНА ЕСТЬ.** Нач. с.—днев.: 12.30, 2, 3.45, 5.30 веч.: 7.15, 9 и 10.30.

УРАН Сретенка, 19. Т. 2-13-74. Начало с 4 часов. **ПАДЕНИЕ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ.**

КОЛОСС Б. зал Конс., ул. Герцена, Тел. 5-74-12. Нач. 5.30. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 13 марта, **ПАДЕНИЕ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ.**

ГОСКИНПРОМ ГРУЗИИ
выпускает на-днях в прокат в лучших театрах Москвы художественную картину
БЭЛА
В главн. роли Тина МАЧАВАРИАНИ.

1-й ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НА АРБАТЕ СОВКИНО ТЕЛ. 1-67-95
СО ВТОРНИКА 15-го МАРТА
ПРЕМЬЕРА
ТЕАТР ОТКРЫТ С 12 Ч. ДНЯ
на дневные сеансы все места по 50 коп.

ЛЮБОВЬ ВТРОЕМ
Режиссер РООМ. Оператор ГИБЕР.
Муж—БАТАЛОВ.
Жена—СЕМЕНОВА.
Третий—ФОГЕЛЬ.
С 6 часов вечера места нумерованы. Цены понижены: от 45 коп. до 1 руб. 05 коп.
Картину иллюстрирует оркестр под управлением Ф. Ф. КРИШ.
НАЧАЛО СЕАНСОВ: 12, 1³⁰, 3, 4³⁰, 6, 7³⁰, 9, и 10³⁰.

СТЕНОГРАФИЯ ДЛЯ ВСЕХ
Руководство для самообуч. Н. Н. СОКОЛОВА, одобрено МОСК. НАУЧНЫМ СТЕНОГРАФИЧ. О-ВОМ и изуч. днв. сист. 2-е изд. Ц. 2 р. 25 к. Наложенным платежом—2 р. 50 к.
РУКОВОДСТВО ИСПРАВЛЕНИЯ **ПОЧЕРКА**
Н. Я. КАЛМЫКОВА содержит 210 упражн. с прилож. транспарантов. В короткий срок можно самостоятельно научиться красиво и быстро писать. Цена 1 р. 50 к. Налож. плат.—1 р. 75 к. Москва, Нов. Басманная ул., д. 6, кв. 1. Паршин, И. А.

С 15 МАРТА в кино-театрах: ФОРУМ, ГОРН, МАЛЫЙ МОНОЛИТНОЕ [illegible], УРАН
ПРОСТИТУТКА
Производство „БЕЛГОСКИНО“.

ГОСИЗДАТ
ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ ЖУРНАЛ
„КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“ № 6 (март № 2).
СОДЕРЖАНИЕ:
Общий отдел. А. ШЕСТАКОВ.—Исторический опыт февраля. А. ШЛИХТЕР.—Неудачная попытка ревизии марксизма. **На идеологическом фронте.** А. АРШАРУНИ.—Под маской аполитичности идеологии. **Упадочные настроения среди молодежи.** (Дискуссия в Коммунистической Академии). **Агитация и пропаганда в театре.** И. БЕСПАЛОВ.—Вопросы театральной политики. Театральное совещание в Наркомпросе. **Методика агитпропработы в теории и на практике** Б. ЗОРИНА.—Методика на службе партийного воспитания. Г. БАК.—„Метод летучки“. **За рубежом.** Г. БОССЕ.—Агитпропработа Американской компартии. **Практика агитпропработы.** И. ТАЙШИН.—Языком фактов (б учебе актива. **Из опыта местной работы.** Доклады местных организаций в ЦК. **В Агитпропе ЦК.** К вопросу о системе и перспективах партпросвещения (заседание коллегии АПО ЦК ВКП(б). **Критика и библиография. Приложения.** Комментарии к 21, 22, 23 и 24 беседам нормальных школ политграмоты.
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1927 год.
Подписная цена: на журнал с приложением 1 серии 10 р. 40 к., на журнал без приложений: на год—8 р. 40 к., на 6 мес.—4 р. 50 к., на 3 мес.—2 р. 30 к.
Цена отдельного номера—40 к. Для годов. подписч. допуск. рассрочка: При подп. на журнал с прилож.—6 р. и не позднее 1/VI—4 р. 40 к.; при подп. на журнал—5 р. и не позднее 1/VI—3 р. 40 к.
Приложения для годовых подписчиков. I серия. **Сталин, И.**—Вопросы ленинизма. Ц. 1 р. 90 к. **Бухарин, Н.**—Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз. Ц. 45 к. **Бубнов, А.**—Основные вопросы истории ВКП (б). Ц. 65 к. **Петроградская Общегородская и Всероссийская Конференция РСДРП(б) в апреле 1917 г.** Ц. 85 к. Всего за 2 руб., вместо 4 р. 05 к. в розничной продаже II серия—Стенографический отчет XV конференции ВКП(б) высылается годовым подписч. со скидкой 30% Ц. 2 р. 90 к., в пер. 3. 50 к.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ в Отделе Подписки Госиздат, **Москва.** Воздвиженка, 10, **Ленинград**, пр. 25 Октября, 28, в магазинах, киосках и отделениях Госиздата, у уполномоченных, снабженных соответств. удостов., во всех почт.-тел. конторах, а также в киосках Акц. О-ва „МОП“.

ГОСИЗДАТ.
НОВЫЕ КНИГИ
МОЛОТОВ, В.—Политика партии в деревне. Статьи и речи. Изд. 3-е дополн. Стр. 379. Ц. 1 р. 65 к.
Дискуссия о профсоюзах. Материалы и документы. 1920—21 г.г. Предисл. Я. Рудзутака. Стр. 212. Ц. 1 р. 20 к. (ВКП (б) в борьбе с уклонами. Серия пособий для партийного самообразования и совпартшкол).
КОН, Александр.—О новой „Экономике“ Е. А. Преображенского. Стр. 108. Ц. 55 к.
ДАТТ, Р. П.—Вопросы индийской революции. Перев. с англ. под ред. П. А. Тивеля. Стр. 152. Ц. 1 р. 20 к.
Содержание: Постановка проблемы. Прежняя база британского империализма в Индии. Современный империализм в Индии. Национальное движение. Крестьянство, рабочий класс и национальное движение. Религиозные и расовые проблемы. Цели национальной борьбы. Что нужно сделать? Организация рабочего отдела. Индия и международный пролетариат.
ВАГАНЯН, В. — О национальной культуре. Стр. 190. Ц. 1 р. 50 к.
Буржуазия накануне Февральской революции. Сборник серии „1917 год в документах и материалах“ под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. Центрархив. (Выходит на-днях).
1905 г. История революционного движения в отдельных очерках. Под ред. М. Н. Покровского. Том III, **Вып. I. От октября к декабрю.** Революционное движение национальностей и окраин. Стр. 304. Ц. 3 р.
Материалы по истории восстания декабристов. Под общ. ред. и с предисл. М. Н. Покровского. Т. IV. Дела Верховного Уголовного Суда и следственной комиссии, касающиеся государственных преступников (Центрархив). Стр. 486. Ц. 6 р.
ДЕБЕР, П. Я. и ШЕР, М. Л.—Очерки хозяйственной жизни Дальнего Востока. Стр. 300+1 схема. Ц. 3 р. 50 к.
ЛЮБИМОВ, Лев.—Учение о ренте. Ц. 4 р. 75 к.
ЖИЖИЛЕНКО, А. А., проф. — Преступление против личности. Стр. 140. Ц. 2 р. 25 к.
ПРОДАЖА ВО ВСЕХ КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ.
Москва, 9, Госиздат „КНИГА ПОЧТОЙ“ высылает книги наложенным платежом. При высылке всей стоимости вперед (до 1 р. можно почтовыми марками) пересылка **БЕСПЛАТНО.**

БУХГАЛТЕРИЮ можете изучить **ДОМА** с большим успехом БЕЗ ПОМОЩИ УЧИТЕЛЯ по специально составленному для этой цели руководству преподавателя курсов коммерческих знаний А. Л. ГОЛЬДИНА.
Никакой подготовки не требуется. Изложение всех курсов вполне ясное и понятное для всех.
Курс вмещает полностью все виды счетоводства и успешно готовит к практической, самостоятельной работе бухгалтера. В курсе имеется большое количество готовых образцов для ведения счетоводной отчетности, примеров с подробными решениями. 520 страниц текста, в 2-х частях Цена 1-й части—3 р. 50 к., 2-й части—3 руб.
Каждая книга, по желанию, высылается отдельно. Пересылка каждой книги 30 коп., наложенным платежом на 10 коп. дороже.
Того же автора — книга — **«КОММЕРЧЕСКИЕ ВЫЧИСЛЕНИЯ»**, по которой каждый может самостоятельно легко изучить всевозможные торговые расчеты, процентные, товарные и вексельные вычисления. 272 стр. Цена курса 3 р. 50 к., с пересылкой 3 р. 90 к.
Письма и переводы направлять на имя автора по адресу: Ленинград, ул. Красной Связи, 4—3, А. Л. ГОЛЬДИНУ.

Заочные проф.-экономич. курсы **„ПОЛИГЛОТ“**, сост. в ведении С.-К. Крайпрофобра.
Бухгалт., коммерч. выч., делопроизвод., корресп., исправл. почерка, техн.-худож. черчен. Занятия посредством переписки по почте. Проспект, брошюры—бесплатно. Адрес: Ростов-Дон, «ПОЛИГЛОТ».
Окончившие курсы подвергаются испытаниям в Квалификационной Комиссии и получают соответствующее свидетельство.

БЕСПЛАТНО высыл. брошюра, как стирать белье, шелк., шерстян. и др. вещи без щелока, без мыла, без труда Акц. О-во „Виогит“. Москва, Тверская, 28/г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ Москва 19, Волхонка, 14, тел. 1-25-81.
М. АЛЬСКИЙ
КАНТОН ПОБЕЖДАЕТ...
В книге масса иллюстраций. Стр. 152. Цена 1 р. 40 коп.
СОДЕРЖАНИЕ:
1. Предисловие. 2. Кантон побеждает. 3. Рабочее движение в Гуандуне. 4. Шанхай-Шаминские „Патронов не жалеть!...“ 5. Гонконг на ущербе. 6. Борьба за Кантон. 7. В Китае. 8. Приложение: I. К вопросу о характере Кантонского Правительства. II. Дневник событий в Кантоне. III. Карта Гуандунской провинции и схема крестьянских организаций в этой провинции.
ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ в книжный магазин Издательства Коммунистической Академии Москва, 26, Моховая, тел. 2-38-97

ПОЧЕРК МОЖНО ИСПРАВИТЬ. Книжка (64 стр.) «Исправление почерка», содержащая 60 упражн., со всеми образцами для самостоятельного, без помощи учителя, исправления плохого почерка, с прилож. транспаранта, стоит один р. Высылается по получ. 1 руб. или с налож. плат. за 1 р. 25 к. Вторая книжка «Каллиграфия», для изучения каллиграф. письма, стоит 1 р. 20 к., с нал. плат. 1 р. 50 к. Обе вместе с нал. платежом за 2 р. 50 к. ЛЕНИНГРАД, Кирочная ул., № 2—12, Д. А. Писаревскому.

КАК ПИСАТЬ СТАТЬИ, стихи, рассказы—Шенгели. 80 к. Как работать с книгой, как написать доклад—Лядов. 25 к. Азбука умственного труда—Рабельский. 75 к. **ПРАКТИКА САМООБРАЗОВАНИЯ** опыт системы самообраз. чтения применительно к личным особенностям читателей—Н. А. Рубакин 1 р. 50 к. и другие книги высылает наложен. плат без задатка Книжный магазин **„ТРУД“** Москва—центр, Моховая, № 15.

СПРАВОЧНИКИ Германского Академического Союза „HÜTTE“ в русских переводах.
I
ХЮТТЭ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ в трех выпусках.
Этот капитальный труд посвящен разработке вопросов организации производства, управления и технологии.
Материалы, средства и орудия производства, рабочая сила и организация управления, рационализация трудовых процессов, стандартизация и нормализация, психотехника и рациональный подбор, подготовка квалифицированных рабочих—вот те вопросы, которые разработаны в предлагаемом в русском переводе труде.
При взятом курсе на индустриализацию страны потребность в таком пособии для СССР огромна.
Русское издание пополнено сведениями применительно к потребностям нашей индустрии.
ЦЕНА ЗА ВСЕ ТРИ ВЫПУСКА В ПЕРЕПЛЕТАХ ВОСЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.
ВСЕ ВЫПУСКИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ.
Выписывающие от издательства за пересылку не платят.
Подробный проспект этого труда высылается по требованию бесплатно.
II
ХЮТТЭ РАСЧЕТНЫЙ в одном выпуске.
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ТАБЛИЦЫ ДЛЯ ТЕХНИЧЕСКИХ ВЫЧИСЛЕНИЙ.
Перевод дробей; разложение сложных чисел; определение передаточных отношений в коробках передач станков и проч. Примеры производственного характера.
СПРАВОЧНИК ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ.
Цена в коленкоровом переплете 2 р., с перес. налож. плат. 2 р. 25 к.
III
ХЮТТЭ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ в девяти отделах.
Этот труд составлен при участии 47 специалистов, пользующихся в Германии большой известностью в области технических знаний.
Хютте-металлургический является единственным в своем роде вкладом в мировую техническую литературу.
В книге разработаны следующие вопросы: металлография; металлургическая химия и физика железа; химические анализы; испытание материалов; железные руды и их месторождения; измерительное искусство; искусство отопления; разбивка доменного завода; силовые станции; паровые котлы и турбины; дизели; электрические двигатели; получение железа и стали; литье; прокатные заводы; отделка жести и проволоки; штампы; производство цемента; физические, химические, технические и расчетные таблицы; нормы и стандарты, принятые в Соединенных Штатах Сев. Америки.
ВЕСЬ ТРУД ВЫЙДЕТ ИЗ ПЕЧАТИ В АПРЕЛЕ С. Г.
Цена по предварительной подписке в коленкоровом переплете 14 РУБ.
По выходе из печати цена будет значительно повышена.
При подписке высылается два рубля. Приславшие вперед всю подписную плату за пересылку не платят.
Подробный проспект этого издания высыл. по требованию бесплатно.
ТРЕБОВАНИЯ и ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ: Московскому Акционерному Издательскому Обществу 722 МОСКВА, Малая Дмитровка, 8/16.

Книгоиздательство „СВЕТОЧ“ об'являет подписку на новый труд
проф. Г. ДУББЕЛЯ ДВИГАТЕЛИ ВНУТРЕННЕГО СГОРАНИЯ.
Перевод с немецк., изд. 1926 г. Под редакцией инженеров М. П. ЗЕЛЬДОВИЧА и К. В. КОХАНОВСКОГО. В 3-х выпусках. 500 стр., около 550 фиг. и табл. Первый выпуск выйдет из печати в МАРТЕ с. г.
Цена по подписке 10 руб. По выходе из печати цена будет повышена.
УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:
При заказе вносится задаток 2 р.; при получении 1 выпуска 3 р.; при получении 2 выпуска 3 р.; при получении 3 вып. 2 р.
ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ направлять: МОСКВА, 19, улица Герцена, 22/1, Книгоиздательству «СВЕТОЧ».

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ
Инж. М. КАПЛАН. Справочник инженера, под ред. и с предисловием проф. В. Д. Коваля. Изд. 1927 г., в пер. 3 р. 75 к.
Scio — карманная книга для инженеров и техников, в пер. 2 р. 40 к.
ШЮЛЕ. Основы технической термодинамики, перевод с последнего немецкого издания 1927 г. 5 р.
ШОЛЬЦ. Судовые двигатели внутр. сгорания. 1927 г. 5 р.
Инж. ДАНИЛОВ. Обезвреживание городских нечистот, изд. 1927 г. 2 р. 40 к.
ДЕНСОН. Как устранить помехи при радиоприеме. 45 к.
МЮЛЬМЕН. Как настроить радиоприемник. 45 к.
Все об антеннах. 12 табл.-чертежей, с указаниями: как самому построить и установить антенну любого типа. 1 р.
Инж. РЕЙСИХ. Монтаж мельниц. Спутник мельника-монтера. С рис. 3 р.
Инж. РЕЙСИХ. Зерно, его очистка и хранение. С табл. и рис. 2 р.
М. Л. РУДНЕВ и Г. Л. КАНДЕЛЬ. Уголовный процесс в его движении. Пособие по изучению уголовного процесса для судебных работников. С приложением типичного дела. Изд. 1927 г. Ц. 2 р. 75 к.
Вместо мелк. денег (до 5 р.) можно высыл. почт. марки до 50 к. каждая, в заказ. письме.
При высылке денег вперед пересылка бесплатно.
ДЕНЬГИ и ЗАКАЗЫ направлять: МОСКВА, 19, Ул. Герцена, 22/1, Книгоиздательству «СВЕТОЧ».

НА ГИТАРЕ, МАНДОЛИНЕ и БАЛАЛАЙКЕ можно без знания нот легко научиться играть. Общее руководство для трех инструментов с новейш. песнями, романсами и проч. по цифр. системе высыл. наложен. плат. за ДВА р. 75 к.
НА ГАРМОНИИ (двухрядн.) самоучитель по той же системе с 30 мотивами. № 34. Цена налож. плат. ДВА р. 75 к. «Русско-Иностранная книга», Москва, улица Герцена, д. 6/10.

Акц. О-во **„МЕЖДУНАРОДНАЯ КНИГА“** Москва, Кузнецкий м., 12.
НА ВСЕ КАНЦТОВАРЫ С 15-го МАРТА
ЦЕНЫ СНИЖЕНЫ.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО **„НЕДРА“**
РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА: Свердловская площ., д. 2/7, помещ. 10. Тел. 5-05-93. СКЛАД: Тверская, Пименовский пер., д. 6. Тел. 2-17-71.
В виду перехода на издание ТОЛЬКО художественной литературы нижеследующие остатки изданий предл. по пониженн. цене:
РИХАРД МЮЛЛЕР.
„МИРОВАЯ ВОЙНА И ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“.
Авторизованный перевод с немецкого с иллюстрациями и приложением исторических докум. Т. 1-й, стр. 288. Т. 2-й, стр. 420. Цена за оба тома 3 руб.
Издание Р. М. ПЛЕХАНОВОЙ.
„Переписка Г. В. ПЛЕХАНОВА и П. Б. АКСЕЛЬРОДА“.
Том 1-й, стр. 275. Том 2-й, стр. 301. Цена за оба тома 3 р.
ЦЕНЫ С ПЕРЕСЫЛКОЙ.

ПЕЧАТАЕТСЯ И В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ
№ 16—17 ВЫЙДЕТ № 16—17
НОВОГО ВОСТОКА
органа Научной Ассоциации Востоковедения при ЦИК СССР, издаваемого под общей редакцией М. П. Павловича.
В журнале будут помещены статьи: М. Павловича—«Задачи советского востоковедения» (к 5-летию НАВ), К. Радека—«Основные вопросы китайской истории», Б. Семенова—«Борьба вокруг Шанхая», В. Виленского (Сибирякова)—«Современная Япония», А. Е. Ходорова—«Китай и мировое хозяйство», Х. Эйдуса—«Крестьянское движение в Японии», Попова-Ленского—«Британская имперская конференция», Иолдуз—«От революции к контрреволюции» (судьбы младотурецкой партии), М. Павловича—«Греческий империализм в эпоху мировой войны», В. Гурко-Кряжина—«Прошлое и настоящее Сов. Армении», А. Зонненштраль-Пискорского—«Внешняя торговая политика Турции», П. Китайгородского—«Абиссиния», В. А. Обручева—«Ископаемые богатства Афганистана», И. Н. Бороздина—«Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму», А. Ивина—«Китайский язык и китайская литература», В. Зуммера—«Проблемы изучения искусства тюркских народов», С. Вельтмана—«Литературные отклики» (в поисках «Атлантид»), А. С. Башкирова—«Тамань» и многие другие. Письма и корреспонденции. Библиография. Указатель статей всех вышедших номеров «Нового Востока». Отчеты НАВ за пять лет. Хроника.
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ.
ЦЕНА за 6 номеров—12 руб.
АДРЕС РЕДАКЦИИ: Никольская, 10. Тел. 2-85-24.

Издательство **„ГОРОД и ДЕРЕВНЯ“** МОСКОВСКОГО КООПЕРАТИВНОГО СОВЕТА
Москва, Воздвиженка, 10. Почтов. ящик № 772. Телефон 4-47-20.
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1927 год на ежемесячный журнал **„МЕЖДУНАРОДНАЯ КООПЕРАЦИЯ“** под редакцией В. В. Мещерякова.
Единственный в СССР периодический орган по вопросам международного кооперативного движения.
ВЫШЕЛ и разослан подписчикам № 2 (февраль).
СОДЕРЖАНИЕ: Дж. Мерфи—Кооперативное движение и война с Китаем. Анжело Серра—Идеологические и практические проблемы фашистской кооперации. К. Эртингер—Политические тенденции в рабочей кооперации Германии. В. Михлин—Единство чешской кооперации под угрозой. К. Биттель—Конференция пленума кооперативного отдела коммунистической партии Германии. М. Мойов—Безработица и задачи кооперации во Франции. М. Горов—Борьба болгарской буржуазии против кооперации. Ганс Штейн—Сельскохозяйственная кооперация в Японии. Великобритания—Конгресс кооперативной партии. Австралия—Кооперативное движение в Австралии. С.-А. Соединенные Штаты—Как кооперативные бюрократы проводят решения с'ездов. Германия—Падение числа членов кооперативных организаций. Швеция—Соглашение между кооперацией и профсоюзами. Г. Барк—Жид Шарль. Кооперация за границей. Англия и Россия.
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на год—5 руб., на полгода—3 руб., на 3 мес.—1 руб. 75 к.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Изд-ва „ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“ к наступающему строительному сезону предлагает следующ. книги:
СПРАВОЧНИКИ:
АСТАФЬЕВ, А. Ф., проф.—Инженерный календарь на 1927 год. Ц. 3 р. 50 к.
КАПЛАН, М. И., инж.—Справочник инженера. Ц. 3 р. 75 к.
БУРЧЕ, Ф. Я.—Урочные нормы и расценки на строительные работы в метрич. и русск. мерах. Ц. 6 р. 50 к.
КЛЕЙНЛОГЕЛЬ, А., проф.—Составление смет на железобетонные сооружения. Ц. 1 р. 70 к.
ЕГО ЖЕ.—Формулы для расчета рамных конструкций. Ц. 2 р.
ЛУНИН, Б. С., гр. инж.—Железобетон. Ц. 2 р.
МОЛОТИЛОВ, Н. И., инж.—Таблицы для расчета железобетон. конструкций. Ц. 2 р. 25 к.
НИКИТИН, архит.—Практич. детальн. расценки стоимости текущ. ремонта помещений. Ц. 3 р.
ПЕСОЦКИЕ, Н. и А., инж.—Справочная книга по металлам и строительным материал. Ц. 2 р.
ПРЕЙС, П. В., гр. инж.—Конструкции зданий. Ц. 4 р. 50 к.
ЕГО ЖЕ.—Строительные работы. Ц. 5 руб.
«Справочник по жилищному строительству». Ц. 7 р.
ЧАЙКО, М. Г., инж., и ПИШКО, Л. П., проф.—Справочник по ремонту и производству строительных работ. Ц. 3 р. 75 к.
«Ценник для определения стоимости строений и инженерно-технич. сооружений», ред. Поликова, Ф. Г. Ц. 2 р. 50 к.
ХЮТТЕ Производственный.—Справочн. книга для производственников, под об. ред. инж. Ривоша, О. А., в 3 томах. Ц. 18 р.
ФЕЛИНД, П. ГЕРЛЯХ.—Инженерный справочник. Ц. 5 р.
«Строительный справочник для техников и десятников», сост. Гальперсон, В. О., и др. Ц. 5 р.
«Справочник цен на строит. материалы и трансп. средства» на 1 январь 1927 г., в г. Москве. № 4. Ц. 2 р. 50 к.
ТЕХНИЧЕСКИЕ РУКОВОДСТВА:
БЕЛЯЕВ, С. В., проф.—Планировка, устройство и оборудование зданий. Ц. 3 р. 25 к.
БУДАКОВ, Н. А., инж.—Железобетон. Ц. с альб. черт. 3 р. 50 к.
ГЕВИРЦ, Я. Г., проф.—Архитектурные формы и композ. здан. Ц. 3 руб.
ГЕСТЕШИ, Т.—Деревянные строительн. конструкции. Ц. 4 р.
ГОФМАН, В. Л., проф.—Планировка и конструирование фабр.-заводск. зданий. Ч. 1-я. Ц. 7 р.
ГРИГОРЬЕВ, В. К., архит.—Строительные материалы. Ц. 4 р. 50 к.
«Дома облегченных конструкций». Ред. Ветошкина, С. И. Ц. 3 р. 50 к.
ДМОХОВСКИЙ, В. К., проф.—Основания и фундаменты. Ц. 2 р. 50 коп.
ЗАЛИГЕР, Рудольф. — Железобетон, его расчеты и проектирование. Ц. 8 р.
ЗИТТЕ, К.—Городское строительство с точки зрения его художеств. принципов. Ц. 2 р. 75 к.
ЗОТОВ, П. П. — Вентиляция на фабр.-заводских предприятиях. Ц. 1 р. 60 к.
ИВАНОВ, В. Ф., проф. — Города-сады и поселки для рабочих. Ц. 75 коп.
ЛАХТИН, Н. К., проф., и КАЦ-КАРОВ, Н. А., проф.—Железобетон. Ч. I. II и III. Ц. 7 р. 20 к.
ЛОЛЕЙТ, А. Ф.—Курс железобетона. Ц. 3 руб.
МАЧИНСКИЙ, В. Д., проф.—Рабочий поселок. Ц. 1 р. 75 к.
ПРЕЙС, П. В., гр. инж.—Планировка городов и поселков. Ц. 3 р.
РИВОШ, О. А. — Металлические стропильные фермы. Ц. 6 р.
«Прочность и устойчивость сооружений». Скабазанович, В. Н. Ц. 1 р. 25 к.
СУДЕЙКИН, Григ.—Проекты небольш. жил. построек из дерева. Вып. I. Ц. 40 к.
ЕГО ЖЕ. То же. 2-й вып. Ц. 40 к.
ТУРКУС, В. А., и ЛИХУШИН, Н. М., проф.—Расчет разветвлен. трубопроводов. Ц. 80 к.
ИХ ЖЕ.—Определение мощности вентилятора по потерям в трубопроводе. Ц. 1 р. 20 к.
ФИЛОНЕНКО-БОРОДИЧ, М. М., проф. — Основы теории работы упруг. сил в плоских системах. Ц. 2 р. 75 к.
ШИШАЦКИЙ, Н. Д. — Провинциальн. постройки. Т. I. Ц. 3 р. 30 коп.
ЭВАЛЬД, В. В., проф.—Строительн. материалы. Ц. 7 р.
Кроме перечисленных книг магазин высылает книги всех издательств наложенным платежом без задатка. При выписке книг на сумму более 10 руб.—пересылка за счет магазина.
С требованиями обращайтесь: Москва, центр, Петровка, 15/10, книжный магазин «Экономическая Жизнь».

Издательство газ. **„ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“**
Вышла из печати и поступила в продажу
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАРТА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР.
Карта напечатана на 6 листах формата 72 × 108 см. каждый; в склеенном виде карта имеет формат 2 метра × 2 метра. Напечатана карта в семь красок на плотной бумаге. К карте приложена брошюра, являющаяся пояснительным текстом к ней.
Кроме основной карты, на которой особыми значками показаны экономические особенности всех районов европейской части СССР, карта сопровождена 15 отдельными картограммами распределения промышленности цензовой и кустарной, запаханности, лесистости и посевов отдельных с.-х. культур, населенности, транспортных балансов и т. д.
Карта необходима в каждой школе, в каждом ВУЗ'е, техникуме, клубе и в каждом учреждении, а также в кабинете каждого хозяйственника.
Составлена карта проф. ДЕНОМ, МЕБУСОМ и ВОЛЬФОМ.
Цена карты (в листах) с пояснительным текстом—18 руб.
Школы, выписавшие карту непосредственно от Издательства, получают 10% скидки.
Пересылка за счет издательства.
Заказы и деньги адресовать: Москва, Центр, Петровка, 15/10, книжному магазину «Экономическая Жизнь».

Разрешенные МОСКПРОФОБРОМ частные
КУРСЫ КРОЙКИ, ШИТЬЯ и МАШИНОПИСИ
Г. Г. ЧУМИЧЕВА. Отрадной бульвар, д. 8/23; Сретенские ворота, Милютинский пер., 18. Прием от 9 до 7 час. вечера. Завед. Чумичев.

Главлит 21,185, Москва. Центральная газетная типография «Красный Маяк», Тверская, 48.